



Ф. Жели Кларк

«Умный, соблазнительный и увлекательный
стимпанковский детектив с отлично сбалансированным
юмором. Мне понравилось». — ШЕННОН ЧАКРАБОРТИ

ХОЗЯЕВА ДЖИННОВ

fanzon

Fanzon. Наш выбор

Ф. Джели Кларк
Хозяева джиннов

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Кларк Ф.

Хозяева джиннов / Ф. Кларк — «Эксмо», 2021 — (Fanzon. Наш выбор)

ISBN 978-5-04-162310-4

Финалист премий «Дракон», «Небьюла», «Локус», «Хьюго» и Мифопоэтической премии. Каир, 1912 год. Сорок лет назад великий аль-Джахиз пробил портал в измерение джиннов, и теперь джинны и другие магические существа живут вместе с людьми, соблюдают законы и платят налоги. Но и среди волшебных созданий встречаются нарушители и злодеи. Поэтому есть Министерство алхимии, заклинаний и сверхъестественных существ. Фатима эль-Шаарави — специальный следователь египетского министерства. Одна из немногих женщин в мужской профессии. В поместье английского лорда находят 24 мертвеца, сожженных заживо, но одежда на телах не пострадала. Дело явно для агента Фатимы. Книга включает роман и повести Ф. Джели Кларка о магическом альтернативном Каире, полном ангелов, джиннов, духов и нераскрытых тайн. «Этот эпический роман о магии и тайнах действительно потрясает». — Publishers Weekly «Захватывающая история Каира становится еще одним персонажем в этой восхитительной комбинации детектива и фэнтези. Дайте роман любителям альтернативной истории и читателям детективов, которые не против насладиться дозой магии». — Booklist «Кинематографичный экшен, радикальное переосмысление реальной истории и магия на каждой странице. Мне это нравится!» — Аликс Харроу «Умный, лукавый и увлекательный стимпанк-детектив с отличным балансом юмора и сердечности. Обожаю!» — Шеннон Чакраборти «Каир, альтернативно-исторический город-космополит, населен не только людьми, но и множеством сверхъестественных существ. Когда их интересы и планы сталкиваются, то в результате получается книга, которую вы не захотите отложить». — Мари Бреннан «Очаровательно! Мне нравится сложный мир альт-истории «Хозяев джиннов», с его намеками на изменившиеся судьбы народов и простых людей после катастрофического возвращения магии. Кларк дарит нам увлекательный детектив с чудесным

сочетанием фантастического и обыденного, богов-крокодилов, курящих одну сигарету за другой, скучных библиотекарей-маридов и блестящей героини в лихом котелке». — Джанго Векслер

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-162310-4

© Кларк Ф., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Хозяева джиннов	7
Глава первая	8
Глава вторая	15
Глава третья	24
Глава четвертая	34
Глава пятая	41
Глава шестая	51
Глава седьмая	56
Глава восьмая	67
Глава девятая	75
Глава десятая	83
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Ф. Джели Кларк
Хозяева джиннов
Роман, новеллы

© Киселик А.С., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Хозяева джиннов

*Клодетт, которую многие зовут Лиз, а я зову просто Мамой.
Спасибо за все те визиты в библиотеку.*

Глава первая

Арчибальд Джеймс Портендорф не любил ступени. С этой их невыносимой высотой, они к тому же, словно издеваясь, всегда вели вверх. «Временами, – думал Портендорф, – можно даже услышать, как они хихикают». Если бы у ступеней были глаза, смешками они бы не ограничились – наблюдая, как он пытит сквозь подкрученные рыжие усы, как его короткие ноги подкашиваются под круглым животом. В современную эпоху, когда пассажиров могли с удобством поднимать лифты, просто преступно, что этим лестницам по-прежнему позволялось существовать.

Арчибальд остановился передохнуть у гигантской реплики медного чайника с изогнутым, будто клюв, носиком, опустил свою ношу. Это безобразие, что человек его лет, доживший до шестидесяти и одного в этом 1912 году, вынужден подвергаться подобным унижениям. Ему бы проводить ночь с крепким напитком, а не рысить вверх по дурацким ступеням!

– Все для короля, страны и компании, – пробормотал он.

Утирая со лба пот, Портендорф мечтал дотянуться до сырости на спине и других неприличных мест, к счастью, скрытых темным костюмом. Для ноября было тепло, и в этих перегретых землях казалось, что его тело уже не знало, как *не* потеть. Арчибальд со вздохом обратил усталые глаза к арочному окну. В этот час он все еще мог различить пологие силуэты пирамид, их камни сияли под светом полной луны, повисшей в черном небе.

Египет. Таинственная жемчужина Востока, земля фараонов, легендарных мамлюков и бесчисленных чудес. Десять долгих лет Арчибальд проводил три, четыре, даже шесть месяцев кряду в этой стране. И в одном он был совершенно уверен – с него достаточно.

Портендорф устал от этого ужасающе жаркого, сухого места. Тридцать лет назад страна созрела, чтобы стать еще одним завоеванием Империи Ее Величества. Сейчас Египет превратился в одну из великих держав, а Каир быстро превосходил Лондон, даже Париж. Местные горделиво вышагивали по улицам – насмешливо называя Англию «серым островком». Их еда расстраивала его желудок. Их молитвы разносились днем и ночью. И они наслаждались, прикидываясь, что не понимают английский, *когда он знал, что они все прекрасно понимают!*

А еще были джинны. Противоестественные существа!

Арчибальд снова вздохнул, проводя пальцем по лавандовой «Д», вышитой на платке. Джорджиана подарила его перед свадьбой. Она любила поездки Портендорфа не больше, чем он сам. Она оставалась в Лондоне, и в отсутствие мужа ей нечем было помыкать, кроме слуг.

– Всего несколько недель осталось, моя дорогая. – Всего несколько недель – и он улетит домой на дирижабле. Как же он будет рад увидеть свой «серый островок», где стоял разумно холодный и дождливый ноябрь. Он будет гулять по его узким улочкам и смаковать их вонь. На Рождество он ухнет до изумления – хорошим, крепким, английским виски!

Эти мысли приободрили Портендорфа. Он поднял тюк и снова принялся подниматься, на ходу напевая «Правь, Британия!» Но пролет патриотизма сменился томительными ступенями. К моменту, когда Арчибальд добрался до вершины, лестница высосала из него всю энергичность. Он запнулся и остановился перед высокими дверьми темного, почти черного дерева в каменной арке и, шумно пытая, уперся руками в колени.

Пока он стоял, его внимание привлек смутный звон. Он уже несколько недель периодически слышал этот странный звук – далекое эхо ударов металла о металл. Арчибальд спрашивал у прислуги, но большинство его не замечало. Те же, кто его слышал, говорили, что это, должно быть, невидимый джинн, живущий в стенах, и предлагали ему декламировать суры. Все же этот звук должен был доноситься из...

– Портендорф!

Окрик заставил Арчибальда выпрямиться. Он поправил пиджак и повернулся к двум мужчинам, шагавшим в его сторону. Когда Портендорф узнал одного из них, он чуть не скривился в гримасе, но заставил свое лицо сохранять спокойное выражение.

Уэсли Далтон напоминал Арчибальду карикатуры на эдвардианских аристократов: золотые волосы с аккуратным пробором, навощенные до остроты усы и фонтанирующая самонадеянность от бровей до подбородка с ямочкой. В целом он вызывал тошноту. Поднявшись, молодой человек от души хлопнул Арчибальда по спине, чуть не сбив толстяка с ног.

– Выходит, я не единственный, кто опоздал на суаре компании! Думал, придется извиняться перед старцем. Но если появлюсь с нашим маленьким кайзером, то порки удастся избежать!

Арчибальд растянул губы в улыбке. Фамилия *Портендорф* столетиями считалась английской. И пришла из Австрии, не Германии. Но обижаться на шутку было дурным тоном. Он поздоровался и пожал руку.

– Только прилетел из Эль-Файюма, – поделился Далтон. Что объясняло его наряд – рыжеватый костюм пилота, со штанами, заправленными в черные ботинки. Скорее всего, он летел на одной из этих двухместных планирующих штуковин, которые были здесь так популярны. – Со мной поделились информацией о достойной исследованию мумии. Это оказалось надувательством. Местные слепили ее из соломы и шпаклевки, ты можешь в это поверить?!

Арчибальд вполне мог в это поверить. Далтон был одержим мумиями – часть доказательства его теории, что древние египетские правители были белобрысыми родственниками англосаксов, властвовавшими над темными ордами в своем королевстве. Арчибальд и сам был расиалистом, но даже ему подобные утверждения казались вздором и ахинеей.

– Временами, Мустафа, – продолжал Далтон, стягивая перчатки, – мне кажется, что ты получаешь удовольствие, когда отправляешь меня в эти бессмысленные путешествия.

Арчибальд почти забыл о втором мужчине, стоявшем беззвучно, словно предмет мебели. Хоть нанять местных для подобной работы становилось все труднее, Мустафа был слугой Далтона. С тех пор как египетский парламент запретил торговлю, мумии стало тяжело добыть. Однако казалось, что Мустафа всегда способен отыскать для Далтона новую наводку – неизменно бесплодную и, как подозревал Арчибальд, очень дорогую.

– Я лишь пытаюсь услужить, мистер Далтон, – ответил Мустафа на спотыкающемся английском, снимая перчатки и пряча их под голубой галабеей¹.

– Каждая наводка за бакшиш. Не лучше лондонской шпаны, догола разденут, если расслабишься, – хмыкнул Далтон.

Мустафа перевел взгляд на Арчибальда, на его полных губах играла едва заметная улыбка.

– Ух ты! – воскликнул Далтон. – Это... тот самый предмет?

Арчибальд подхватил тюк с земли. Ему изрядно пришлось поторговаться, чтобы добыть эту штуку. Он уж точно не позволит ее лапать неуклюжими ручищами.

– Увидишь вместе со всеми, – отрезал он.

На лице Далтона отразилось разочарование и легкое возмущение. Но он только пожал плечами.

– Разумеется. В таком случае, если позволишь? – Он потянул, и тяжелые двери заскрежетали по камню.

Стены круглого зала на другой стороне украшали узоры золотых, бежевых, зеленых и коричневых оттенков на ярко-синем фоне. Гладкая поверхность переливалась под ярким светом бронзовой люстры со звездочками в арабском стиле. По сторонам тянулись ряды колонн,

¹ Длинная, до лодыжек, рубаха с широкими рукавами, без воротника и пояса.

чьи изгибающиеся арки расписали полосами охры. Яркая демонстрация ориенталистского декаданса, как и приличествовало Герметическому Братству аль-Джахиза.

Вперед выступила пара автоевнухов, их лица были пустыми и нечеловеческими, нечитаемые листы бронзы. В ловких металлических пальцах каждый из автоматов сжимал белые перчатки, черные мантии и того же цвета фески с золотой кисточкой. Арчибальд принял свой наряд, накинул длинное одеяние поверх костюма и натянул шляпу на голову – удостоверившись, чтобы вышитый золотой скимитар и месяц рогами вниз смотрели вперед.

В зале находилось двадцать два человека, включая Далтона и Портендорфа. Мустафа уважительно остался снаружи. Все присутствующие нарядились в регалии братства, часть добавили пестрый передник или кушак, чтобы обозначить ранг. Они общались, разделившись на группки по два-три человека, автоевнухи разносили прохладительные напитки.

Арчибальд знал здесь каждого, все они были с положением в компании – иного способа присоединиться к братству не существовало. По пути его приветствовали, и ему приходилось оказывать уважение, останавливаться, чтобы подобающим образом пожать руку и обняться щекой к щеке – ритуал, которому они научились у местных. Все они не сводили глаз с тюка, а Портендорф старательно его прятал от тянущихся рук. Скучное занятие, и он был рад вырваться, оставляя Далтона в их компании. Выбравшись из скопления людей, Арчибальд заметил мужчину, с которым должен был встретиться.

Лорд Алистер Уортингтон, Великий Магистр Герметического Братства аль-Джахиза, выглядел внушительно в сверкающей пурпурной мантии, украшенной серебром. Он сидел за черным столом-полумесяцем, в кресле с высокой спинкой, напомиавшем трон. За его спиной со стены свисал длинный белый флаг с символом братства.

Арчибальд с трудом мог припомнить время, когда лорд Уортингтон не был «старцем». Со своими снежными волосами и резкими, патрицианскими чертами лица, глава Компании Уортингтона подходил к роли старшего жреца в их эзотерическом содружестве. Он основал Братство еще в 1898 году и поставил задачу отыскать мудрость аль-Джахиза – исчезнувшего суданского мистика, который навсегда изменил мир.

Плоды их трудов выстроились у стен: окровавленная накидка; алхимическое уравнение, снова и снова написанное от руки; Коран, по которому он учил. Большую часть этих реликвий помог добыть Арчибальд, как и тюк в его руках. Но все же в своих поисках они так и не наткнулись на божественную мудрость или тайные законы, управляющие небесами. Вместо этого братство превратилось в убежище для романтиков или психов вроде Далтона. С годами вера Портендорфа угасла, как фитиль свечи, что слишком долго горела. Но он держал язык за зубами. В конце концов, он был служащим компании.

Когда он добрался до лорда Уортингтона, старец был не один. Рядом сидел Эдвард Пеннингтон, один из старейших работников компании, истинный верующий, хоть и наполовину маразматик. Он расположился между двумя членами братства и клевал носом, пока оба что-то ему рассказывали.

– Германцы доставляют Европе ужасные хлопоты, – заметила единственная в комнате женщина: смуглая красавица с большими светлыми глазами, обведенными черной сурьмой, и косой, спускающейся ниже плеч. Широкий воротник окружал ее шею рядами зеленых и бирюзовых каменных бусин, переходя в белое платье. – Теперь кайзер и царь каждый день обмениваются оскорблениями, как дети, – продолжила она с резким акцентом.

Прежде чем Пеннингтон успел ответить, заговорил мужчина с другой стороны. Он не придумал ничего лучшего, как накинуть на свои тяжелые плечи шкуру какой-то пятнистой твари.

– Не забывайте французов. У них еще осталось дельце с османцами по поводу алжирских территорий.

– Османцы слишком разбрасываются. Они думают, что вернут Магриб, когда по уши вляпались в Балканы? – прищелкнула языком женщина.

Арчибальд слушал их спор, несчастный Пеннингтон с трудом успевал вставить возражение. Пара еще раз напомнила Портендорфу, как низко пало братство.

– Надеюсь только, что Египет не будет вмешиваться в ваши конфликты, – вздохнула женщина. – Война – это последнее, что нам нужно.

– Войны не будет, – вступил в разговор лорд Уортингтон. В его голосе была едва уловимая жесткость, и за столом воцарилась тишина. – Мы живем в индустриальную эпоху. Мы производим судна, чтобы пересекать моря, и дирижабли, бороздящие небо. С нашим манипулированием ядовитыми парами и возрожденными навыками в алхимии и тайных искусствах вашей страны? Какое новое оружие может создать эта эпоха? – Он тряхнул головой, словно отгоняя кошмарные чары. – Нет, этот мир не может себе позволить войну. Вот почему я посодействовал вашему королю на предстоящем саммите наций. Единственный путь вперед – это мирное сосуществование, иначе мы наверняка сгинем.

Повисла пауза, затем женщина подняла бокал.

– Египтяне любят тосты не меньше вас, англичан. Мы часто говорим *фи сихатик* – за здоровье. Возможно, теперь нам стоит выпить за мир.

Лорд Уортингтон склонил голову и поднял кубок.

– За мир.

За ним последовали остальные, даже старый маразматик Пеннингтон. Где-то в процессе старец заметил Арчибальда.

– Арчи! Я уж боялся, мы тебя не увидим. Давай, приятель. Ох, у тебя даже бокала нет!

Арчибальд пробормотал извинения и взял бокал у автоевнуха. После обычного формального представления он уселся рядом с женщиной, распространявшей запах сладких, хмельных духов.

– Арчи сыграл важную роль в формировании нашего Братства, – рассказывал лорд Уортингтон. – Он курировал приобретение этого дома – охотничьего домика старого паши. Тогда еще Гиза была глухим местом. Арчи принадлежит титул моего визиря, совсем как... – Когда он заметил прислоненный к креслу тюк, старец оборвал речь, в его голубых глазах появились искорки. – Это?..

– Именно так, сэр, – закончил Арчибальд, водружая тюк на стол. Взгляды окружающих устремились к темной ткани, их разговоры утихли. Даже маразматик Пеннингтон вытаращил глаза.

Лорд Уортингтон нетерпеливо протянул руку, но передумал.

– Нет. Этот дар мы преподнесем Братству. – Словно по сигналу громко пробил колокол, возвещающий новый час. – А! Замечательно совпало. Арчи, ты не мог бы призвать к порядку?

Арчибальд поднялся, выждал, пока не затихнет колокол, и прокричал:

– Порядок! Порядок! Великий Магистр призывает братство к порядку!

Шум стих, все повернулись к столу. Лорд Уортингтон встал, за ним поднялись остальные.

– Слава! Слава! Великий Магистр! – закричал Арчибальд.

– Слава! Слава! Великий Магистр! – ответил зал.

– Благодарю тебя, мой визирь, – сказал лорд Уортингтон. – И добро пожаловать, братья, на это судьбоносное собрание. Десять лет длился наш поиск, мы шли по следам аль-Джахиза, чтобы раскрыть оставленные им в этом мире тайны. – Его левая рука указала на флаг с символом ордена и словами *Quaerite veritatem*, написанными золотом. – «Ищите истину». Наше Братство не исчерпывается мантиями, секретными паролями или рукопожатиями, оно служит более высокой и благородной цели. Давайте помнить об этом и не терять свой путь между высокопарностью и ритуалом!

– Мир стоит у пропасти. Наша способность создавать превысила нашу способность к пониманию. Мы играем с силами, способными нас уничтожить. Это задача, которую должно решить наше Братство. Восстановить самую священную мудрость древних, создать светлый завтрашний день. Вот за что мы должны бороться. Вот что должно быть нашей величайшей истиной. – Старец положил ладони на тюк. – Нет лучшего символа этой цели, чем то, что мы добыли сегодня. – Он отбросил ткань и поднял сокровище. – Узрите, меч аль-Джахиза!

Раздались ахи. Арчибальд слышал, как женщина бормочет что-то, похожее на молитву. Он не мог ее упрекать, глядя на искусную рукоять и длинный, слегка изогнутый клинок меча – настолько черного, что казалось, будто он впитывает свет.

– С этим святым тотемом, – объявил лорд Уортингтон, – я хочу еще раз заявить цель нашего Братства. *Quærite veritatem!*

Собрание должно было взорваться шквалом одобрения – но тут раздался внезапный стук.

Взгляд Арчибальда обратился к двери вместе со всеми остальными. Стук повторился. Три раза. При каждом ударе двери содрогались, будто в них колотил огромный кулак. Опустилась тишина – пока створки не распахнулись насильно, одна чуть не слетела с петель, а засов хрустнул, как ветка. За криками ужаса последовал звук шаркающих ног, когда мужчины отступили от сцены разрушения.

Арчибальд прищурился, вглядываясь в появившуюся в проеме фигуру. Мужчина, одетый в черное: широкие штаны, заправленные в ботинки, и рубаху, туго обтягивающую торс. Он спрятал лицо за черной маской, только глаза виднелись сквозь овальные прорезы. Незнакомец остановился у сломанной двери, чтобы обзреть зал, затем поднял руку в перчатке, щелкнул пальцами.

И раздвоился.

Арчибальд выпучил глаза. Только что мужчина... удвоился? Дубликаты обменялись взглядами, а потом первый снова щелкнул пальцами. Теперь их стало трое. Щелчок! Щелчок! Щелчок! Уже шестеро странных мужчин! Все одинаковые и будто из воздуха появились! Они, как один, повернули свои лица к потрясенному собранию и заскользили вперед, подобно теням.

Зал охватила новая тревога. Мужчины отшатнулись от молчаливого наступления чужаков. Мысли Арчибальда заметались в поисках объяснения. Это трюк. Похожий на те, что он видел на городских улицах. Это местные – может, воры? Хотят ограбить богатых англичан? Когда шестерка почти достигла центра комнаты, они остановились, неподвижные, как статуи. Странное противостояние нарушил разъяренный голос лорда Уортингтона:

– Кто смеет вламываться в этот дом! – Шесть пар немигающих глаз не дали ответа. Лорд Уортингтон в гневе ударил по столу. – Это святая обитель Братства аль-Джахиза. Убирайтесь или я сейчас же свяжусь с властями!

– Если это дом аль-Джахиза, – раздался новый голос, – значит, я здесь по праву.

В сломанных дверях появилась фигура – мужчина, высокий и задрапированный в струящуюся черную мантию. Его сложенные руки прятались в темных кольчужных перчатках, а голову покрывал черный капюшон, скрывая лицо. Тем не менее его присутствие заполняло помещение, и Арчибальду казалось, что на них опустился тяжкий груз.

– И кто ты, чтобы заявлять о праве? – требовательно спросил лорд Уортингтон.

Странная фигура заняла место во главе своих спутников и дала ответ отбросив капюшон. У Арчибальда перехватило дыхание. Лицо мужчины тоже скрывала маска – человеческая личина, украшенная таинственными буквами, которые, казалось, двигались по золотой поверхности. Глаза в овальных прорезях были черными ямами, полыхавшими холодом.

– Я Отец Загадок, – заговорил он с сильным акцентом. – Странник на Пути Мудрости. Путешественник между Мирами. Меня называли мистиком и безумцем. Почитали и проклинали. Я тот, кого вы ищете. Я аль-Джахиз. И я вернулся.

Безмолвие саваном накрыло зал. Даже лорд Уортингтон не нашелся, что ответить. Арчибалд разинул рот, слишком потрясенный, чтобы сделать хоть что-нибудь, кроме как смотреть в изумлении. Его пробудил лающий смех. Кто-то выкрикнул:

– Нонсенс!

Арчибалд беззвучно застонал. Далтон.

Уэсли пробился вперед, расталкивая других, чтобы предстать перед черными фигурами. Со всей дерзостью аристократии и юности он свысока посмотрел на их лидера.

– Я точно знаю, что ты не аль-Джахиз! Братья! Взгляните на эти образчики! Высокие, с длинными руками и ногами, типичное телосложение для суданских негров в тропическом климате. Однако я настаиваю, что аль-Джахиз не был негром, но, напротив, – представителем белой расы!

Арчибалд от всей души желал, чтобы Далтон заткнулся. Бога ради. Но дурень продолжал, драматически указывая на чужака.

– На самом деле аль-Джахиз происходит от правителей Древнего Египта! В этом секрет его гения! Если его поместить на Бейкер-стрит или среди обитателей Уэнтурта, осмелюсь сказать, что он был бы неотличим от любого другого лондонца! Я убежден, что под этой маской мы не найдем чистого лица, присущего нашему англосакскому происхождению, но обнаружим закопченную, низколобую физиономию...

Далтон осекся, когда чужак, до того молчаливый, поднял кольчужную ладонь. Внезапно меч в руке лорда Уортингтона начал гудеть и вибрировать. Шум усилился до воя, так что старика трясло вместе с оружием. Клинок освободился резким рывком, проплыл по воздуху и оказался в протянутой руке чужака. Его ладонь сжалась вокруг рукояти, он сделал шаг вперед и направил клинок на Далтона.

– Еще одно слово, – предупредил человек в маске, – и оно станет последним.

Далтон расширил глаза, скосил их, чтобы взглянуть на острие меча. И снова Арчибалд желал, чтобы мужчина – ради всего святого – хотя бы раз *захлопнул свой рот!* Но, увы, этому не суждено было случиться. Местные часто шутили над англичанами, слишком упрямыми, чтобы прислушиваться к предупреждениям о жестоком полуденном солнце, пока не падали от теплового удара. Юный Далтон, похоже, твердо решил придерживаться этого клише. Он устремил на чужака взгляд, в котором сосредоточилось все высокомерие британской гордыни и имперской надменности, а затем открыл рот, чтобы разразиться еще одной слабоумной тирадой.

Человек в маске не пошевелился. В отличие от его компаньона. Все случилось быстро, будто ожил камень. Руки в перчатках протянулись к Далтону и размылись – вверх и рывок в сторону, – после чего фигура снова перетекла в подобную статуе недвижимую позу. Арчибалд моргнул. Ему понадобилось мгновение на осмысление того, что он видел. Далтон по-прежнему стоял на том же месте. Но его голова полностью повернулась назад. Или, возможно, его тело. В любом случае его подбородок теперь покоился на спине мантии – в то время как руки были вытянуты позади. Он сделал полный пошатывающийся круг, словно пытаясь привести себя в порядок. Далтон выглядел почти комично. Затем он остановился, окинул окружающих последним озадаченным взглядом и упал на неправильно расположенное лицо – носки его черных ботинок указывали вверх.

Люди в комнате закричали. Кого-то тошнило. Арчибалд пытался к ним не присоединиться.

– В этом нет нужды, – взмолился лорд Уортингтон с побелевшим лицом. – В насилии нет нужды.

Чужак обратил взгляд черных зрачков к старику.

– Но есть нужда в возмездии. Возмездии человеку, что притязает на мое имя. Маср превратился в место упадка. Его осквернили чужеземные замыслы. Но я вернулся, чтобы довести свой великий труд до завершения.

– Уверен, мы можем помочь, – быстро проговорил лорд Уортингтон. – Если вы действительно тот, кем себя называете. Если сможете подтвердить, что вы настоящий аль-Джахиз, тогда я в вашем распоряжении. Мое состояние. Мое влияние. Я передам вам все, что мне дорого, если вы докажете, что достойны этого имени.

Арчибальд в шоке обернулся. На лице старца застыло выражение человека, отчаянно желающего верить. *Нуждающегося* в вере. Он в жизни ничего более обескураживающего не видел.

Фигура в черной мантии окинула лорда Уортингтона оценивающим взглядом, глаза под маской потемнели еще сильнее.

– Отдашь все, что тебе дорого? – горько произнес он. – Ты бы так и поступил, так ведь? Я больше не нуждаюсь ни в чем, что ты можешь предложить, старик. Но если тебе нужно подтверждение, я его предоставлю.

Чужак поднял меч, направил его на членов Братства. Комната потемнела, свет сочился сквозь тени. Явственное присутствие, излучаемое человеком в маске, усиливалось, нарастало, пока Арчибальд не почувствовал, что сейчас упадет на колени. Он повернулся к лорду Уортингтону – и обнаружил, что старец горит. Ярко-красные языки пламени поднимались по его рукам, сморщивая и покрывая волдырями кожу. Но лорд Уортингтон этого не замечал. Его глаза были устремлены в зал, где каждый член Братства тоже горел – тела полыхали бездымным огнем цвета крови. Странный огонь оставлял их одежду нетронутой, но выжигал кожу и волосы, пока их крики наполняли комнату.

Не только их крики, осознал Арчибальд. Потому что он тоже кричал.

Он опустил взгляд на огонь, обвивающий его руки, пожирающий плоть под целехонькой мантией. Рядом с ним визжала женщина, ее предсмертные крики вплетались в чудовищную какофонию. Где-то за гранью боли, за гранью ужаса, перед тем, как последние крохи его сознания пожрало пламя, Арчибальд горевал по Лондону, по Рождеству, по дорогой Джорджиане и мечтам, которым не суждено сбыться.

Глава вторая

Фатима подалась вперед и выпустила клуб дыма из своего кальяна. Муассель смешали из резкого табака, вымоченного в меде, и мелассы с нотками трав, орехов и фруктов. Но чувствовался и другой вкус: сладкий до приторности, он щекотал язык. Магия. Волоски на ее шее встали дыбом.

Собравшаяся вокруг небольшая толпа выжидаяще за ней наблюдала. Мужчина с большим носом и в белом тюрбане так близко склонился к ее плечу, что она ощущала окружающий его запах сажи – металлург, судя по воню. Он шикнул на спутника, но только заставил остальных заворчать. Боковым зрением Фатима заметила, как Халид награждает обоих мужчин испепеляющим взглядом – его широкое лицо нахмурилось. Не стоит злить букмекера.

Они, как и большинство, скорее всего, поставили на ее оппонента, сидевшего на другой стороне восьмиугольного стола. «Лет семнадцать, – прикинула она, – с лицом еще более мальчишечьим, чем ее собственное». Но он уже побеждал людей вдвое его старше. Что важнее, он был мужчиной, чему даже в гордящемся своей современностью Каире все еще придавалась важность – это объясняло улыбку на его темных губах.

Часть более традиционных ахва не обслуживали женщин, особенно, если там курили кальяны, а курили их почти везде. Но в этом злчном притоне, спрятанном в нехорошем переулке, пол никого не заботил. Все же Фатима могла пересчитать женщин по пальцам одной руки. Большинство оставили ставки мужчинам. Три сидящие в темной комнате дамы у дальнего столика, без сомнений, принадлежали к Сорока леопардицам, в их кричащих красных кафтанах, хиджабах и синих турецких шароварах. Если судить по презрительным лицам, их можно было принять за зажиточных светских львиц – а не самую знаменитую воровскую банду города.

Фатима отсеяла окружение – игроков, самодовольных мальчишек и высокомерных леди-воровок, – сфокусировавшись на булькающей воде в луковичной колбе кальяна. Когда Фатима вдохнула дым, она представляла его струящейся рекой, достаточно реальной, чтобы смочить ее пальцы. После долгой затяжки из деревянной трубки Фатима позволила зачарованному муасселю пройти сквозь ее тело, прежде чем она выдохнула густую колонну дыма.

Он не походил на обычный дым – скорее серебряный, чем серый. И двигался он иначе: сгущаясь, вместо того чтобы рассеиваться. Ему требовалось несколько секунд, чтобы собраться воедино, но когда это произошло, Фатима не удержалась от чувства легкого триумфа. Дымная река извивалась в воздухе, а по ее поверхности, оставляя за собой рябь, плыла фелюга с туго натянутым латинским парусом.

Каждый взгляд в кофейне провожал бесплотное судно. Даже Сорок леопардиц подняли глаза в изумлении. На другой стороне стола улыбка ее противника сменилась разинутым от удивления ртом. Когда магия иссякла, а дым рассеялся, он покачал головой и отложил трубку кальяна, признавая поражение. Толпа взревела.

Фатима игнорировала похвалы, пока Халид собирал свои деньги. Зачарованный муассель был запрещенным веществом: халтурное чародейство и алхимическая смесь, что имитировали наркотик. Пристрастившиеся отказывались от своих жизней в погоне за все новыми величайшими чарами. К счастью, в женском колледже Луксора была популярна смесь помягче. И в бытность студенткой Фатиме довелось поучаствовать в одной-двух дуэлях. Или трех. Может, больше.

– Йа Салам! – воскликнул парнишка. – Шадия, не зря тебя Уста хвалил.

Халид носил прозвище эль-Уста. Старым турецким титулом называли водителей, рабочих, механиков или ремесленников – любого, кто был действительно хорош в том, чем занимался. Фатима не сомневалась, что Халид и дня в своей жизни не работал честно. Но когда дело доходило до игры со ставками, лучше его было не найти.

– Я же говорил, что она одна из лучших, – добавил букмекер, усаживаясь, чтобы пере- считать пачку купюр.

Имя Шадиа предложил Халид. Толстяк служил ее гидом по злочной изнанке Каира, где Фатима эль-Шаарави, специальный следователь египетского Министерства алхимии, заклина- ний и сверхъестественных существей, могла привлечь нежелательное внимание.

– Валлахи! Никогда не видел таких живых чар. В чем твой секрет, а?

Об этом «секрете» каждый первокурсник узнавал на лекциях по ментальной манипуля- ции элементами – выбирай реальный опыт, а не воображаемый. Фатима остановилась на дяди- ной лодке, на которой плавала десятки раз.

– Как говорит Халид Уста – я одна из лучших.

– Вот уж не подумал бы, – фыркнул парень.

Он указал подбородком на ее костюм – полностью белый с жилетом в цвет, он выглядел безукоризненно в сочетании с ее бронзовой кожей. Фатима провела пальцами по золотому галстуку, чтобы продемонстрировать сверкающие запонки на рукавах темно-синей рубашки.

– Завидуешь?

Парень снова фыркнул и сложил руки на выцветшем кафтане. Точно завидует.

– Давай ты отдашь то, за чем я пришла, а я тебя познакомлю со своим портным.

– Гамаль, – вмешался Халид. – Давай к делу. Шадиа и без того была достаточно терпе- ливой.

Более чем терпеливой. Не самая сильная ее сторона. Но работа под прикрытием ее требо- вала. Воры по существу своему недоверчивы, и только любовь к их грехам могла заставить их расслабиться. Фатима сверилась с золотыми карманными часами в форме старинного астур- лаба. Половина одиннадцатого.

– Ночь не молодеет.

Парень склонил голову набок.

– Что скажешь, Саид? Похожа Шадиа на делового партнера?

Сидевший рядом товарищ Гамалья ненадолго прекратил обкусывать ногти, чтобы про- бормотать: «Давай с этим покончим, ладно?» Долговязый юнец со своими ушами-лопухами и нимбом кудрявых волос выглядел даже младше Гамалья. Его взгляд никогда не встречался с Фатимой, и агент надеялась, что мальчишка обманулся личностью, которую она отыгрывала: юная прожигательница жизни, готовая хорошо заплатить за ворованный товар.

– Тогда давайте переберемся в место потише, – предложил Халид. Он указал в глубину кофейни и поднялся. Фатима приготовилась встать, пригладила копну коротко стриженных черных кудрей, прежде чем вновь водрузить на голову котелок. Она остановилась на полпути, заметив, что ни один из юношей не пошевелился.

– Нет, – сказал Гамаль. Саид, похоже, удивился не меньше, чем остальные.

– Нет? – То, как Халид протянул слово, могло устроить любого. Но не этого парнишку.

– Будешь прятаться в секретных местах – и люди могут неправильно понять. Могут дожидаться нас на обратном пути, чтобы узнать наши секреты. Мы можем заняться делом прямо здесь. В чем проблема? Валлахи, никто даже внимания на нас не обращает.

Фатима не сомневалась, что все окружающие полностью сосредоточили на них все свое внимание. В подобных местах глаза отрастали на твоём затылке, висках и макушке. Все-таки в чем-то парень прав. Она поймала вопросительный взгляд Халида. Он выглядел готовым захва- тить юношу из кресла. Но, как бы забавно это ни было, лучше, пожалуй, не устраивать сцену. Она снова опустила на свое сиденье. Халид вздохнул и последовал за ней.

– Значит, давай показывай, – потребовала Фатима.

Саид снял с плеча коричневый портфель и поставил его на стол. Когда он забрался внутрь, рука Фатимы сжалась на львиноголовом набалдашнике трости. Терпение.

– Погоди. – Гамаль выставил руку. – Покажи деньги.

Фатима сильнее сжала трость. Парень начинал раздражать.

– Так дела не делаются, – заворчал Халид.

– Я их делаю так, дядя. – Его взгляд застыл на Фатиме. – Они при тебе?

Фатима ответила не сразу. Вместо этого она встретила его взгляд – пока часть бравяды не поугасла. Только затем она достала из пиджака свернутые в трубку банкноты. Сине-зеленая бумага, скрепленная королевской печатью, заискрилась в глазах парня, и он облизал губы, прежде чем кивнуть. Саид расслабился и достал из портфеля объект. У Фатимы перехватило дыхание.

Он выглядел как бутылка, сделанная из металла вместо стекла, с грушевидным дном, инкрустированным цветочным золотым орнаментом, который поднимался к длинному горлышку. Позеленевшая поверхность напоминала бронзу, но Фатиме казалось, что это медь.

– Старая штукавина, – заметил Саид, водя пальцем по гравировке. – Думаю, где-то периода Аббасидов. То есть не меньше тысячи лет.

Хороший глаз. Значит, за этим нервным взглядом скрывался знаток.

– Мы ее нашли, когда рыбачили. Я думал, она предназначалась для парфюмов, или ее использовали древние алхимики. Но это... – Его рука потянулась к пробке, поверх которой была керамическая печать с вытравленным на ней драконом. – Никогда такого не видел. Может, китайская? Тан? Язык тоже не узнаю. И воск свежий, будто его только вчера заливали...

– Ты ничего не трогал, так ведь? – перебила Фатима.

Резкость ее тона заставила его глаза расшириться.

– Халид Уста сказал, что нельзя. Что нетронутая печать – это часть сделки.

– Рада, что ты послушался. Иначе мы все зря потратили время.

– Айва, – вздохнул Гамаль. – Что я хочу знать, так это что в ней такого особенного? Мы с Саидом много мусора находим. Каждый день, валлахи. Все, что люди выбрасывают в Нил, возвращается снова. Мы продаем это богатым вроде тебя. Но никто еще не предлагал так много, валлахи. Я слышал, другие вещи...

– Гамаль, – перебил Саид. – Не время опять начинать.

– Я думаю, как раз время, – ответил Гамаль, не сводя глаз с Фатимы. – Моя старенькая сетти² любила рассказывать истории о джиннах, которых запирали в бутылках и бросали в море – задолго до того, как аль-Джахиз вернул их в наш мир. Она говорила, что иногда их находили рыбаки, и когда они освобождали джинна, тот исполнял их величайшие желания. Валлахи! Три желания могут сделать тебя королем или самым богатым человеком в мире!

– Я похожа на твою сетти? – спросила Фатима. Но на этот раз бравада паренька не угасала.

– Сделки не будет, – внезапно сказал он. Гамаль схватил бутылку и запихнул ее назад в портфель. В сердце своем Фатима взвыла.

– Йа Аллах! Что ты делаешь? Нам нужны эти деньги! – всполошился Саид.

Гамаль укоризненно поцокал языком.

– А! Валлахи, у тебя только на книги мозгов хватает! Подумай! Если эта бутылка то, что я думаю, – то, чем она ее считает, – мы сами ее можем использовать! Пожелать, чтобы деньги дождем на нас сыпались! Или целую пирамиду в золото превратим!

– Вы двое совершаете ошибку, – предупредил Халид. Его лицо потемнело, как шторм, а белые волосы окружали его гневными облаками. – Соглашайтесь на сделку, и каждый пойдет своим путем. Видит Милосердный, будет неумно...

– Неумно? – хмыкнул Гамаль. – Ты теперь шейх? Хадисы зачитывать будешь? Тебе нас не запугать, старик. Ты очень хотел забрать бутылку, когда мы к тебе пришли. Затем, когда мы отказались, тебе еще больше захотелось договориться о сделке. Вы двое сговорились? Думаете, сможете нас надуть? Лучше поосторожней. Одно желание мы можем потратить на вас, валлахи!

² Бабушка.

Фатима услышала достаточно. Должна была сообразить, что честным торговцем парень не будет, особенно со всеми этими «валлахи», которые он повсюду разбрасывал. Тем, кто постоянно клянется Богом, доверять нельзя. Вот тебе и простое решение. Она достала из пиджака кусочек серебра и выложила его на стол. Старое министерское удостоверение было пухлой стопкой бумаги с дагеротипом. Они перешли на жетоны в прошлом году – с алхимической фотографией, вплавленной в металл. Не то чтобы засветка прикрытия выступала у нее планом номер один. Но зрелище, как от лица Гамалья отливает наглость, стоило того.

– Ты из министерства? – прохрипел Саид.

– Другими путями этот значок трудноато добыть, – ответила она.

– Ты врешь, – запинаясь, сказал Гамаль. – В министерстве нет женщин.

– Вам двоим стоит чаще читать газеты, – вздохнул Халид.

Гамаль затряс головой.

– Я не верю. Ты не...

– Кхаллас!³ – прошипела Фатима, склоняясь вперед. – Все кончено! Вот, что ты должен знать. В этой комнате еще четыре агента. Видишь того мужчину у двери? – Она не стала обобщиваться, пока парочка присматривалась. – Вон еще один, заговаривает народу зубы, за столиком справа. И третий наслаждается игрой в тавлею и кальяном слева. Даже не буду говорить, где четвертый.

Они крутили головами, как сурикаты. Саид заметно дрожал.

– Вот что произойдет дальше. Ты отдашь бутылку. Я заплачу половину того, о чем договаривались – за дополнительные сложности. И я не стану тебя забирать на допрос. Договорились?

Саид кивал так быстро, что уши развевались. Гамаль, однако, был не таков: он нервничал, но не сдался. Его глаза метались от нее к значку, затем к сумочке и обратно. Когда челюсть парня сжалась, Фатима выругалась про себя. Дурной знак.

Во взрыве движения Гамаль перевернул стол. Халид растянулся на полу, из-под него вылетел стул. Фатима удержалась, отшатнувшись назад. Гамаль стоял с бутылкой в одной руке и небольшим ножом в другой. Вот тебе и не устроили сцену.

– А теперь мои условия! Ты наспустишь! Или я сломаю печать и посмотрим, что случится!

– Гамаль! – запротестовал Саид. – Мы можем просто уйти! Нам не нужны...

– Не тупи! Она нас не отпустит! Они нас заберут, и наши семьи никогда нас больше не увидят! Будут с нами эксперименты проводить! Или скормят гулям!

Фатима нахмурилась. У людей было очень странное представление о том, что происходило в министерстве.

– Ты понятия не имеешь, что делаешь. И отсюда не уйдешь. Не с этой штукой. Теперь отдай бутылку. Последний раз прошу.

Лицо Гамалья исказилось. Он зарычал сквозь сжатые зубы и полоснул ножом по восковой печати, которая сломалась и слетела с горлышка.

На мгновение наступила тишина. Вся ахва повернулась поинтересоваться суматохой. Но их взгляды больше не устремлялись на маленькую женщину в белом западном костюме, большого мужчину, которого знали как местного букмекера, поднимавшегося с пола, или двух юношей, стоящих за перевернутым столом.

Вместо этого они с открытыми ртами уставились на предмет в руках одного из юнцов – старую антикварную бутылку, из которой изливался яркий, зеленый дым. Словно зачарованный муассель, но в больших объемах. Он сгущался в нечто более вещественное, чем любая иллюзия. Когда дым рассеялся, на его месте оказался живой, дышащий гигант: с кожей в изу-

³ Достаточно, хватит.

мрудной чешуе и головой, увенчанной изогнутыми костяными рогами, которые цепляли потолок. На нем не было ничего, кроме обширных белых шаровар с широким золотым поясом. Массивная грудь поднялась и опала с несколькими вдохами, а затем он открыл три глаза – каждый горел, словно небольшая, но яркая звезда.

Даже в мире, оставленном после себя аль-Джахизом, не каждый день можно увидеть, как джинн-марид просто... появляется. Именно этого сценария Фатима отчаянно пыталась избежать, а теперь он разыгрывался прямо перед ней. Перед тем как снова броситься в бой, она позволила себе краткий приступ паники.

– Не двигайтесь. Говорить буду я...

– Нет! – выкрикнул Гамаль. – Он наш! Ты его не получишь!

– Он не принадлежит!..

Но парень уже размахивал перед джинном опустевшей бутылкой.

– Ты! Смотри на меня! Это я тебя освободил! – Молча обозревающий комнату марид повернул к нему своей пылающий взгляд. Любому другому этого было бы вполне достаточно, чтобы сжаться от страха. Но этот парень – довольно глупо – стоял на своем: – Так-то! Мы тебя освободили! Саид и я! Теперь ты нам должен! Три желания!

Марид уставился на парочку, затем проронил одно слово, которое загромыхало и отдавалось эхом по ахве:

– Свободен. – Он снова сложил это слово между губами, обрамленными курчавой белой бородой. – Свободен. Свободен. Свободен. – Он расхохотался, смех был похож на гулкий рев, от которого у Фатимы заныли зубы. – Прошла целая вечность с тех пор, как мне приходилось говорить на этом языке смертных. Но я помню, что означает «свобода». Не быть связанным. Не быть скованным или заключенным. – Его лицо скривилось в нечто ужасное. – Но я не был связан, или скован, или заключен. Никто не лишил меня свободы. Я спал по собственному выбору. А ты меня разбудил, незванный, непрошенный, нежеланный – чтобы я исполнил твои хотелки. Ну что ж. Я исполню лишь одно твое желание. Ты должен выбрать. Выбирай, как ты умрешь.

Этого хватило. Люди вскочили со стульев и из-за столов и устремились к выходу. Даже обслуживающий персонал присоединился к паническому бегству. Владелец ахвы исчез в подсобке, не забыв запереть за собой дверь. Заведение мгновенно опустело, остались лишь Фатима, Халид, двое юношей и один марид с тяжелым характером.

Гамаль выглядел потрясенным – а Саид готовым упасть в обморок. Фатима покачала головой. Вот почему нельзя шататься по округе и вскрывать загадочные бутылки. Почему людям так сложно это понять? Ну, пора отрабатывать зарплату.

– О Великий! – позвала она. – Услышь мою мольбу за этих двоих, что нанесли тебе обиду!

Марид повернул рогатую голову, огненный взгляд сосредоточился на следовательнице.

– Ты бывала в компании другого джинна. – Чуткий нос втянул воздух и сморщился в отвращении. – Помимо других существ. Ты смертная чародейка?

– Не чародейка. Просто по работе приходится сталкиваться с магией.

Похоже, марид принял ее ответ. Или ему было все равно.

– Ты хочешь говорить в защиту этих двух, – когтистая лапа махнула в сторону Гамалья и Саида, – дураков?

Фатима сдержала улыбку.

– Да, Древний. Этих двух *дураков*. – Она одарила Гамалья взглядом. – Наверняка такой могущественный и мудрый джинн, как вы, достаточно великодушен, чтобы не обращать внимания на грубость, которую проявили два *глупых* мальчишки.

Марид скрипнул острыми зубами.

– Лицемерная лесть смертных. Я помню ее. Знаешь ли ты, нечародейка, почему я погрузил себя в сон? Потому что я устал от твоего вида. Жадные. Корыстные. Постоянно в поис-

ках, как бы утолить свои желания. Меня тошнило от вашего вида. От вашей вони. От ваших маленьких уродливых лиц. Я спал, чтобы от вас сбежать. В надежде, что, когда я проснусь в следующий раз, вы исчезнете. Что вас сразит благословенная болезнь. Или выкосит одна из ваших бесконечных войн. Тогда мне не придется слышать вашу мартышечью болтовню. Никогда снова не нужно будет говорить на вашем невразумительном языке. Но вот он я. А вы все еще здесь.

От его тирады Фатима зажмурилась. Из всех джиннов, кого эта парочка могла пробудить, они выбрали расиста.

– Точно. Древний, вы можете возвращаться ко сну. Можете спать сколько захотите. Я даже удостоверюсь, чтобы ваш сосуд отослал подальше. Где вас не побеспокоят. – «Может быть, в сердце вулкана», – подумала она.

Марид смотрел на нее с лицом мясника, которому коза проблеяла просьбу убрать нож.

– И почему же, нечародейка, я должен снизойти до сделки с тобой? Когда я могу просто вырвать твою голову из шеи? Заляпать эти стены твоими кишками? Или наполнить твой живот изголодавшимися скорпионами?

Фатима не сомневалась в его угрозах. Из всех классов джиннов марида были самыми могущественными и древними – они обладали сверхъестественной силой и устрашающей магией. Но если этот полупроснувшийся тиран думал, что она испугается его угроз, его ждал сюрприз. Она заломила котелок под поистине надменным углом и подошла к огромному мариду ближе, вытягивая шею, чтобы встретиться с его тремя горящими глазами.

– Вы по меньшей мере тысячу лет провели в добровольном изгнании в этой бутылке. Так что давайте я помогу наверстать. В мире больше болтливых смертных, чем вы можете предположить. Гораздо больше. И вашего вида тоже, они переселяются в наш мир. Теперь джинны живут среди нас. Работают с нами. Следуют нашим законам. Хотите размазать меня в фарш? – Она пожала плечами. – Вперед. Но вы за это поплатитесь. И люди, на которых я работаю, способны даже бесконечный сон в бутылке сделать крайне неприятным. Попробуйте расширить взгляд третьего глаза. Посмотрите, во что превратился мир, пока вы спали.

Марид отреагировал не сразу. Наконец он закрыл оба глаза и расширял третий, на лбу, пока тот не засиял. Когда он снова открыл остальные глаза, они выглядели ошеломленными.

– Ты говоришь правду. Твой вид действительно приумножился. Как саранча! И в этом мире так много джиннов. Работающих среди смертных. Живущих среди них. Сношающихся с...

– Да, они все это делают, – перебила Фатима.

– Омерзительно.

– Такова реальность. Что возвращает нас к нашим переговорам. Уверена, вы предпочтете вернуться ко сну. Выждать и посмотреть, как все сложится. Мое предложение все еще в силе. Даю слово.

Марид фыркнул.

– Слово смертной? Пустое и быстротечное, как вода. Оно ничего не стоит. Дай мне что-нибудь, что может связать. Что-нибудь, что заставит тебя сдержать обещание.

– Моя честь, в таком случае.

– Что мне честь смертной? Ты испытываешь мое терпение, нечародейка. Сделай предложение достойным моего внимания или не предлагай ничего.

Фатима сжала зубы. Проклятые джинны и их любовь торговаться! Она могла отдать еще одну вещь. Хоть и ненавидела эту мысль. Но других вариантов не наблюдалось.

– Чтобы скрепить договор, – сказала она, – я предлагаю свое имя.

Это заставило марида поднять брови. Джинны дорожили именами. Они никогда не выдавали своих истинных имен, вместо этого брали названия географических объектов – городов, рек, горных хребтов. Либо принимали величественные титулы, вроде Королевы Магии или

Владыки Четверга. Совершенно невыносимые существа. Однако, судя по его выражению лица, даже в именах смертных была какая-то ценность.

– Твое *истинное* имя, – потребовал он.

Фатима вознегодовала, но кивнула в согласие.

– Предложение принято. Но остается еще вопрос с выполнением желаний этих дураков.

– Что вы имеете в виду? Мы только что с ним разобрались! – вскинулась Фатима.

Губы марида собрались в ухмылку.

– Наша договоренность, нечародейка, состоит в том, что я вернусь в свой сосуд, а ты обеспечишь мне спокойный сон. О том, чтобы я пощадил этих двоих, ничего не говорилось. Нас все еще связывает желание.

– Это подразумевалось! – Но даже когда она произносила эти слова, Фатима знала, что сама допустила ошибку. В обменах с джиннами следует соблюдать осторожность. Они интерпретировали каждое слово буквально. Вот почему в эту эпоху из многих джиннов получились хорошие юристы. Она выругалась и попыталась привести мысли в порядок.

– Значит, желание до сих пор действительно? – спросила она.

– Что было прошено, то будет дано.

– Но вы уже установили параметры.

Марид пожал плечами и бросил угрожающий взгляд на зримо вздрогнувших Гамалю и Саида.

– Вопрошателю стоило внимательнее отнестись к уточнению своих желаний.

– Значит, все, что они могут получить от желания, – это смерть?

– Под конец она приходит к каждому смертному.

Едва ли справедливо. Но справедливость обычно мало значила в сделках с бессмертными. Мозг Фатимы работал над решением. Этот марид прожил бесчисленное количество жизней и очень хорошо разбирался в контрактах. Но она агент министерства. А значит, должна защищать людей от мира сверхъестественного и магического – даже если они сами, по глупости, бросаются в него с головой.

– У меня есть предложение, – наконец сказала она, старательно подбирая слова. – В качестве их желания я прошу даровать двум дуракам смерть – от старости, в их кроватях, в конце естественно отведенного срока жизни.

То было прекрасное зрелище – видеть, как с лица марида испаряется высокомерие. Фатима ожидала, что он начнет протестовать, искать слабости в ее логике. Но вместо этого он всего лишь кивнул – заново ее оценивая, – а затем улыбнулся ужасной улыбкой.

– Неплохо сыграно, нечародейка, – провозгласил он. – И по рукам.

* * *

Спустя полчаса Фатима стояла, протирая свой значок. Где-то в промежутке между переворачиванием стола и паническим бегством клиентов ахвы он оказался посреди комнаты. Халид обнаружил его в кучке рассыпанного пепла.

– Других агентов не было, так ведь? – спросил дородный мужчина, поднимая чашку чая. Он умудрился выманить владельца из подсобки и убедить заварить чай.

Фатима разминала слегка побаливающее плечо. Она его ранила в деле прошлым летом. И хотя плечо быстро зажило, временами его прихватывало.

– Хорошо, что они этого не знали.

Халид усмехнулся, поглядывая на Гамалю и Саида, сидевших с потерянными лицами, пока сотрудники министерства в черных формах их допрашивали.

– Здорово придумала, как их спасти. Я уж подумал, что марид тебя сделал.

– Где-то с минуту и я так думала.

Халид расплылся в улыбке, потом его лицо приняло серьезное выражение.

– Знаешь, что ты сделала? Знаешь, что ты им подарила?

Фатима знала с момента, когда произнесла эти слова. Гамаль и Саид практически гарантированно доживут до старости. Им никогда не придется переживать, что их собьет автомобиль. Или что они упадут с крыши здания. Даже пули им не страшны. Сила марида защитит их до конца их смертных жизней.

– Не думаю, что они уже поняли, – задумчиво произнес Халид. – Но со временем они сообразят. Думаю, что Саид воспользуется даром правильно. Мальчик хотел деньги, чтобы поступить в училище. Но Гамаль... этот тушь с ресницы украдет, и ему все равно будет мало.

– Хуже того, – сказала она. – Их желание дарует долгую жизнь. Но не уточняет, как они ее проведут. Их всю жизнь может мучить страшная болезнь, а умереть они не смогут. Или они попадут в катастрофу, после которой будут страдать невыносимыми болями. Их «дар» может легко превратиться в тюрьму.

Халид медленно опустил чашку и пробормотал молитву. Многие люди этого не понимали. Магия не выносила дисбаланса. И всегда взимала плату.

– Значит, я за ними пригляжу, – мягко проговорил он, прежде чем добавить: – Спасибо, Джахиз.

Фатима кивнула знакомому каирскому сленгу – благодарность суданскому мистика проносили с похвалой, сарказмом или гневом. Именно аль-Джахиз около сорока лет назад пробурил дыру в Каф, измерение джиннов. Она была достаточно юной, чтобы родиться в мире, оставшемся после исчезновения этого ученого. Порой он все еще вызывал головокружение.

– Знаешь, парень был прав. – Фатима пристально на него посмотрела. – Ты не обязан был мне сообщать. Мог оставить бутылку себе. Попробовать загадать собственные желания.

– И рискнуть проклятием Мухаммеда Али? Помилуй Аллах.

Еще один пример каирского сленга. Мухаммед Али-паша⁴, Мухаммед Великий, по слухам, укрепил свою силу с помощью джинна-советника – который его бросил во время величайшей нужды, отвечая на мольбы старого хедива⁵ смехом, отдающимся у паши в голове. Когда стареющего правителя принудили отречься от престола, в слабости его ума многие винили проклятие джинна.

– В отличие от молодежи, – продолжил Халид, – я знаю разницу между тем, что я хочу, тем, что мне нужно, и тем, что попросту может меня убить. Кроме того, я думал, что все эти разговоры о джиннах в лампах – французская писанина. – Он перевел взгляд на сверхъестественных криминалистов, которые осторожно помещали сосуд марида в деревянный ящик для перевозки. Они снова как следует запечатывают бутылку и находят место для хранения – позволяя ее вспыльчивому владельцу дожидаться гибели человечества.

– С лампами перегнули, – сказала Фатима. – Бутылки, с другой стороны...

Не успела она договорить, как заметила идущего к ним мужчину. В красном кафтане, значит, не со сверхъестественными криминалистами. Со второго взгляда и вовсе не мужчину – автоевнуха. Судя по грациозной фигуре и элегантной походке, одна из последних моделей курьеров.

– Доброго вечера и простите за вторжение. – Робот остановился и заговорил: – У меня сообщение для получательницы: агента Фатимы эль-Шаарави. Отправитель: Министерство алхимии, заклинаний и сверхъестественных существей.

– Это я, – сказала Фатима. Сообщение в такой-то час?

⁴ В нашем мире известен как Мухаммед Али Египетский (1769–1849). Реформатор и военачальник, под конец жизни сошел с ума.

⁵ Вице-султан, титул, который турецкие султаны давали некоторым правителям Египта в период зависимости от Османской империи. Имел больший вес, чем титул наместника.

– Это конфиденциальное сообщение, – сказал механический человек. – Требуется идентификация.

Фатима подняла значок к сенсорам гладкой пластины лица автоевнуха.

– Идентификация подтверждена. – Механические пальцы извлекли тонкий цилиндр и вручили его Фатиме. Она открыла футляр, развернула записку и быстро ее просмотрела.

– Еще работа? – спросил Халид.

– Айва⁶. Похоже, придется съездить в Гизу.

– Гиза? Судя по всему, особо поспать не получится.

Фатима запихнула записку в карман.

– Сон для мертвых. А я планирую много жить.

Большой мужчина улыбнулся.

– Иди с миром, следовательно, – крикнул он, когда она уходила.

– Храни тебя Аллах, Халид, – ответила она перед тем, как ступила из ахвы в ночь.

⁶ Да (егип. диалект).

Глава третья

На автоматическом колесном экипаже до Гизы в это время ночи можно добраться где-то минут за сорок пять. Но Фатима не могла дожидаться, когда дотянут ветку воздушных трамваев. Министерство транспорта утверждало, что поездка будет занимать четверть от этого времени.

По дороге она подводила итоги сегодняшним событиям. Ей понадобилось несколько дней, чтобы дожать наводку Халида. Идентифицировать бутылку. Условиться о встрече и создать фиктивную личность. Она даже приобрела новый костюм – идеальная маскировка под эксцентричную прожигательницу жизни. Все прошло не совсем по плану. Но опять же, а когда все шло по плану? Кто мог подумать, что у парнишки хватит духу вызвать джинна-марида, а потом еще желания потребовать?

– Сердце дурака всегда на кончике его языка, – пробормотала она. Одна из поговорок ее мамы, по любой причине или случаю. Конечно, это Египет. Подобные высказывания можно услышать повсюду, их произносили сотни губ, и часто их никто не просил. Только ее мама использовала их после каждой второй фразы. Наверняка это какой-то рекорд. И не только в Египте. Неведомо, откуда она их брала. Папа часто шутил, что, должно быть, она начала с рождения, попрекала ими повитуху и продолжала до самого субу⁷.

Мысли о матери, как всегда, напомнили ей о доме. Она не была там несколько месяцев. Даже на Ид⁸. «Слишком много работы», – говорила она семье. Не то чтобы она по ним не скулала. Но каждый раз, когда Фатима приезжала в деревню, все в ней казалось таким маленьким. Она еще помнила, когда Луксор казался самым большим городом в мире. Но по сравнению с Каиром он выглядел разросшимся поселком, полным старых руин.

Блики света заставили ее выпрямиться и выглянуть в окно, где она столкнулась с призраком своего отражения: темные овальные глаза, мясистый нос, полные, твердые губы. Она прибыла в Гизу. Город разрастался, наполняясь приезжими, которые сбежали из тесных кварталов Каира. На плато расстилались мощеные улицы и здания новой постройки – освещенные электрическими лампами в виде лотосовидных колонн⁹ неофараонского стиля. Над крышами выдавались фермы недостроенной причальной мачты, где грузовые дирижабли вскоре будут становиться в док, превращая это место в торговый узел. Все же, чем бы там ни становилась Гиза, ее прошлое продолжало бросаться в глаза – пирамиды за городом нависали над ним, словно горы.

Имение Уортингтона состояло из квадратов и прямоугольников, будто несколько зданий произвольно выстроили друг за другом – так, чтобы они вытягивались в длину. Архитектура была в традиционном стиле, с башенками, минаретами и колоннадами бежевого камня, подчеркнутыми темными деревянными балюстрадами и портиками. Имение располагалось в еще более крупном саду: оазис пальмовых деревьев и тенистых кустов, воплощающий образ парящего над океаном песка острова.

Экипаж остановился у входа в имение и выпустил Фатиму. У ворот было припарковано несколько других повозок с синими и золотыми цветами каирской полиции. Поднявшись по лестнице, следователь постучала тростью в дверь. Ей открыл высокий старик в белой галабее.

– Доброй ночи, молодой мастер... – начал он на английском, затем остановился, на костлявом лице появилось любопытство. Снова он заговорил уже на арабском. – Доброго вечера, дочка. Я Хамза, ночной дворецкий в этом доме. Чем могу помочь?

⁷ Семейное празднование рождения. Происходит на седьмой день после рождения.

⁸ Ид-аль-Фитр – исламский праздник в честь окончания поста в Рамадан.

⁹ В архитектуре Древнего Египта колонна в виде пучка лотосов из шести-восьми стеблей, стянутых пятью кольцами, у верхней части почти нераспустившиеся бутоны.

Фатима спокойно восприняла и ошибку, и ее исправление. Костюм и мальчишечье лицо многих сбивали с толку при первом взгляде. При виде значка брови дворецкого поднялись еще выше. Но к этому она тоже привыкла. Широко распахнув дверь, Хамза слегка поклонился и проводил ее внутрь.

Они стояли в просторной, похоже, гостиной. Винтажные, инкрустированные серебром лампы свисали с высокого потолка темного дерева, их свет отражался от пола – пространство белых плит в форме звезд. Стены были украшены разнообразным антиквариатом: от полной жизни сефевидской¹⁰ картины, изображающей игроков в поло, до пары мечей в красно-коричневых кожаных ножнах. Их разбивали четыре лукообразных, равноудаленных арочных прохода, и ночной дворецкий провел Фатиму сквозь один из них вниз по не менее изобильному коридору. Яркие ковры свисали со стен, подобно гобеленам: красные цветы Тебриза¹¹, бордовые цвета Анатолии¹², зеленые, с желтыми принтами Бухары, и все это рядом с деликатной решеткой машрабии¹³. Пока агент их разглядывала, до ее ушей донесся слабый звук. Словно звон металла. Затем он исчез.

– Жаль вас принимать в нашем доме в подобное время, – сказал дворецкий. – Это пятнает красоту, заложенную в его создание.

– Сколько вы работаете в имении, дворецкий Хамза?

– С самого начала. Уже больше десяти лет. И видел, как дом лорда Уортингтона вырос до нынешнего великолепия!

Фатима не была уверена, что назвала бы этот сказочный дворец великолепным. Но каждому свое.

– Вы были близки с лордом Уортингтоном?

– Хозяин должен держать дистанцию со слугой. Но лорд Уортингтон всегда обращался со мной с уважением. Такое нечасто встречается. – Они остановились у лестницы. – Остальные собрались наверху. – Он запнулся, лицо помрачнело. – Что бы вы там ни нашли, это лишь сосуд, а не человек. Все мы принадлежим Аллаху. И к Нему должны вернуться.

Он откланялся, оставляя Фатиму взбираться по лестнице, которая вполне могла оказаться самой длинной в мире. К тому моменту, как она добралась до вершины, она, может, и не запыхалась. Но была близка к этому. Откуда-то слева доносились голоса. Сморщив нос от ужасного запаха, она проследовала к их источнику.

В комнате, которую обнаружила Фатима, не было дверей. Одна висела на петле. Вторая лежала в щепках на полу. Проходя мимо них, следовательно обратила внимание на расколотый деревянный засов, после чего стала осматривать остальное. Круглую комнату наполняли люди. Полицейские. Легко опознаваемые по пиджакам и штанам цвета хаки. Они суетились под необъятной медной люстрой, освещающей кровавую сцену.

Полученное Фатимой послание было коротким и по существу: поступил рапорт, что в имении Уортингтон погибли люди; проверить сверхъестественную активность. Сообщение едва ли передавало ужас произошедшего. Покрытые белыми простынями тела устилали мраморный пол. После быстрого подсчета у нее получилось двадцать человек. Остальные находились на столе в задней части зала. Ужасный запах теперь почти сбивал с ног. Пахло не просто горелым. Медным, почти железным. Как самый неаппетитный шашлык.

Она все еще осмысливала сцену, когда к ней подошел полицейский. Где-то ее возраста – двадцать четыре, может, двадцать пять лет. Но он сразу набросился на Фатиму, грудь колесом и с гримасой на лице, словно пытаясь вытащить младшую сестру из гашишного притона.

¹⁰ Шахская династия в Иране с 1501 по 1722 год.

¹¹ Город в Иране, бывшая столица Сефевидского государства, начиная с V века прославился своими коврами работы азербайджанских мастеров.

¹² Турецкий полуостров.

¹³ Узорная деревянная решетка.

– Ты! Сюда нельзя! Это место преступления!

– Это объясняет мертвые тела.

Он глупо моргнул, и Фатима вздохнула. Обидно растрачивать хороший сарказм. Она достала значок, полицейский прищурился на него, потом на нее, потом снова на значок, а затем его глаза округлились.

– Это ты!

Фатиме пришлось усвоить, что «это ты» может означать множество вещей. Это ты, темнокожая саиди из глухой деревни. Это ты, женщина, в их глазах практически девчонка, которую министерство назначило специальной следовательницей – более того, определило в Каир. Это ты, агент со странностями, которая носит западные костюмы. Несколько других имели тенденцию быть менее вежливыми. Египет гордился своей современностью. Женщины посещали школы и заполняли его растущие заводы. Они работали учительницами и адвокатами. Несколько месяцев назад женщинам даже предоставили избирательное право. Ходили разговоры о политическом poste. Но многих все еще нервировало присутствие женщин в публичной жизни. А кто-то вроде Фатимы доводил их до ступора.

– Констебль! Ты надоедаешь агенту?

Фатима подняла взгляд к знакомому лицу – мужчина среднего возраста в полицейском пиджаке подороже и с золотыми эполетами. Он был тесноват для его высокой и плотной фигуры, так что живот предшествовал своему владельцу. Юный полицейский подпрыгнул, повернулся и столкнулся лицом к лицу с инспектором Асимом Шарифом.

Асим служил в каирской полиции и выступал посредником в совместных делах с министерством. Неплохой человек – немножко вульгарный, но достаточно дружелюбный, когда не бурчал о трудностях современного мира. Он даже приспособился с ней работать. Настолько, насколько она могла ожидать. Асим свирепо смотрел на юного полицейского поверх длинных густых усов с сединой. В вечно изменчивых модных тенденциях Каира большие и вычурные усы впали в немилость, хотя все еще пользовались популярностью дальше на юг, что могли засвидетельствовать ее дяди, – и среди пожилых, консервативных каирцев вроде Асима. «Горделивые символы ностальгии», – полагала она. Его усы всегда напоминали Фатиме какого-нибудь древнего янычара, и сейчас они подергивались в раздражении.

– Я задал вопрос! Ты надоедаешь агенту?

– Нет, инспектор. То есть я не знал, кто она, что она инспектор. То есть...

Он сглотнул, и Асим набычился еще сильнее.

– Почему бы тебе не принести пользу. Сбегай на кухню и принеси мне кофе.

– Кофе? – пролепетал юноша.

– Кофе, – повторил Асим. – Не знаешь, что это такое? Мне нужно тебе объяснить? Может, начать рассказывать его историю? Нет? Тогда почему ты до сих пор здесь? Ялла!¹⁴

Слегка спотыкаясь, юный полицейский заторопился прочь.

– Ты слишком этим наслаждаешься, – обвинила Фатима.

Губы Асима сложились в ухмылку.

– Знаешь, что забавно? Я даже не люблю кофе. На вкус, как обмывки. Зато я очень люблю обламывать новых рекрутов. – Он повернулся к Фатиме. – Добрый вечер, агент. Выглядишь очень, – он обвел взглядом ее костюм, – по-английски.

– Это американский костюм. Из Нью-Йорка.

– Не верю, что это место существует.

Она скорчила рожицу.

– Ну и дело у тебя здесь.

Асим почесал выбритый подбородок.

¹⁴ Давай, вперед (*араб.*).

– Ты еще худшего не видела. – Он поманил ее за собой. – Надеюсь, мы тебя не разбудили. Но я решил, что стоит позвонить в министерство.

– И, конечно, ты попросил лично меня?

– Конечно. Я знаю, как сильно ты любишь сложные случаи.

– Знаешь, у меня ведь есть личная жизнь.

– В это я тоже ни на мгновение не поверю, – покачал он головой.

– Ну хотя бы в курс меня введи.

– Нам позвонили где-то ближе к десяти, – начал Асим. – Ночной дворецкий имения.

– Хамза. Встречала.

– Мужик был в панике. Зашел в зал и обнаружил тела. Звонил в каждое отделение, какое нашел, и орал об убийствах. Большинство здесь из полиции Гизы. Но они обратились за помощью в Каир. Мы приехали и нашли все это.

Они остановились у ряда белых простыней, пахнувших гарью. Или то были полицейские, которые собрались вокруг и дымили сигаретами «Нефертари»? Увидев инспектора, они спешно попрятали коричневые палочки. Асим терпеть не мог, когда курили на его месте преступления.

– Двадцать четыре трупа, – проинформировал он, отводя злобный взгляд от сотрудников. – Все сожжены до смерти, – добавил инспектор. – Я надеялся, если их накрыть, запах ослабеет.

– Ты позвонил в министерство из-за огня? – Но стоило словам покинуть губы Фатимы, как она заметила очевидное. Никаких подпалин. На самом деле нигде не было следов обгорания.

Асим протянул платок.

– Тебе пригодится. Под простынями воняет, как горелые волосы.

Фатима присела рядом с ним на одно колено, и он отбросил покрывало. Даже с прижатым к носу платком вонь была сильной. Обожженный труп выглядел как обугленное дерево, почерневшая голова с опустевшими глазницами, из которых поднимался дымок. Кем бы он ни был, он умер с криком – в распахнутом рту виднелись закопченные зубы и пятнышки золотых пломб. Однако, что привлекало внимание, это его наряд: длинная черная мантия поверх темно-серого костюма с белыми перчатками и черной феской, все еще на голове, – и все это неповрежденное.

– Сгорела только плоть, – пробормотала она.

– Очень необычно для огня, как думаешь? – спросил Асим.

Фатима слушала вполуха, ее мозг перебирал различные контролируемые возгорания магического и алхимического происхождения: огни, способные плавить сталь, приставать к поверхностям, подобно маслу, или даже принимать форму зверей. Огни, поглощающие плоть, но оставляющие одежду нетронутой? Это что-то новенькое. Достав пару министерских спектральных очков, она надела покрытый медью прибор и всмотрелась в тело сквозь круглые зеленые линзы. Магия была повсюду. Не только на одежде. Она покрывала труп тусклым, люминесцентным осадком.

– Они все такие? – спросила Фатима, снимая очки.

– Все до последнего. Ну, кроме нашего друга здесь. – Асим указал на труп, лежащий в стороне от остальных. Когда с него стянули простыню, открывшееся тело оказалось в той же незапятнанной одежде. Но что-то с ним было не так. Понадобилось мгновение, чтобы понять.

– У него голова в обратную сторону, – заметила она, не сумев удержать оторопь в голосе.

– Не каждый день такое видишь, так ведь? Мы тоже удивились, пока его не перевернули. Фатима наклонилась, чтобы рассмотреть странное тело.

– Его лицо. Он не кричал. Умер не от огня. Это случилось до возгорания.

– Ты представляешь, сколько нужно силы, чтобы *такое* сделать с человеческим телом?

– Не могу сказать, что много об этом думала. Но могу предположить, что требуется *нечеловеческая* сила?

Асим вздохнул.

– Когда мой дедушка был полицейским, самое большее, о чем ему приходилось переживать – это карманники. Мошенники, которые пытались избить рыночного инспектора. В самые оживленные дни мог попасться фальшивомонетчик. А что у меня? Сожженные магией тела и нечеловеческие убийцы.

– Это больше не Каир твоего дедушки, – парировала Фатима.

– Спасибо, Джахиз, – пробурчал Асим.

Фатима встала, глядя мимо накрытых тел, чтобы осмотреть сам зал. Она впервые обратила внимание на потолок, с его вогнутой поверхностью, напоминающей медовые соты. Мукарны. Персидский стиль. Синие стены с повторяющимися золотыми и зелеными цветами тоже были персидскими – но с налетом Андалузии и с арабской каллиграфией. Выстроившиеся по бокам колонны были марокканскими и с аятами из Корана. Мешанина, как и весь остальной дом.

На стенах тоже размещались предметы под стеклянными ящиками. Она заметила книгу, детали одежды и не только. Позади висел белый флаг. Две пирамиды на нем смыкались в шестиконечную звезду с окруженным семью малыми звездами всевидящим глазом в центре. В каждом углу гексаграммы помещался знак зодиака с солнечным диском слева и полной луной справа. Странный коллаж окружал огненный змей, пожирающий свой хвост. Ниже располагался золотой скимитар над перевернутым рогом вниз полумесяцем. Ее глаза вернулись к черной феске, которая оставалась на голове мертвеца со свернутой шеей, на ней были те же золотой меч и полумесяц.

– Что это за место? – спросила она. – Кто эти люди?

Асим пожал плечами.

– Может, какой-то культ? Знаешь, как окциденталисты¹⁵ любили наряжаться и притворяться древними мистиками. Орден того... Братство сего... – Он проводил ее до стола в форме полумесяца в задней части комнаты, за которым находились остальные тела. Часть из них остались, где сидели. Другие лежали на полу. Асим остановился у центра стола, сдергивая покрытие, под которым скрывалась сидящая фигура в пурпурной мантии.

– Одно мы знаем точно, – сказал он, – это лорд Алистер Уортингтон. – Он поднял руку мертвого мужчины. На почерневшем мизинце было надето серебряное кольцо с печаткой. На плоской передней части был выгравирован герб: вздыбившийся грифон, сверху голова рыцаря и рука в доспехах с мечом. Внизу единственная прописная «У».

– Это *тот самый* Алистер Уортингтон.

– Английский Паша собственной персоной, – ответил Асим.

Фатима слышала это прозвище, как и само имя Уортингтона. Англичанин, который помог договориться об англо-египетской конвенции и добился специальных прав для нового правительства Египта. Его деньги и влияние поддерживали мирную, защищенную торговлю и строили Гизу.

– Английский Паша обнаружен убитым, – исправила она.

– Я надеялся, ты скажешь, что у них просто заклинание пошло наперекосяк, – поморщился Асим.

Фатима покачала головой.

¹⁵ В «Ориентализме» Эдвард Саид называет окцидентализмом единую концепцию Запада, формулируемую незападными народами. Но отрицает ее существование.

– Я видела двери. Кто-то сюда ворвался. – Она изучила тела. – Люди пытались от них сбежать. Тот, со сломанной шеей, – наверное, решил проявить храбрость. Пытался сражаться. Остальных сожгли заживо.

Асим кивнул. Скорее всего, он пришел к тому же выводу, но надеялся легко отделаться.

– Убийство. Ты хоть представляешь, сколько будет бумажной работы?

– Враги у Английского Паши имелись? – спросила Фатима, игнорируя вопрос.

– Богатые люди всегда имеют врагов. Так они обычно и становятся богатыми.

– Разве он не должен был помогать на королевском мирном саммите?

– Ты имеешь в виду тот, где пытаются остановить европейцев запустить свежий крестовый поход друг против друга? Думаешь, это может быть как-то связано?

– Не знаю, – ответила она. Зачем устраивать резню такого масштаба, чтобы убить одного человека? Нет, кто бы это ни сделал, время и место выбрали намеренно. Эту сцену хотели показать – словно кровавую картину. Она оглянулась на флаг. В самом низу было вышито *Quaerite veritatem*. «Ищите истину», если она правильно перевела с латыни.

– Еще один момент, – сказал Асим. Он наклонился, чтобы поднять простыню со съевшегося тела на полу. Обгоревшее, как и остальные, но кое-что отличалось – жертва носила обтягивающее белое платье до лодыжек. – Единственная женщина в комнате, – заметил инспектор.

Более того. Ее шею окружало широкое ожерелье пестрых камней, свисая до груди. Усех – украшение, вышедшее из моды около двух тысяч лет назад. Фатима опустила на колени, чтобы рассмотреть золотые сережки, проглядывающие под париком из черных косичек: резное изображение женщины с распростертыми крыльями.

– Еще кто-нибудь наподобие? – спросила следователь. – То есть, в... костюме?

Асим снял покрывало с другого тела. Под ним лежал мужчина с пятнистой шкурой гепарда на плечах. А она-то думала, что больше эта ночь ее ничем не удивит.

– Должно быть, они вечеринку затеяли, – предположил Асим.

Очень странную. Ее взгляд перескочил к другому телу, где из-под белого покрывала торчала рука – будто пыталась дотянуться назад, до мира. Она присмотрелась внимательнее. Обугленные пальцы сжимали платок с лавандовой «Д» курсивом.

– Думаешь, некроманты сработали? – осведомился Асим. Его усы нервно дернулись. – Может, неудачная попытка создать гулей? – Инспектор во всем винил некромантов. Его послушать, так хозяева мертвых скрывались за каждым преступлением. И он ненавидел гулей. Впрочем, а кто нет?

– Вряд ли, – ответила она. – Создание гулей не включает превращение трупов в горючий материал. – Сама мысль об огненных гулях вызвала судорогу у усов Асима. – Кроме того, я не видела никаких таквинов¹⁶ через спектральные очки. – Для создания гулей некроманты используют алхимическую субстанцию. Колдовство, которое она видела, было чем-то иным. – Свидетели? Ночной дворецкий?

Асим покачал головой.

– Похоже, когда лорд Уортингтон устраивал эти собрания, он отпускал *человеческую* прислугу. Ночной дворецкий прибыл после гуляний. Остаются только они. – Он махнул на строй автоевнухов, стоявших неподвижно, пока вокруг работали полицейские. В докладах утверждалось, что некоторые механические люди обрели самосознание – феномен, сбивавший министерство с толку. Не похоже на подобный случай.

– Однако кое-кто есть, – продолжил Асим. – Дочь лорда Уортингтона.

Фатима резко обернулась.

¹⁶ Цель некоторых мусульманских алхимиков, среди которых особенно выделяется Джабир ибн Хайян. В алхимическом контексте таквин обозначает создание искусственной жизни, вплоть до человеческой.

– Дочь? Почему ты раньше ее не упомянул?

Инспектор поднял руки.

– Она приходила в себя. Я тебя проведу. – Они вышли из комнаты и принялись спускаться по слишком длинной лестнице.

– Абигейл Делено Уортингтон. Похоже, она вернулась домой после происшествия. Ночной дворецкий обнаружил девушку в гостиной без сознания. Говорит, столкнулась с таинственной фигурой. Может, выживший. А может, преступник. Но лучше, если она сама объяснит. Просто, что бы ни случилось, не позволяй ей говорить с тобой по-арабски.

– Она говорит на арабском? – спросила Фатима.

– Ни в коем случае. Только она об этом не знает. Нам переводил ночной дворецкий. Но у тебя может получиться лучше.

У подножия лестницы они повернули вниз по коридору, в конце которого два полицейских охраняли двойную дверь. Увидев Асима, они распахнули створки, предоставляя проход. Комната была столкновением архитектуры, определявшим остальной дом. Но вместо дорогих ковров и мечей ее занимали книги. Бесконечные книги на деревянных полках. Библиотека. Книжки разбавляли картины в ярком ориенталистском стиле, многие изображали рушащиеся здания с благородными феллахами¹⁷ или султанами в аляповатых нарядах. На других разыгрывались сладострастные сценки, где едва одетые алебастровые женщины бездельничали в окружении темнокожих прислужников.

В библиотеке собралось пять человек – не считая автоевнуха с подносом хрустальных графинов. Четверо стояли вокруг модного, цвета мха турецкого дивана с длинными изгибающимися серебряными ножками. По виду, его создали, чтобы в нем удобно было развалиться, но сейчас на диване сидела женщина, опираясь на грудку лазурных подушек с горчичными кистями. Она была в свободном кремовом платье, выглядела на 25–26 лет, стройная и с длинной шеей, темно-рыжими волосами, ниспадавшими на лямки и ленты на ее плечах. Черты ее загорелого лица были подчеркнуты английскими: короткий острый нос и лицо почти в форме сердечка. Абигейл Уортингтон, предположила Фатима. В настоящий момент тонкий и невысокий мужчина с темными волосами в формальном вечернем пиджаке и серых штанах в полоску склонился перед ней на коленях и перевязывал девушке руку.

– Наконец-то вернулись! – сказал кто-то со злостью.

Фатима перевела взгляд на другого мужчину, чьи широкие плечи выпирали из черного жилета поверх частично расстегнутой белой рубашки с ослабленным галстуком. Его голову венчал нимб золотых кудрей, которые формировали щедрые бакенбарды.

– Вы попросту оставили нас запертыми и под охраной ваших жандармов? – напирал он на прекрасном английском. Его размахивающие руки расплескивали вокруг содержимое бокала.

– Уймись, Виктор, – гнусаво произнес его товарищ. – И без того все на нервах. – Крупный мужчина собирался спорить, но тут заговорила Абигейл Уортингтон.

– Перси прав, – мелодичный голос звучал хриловато. – Ссоры с этими людьми нам ничем не помогут. Они не могут изменить то, что случилось. – Она подняла голову, устремляя на них подпухшие красные глаза, на ее лице промелькнуло замешательство, когда она увидела костюм Фатимы. Она держалась лучше, чем другие женщины. Две другие стояли вытаращившись и шептались, прикрываясь ладонью. Когда Абигейл заговорила снова, она говорила на арабском: – Простите. Бренд. Виктор. Он пить. Очень. Делать глупый.

Фатима поморщилась. Асим не преувеличивал. Ее арабский был прямой атакой на уши. Следовательно решила спасти их всех и ответила на английском:

– Ничего, мисс Уортингтон. У вас выдалась тяжелая ночь. Позвольте выразить соболезнования.

¹⁷ Крестьяне (араб.).

Сине-зеленые глаза Абигейл снова расширились при взгляде на Фатиму. Как и глаза ее компаньонов. Шептуньи тут же затихли.

– Вы говорите на английском! И с таким чудесным акцентом! Хотя не могу его определить. Восхитительно! – Она утерла слезы с щеки. – Благодарю вас. И прошу, просто Абби.

– Значит, Абби. Я агент Фатима из египетского Министерства алхимии, заклинаний и сверхъестественных существей.

– Агент, – восторженно произнесла Абигейл. – Сначала ваша страна позволяет женщинам голосовать, теперь я узнаю, что они позволяют вам служить в полиции!

– Министерство – это не полиция. Я работаю с инспектором Асимом над... необычными делами. Боюсь, смерть вашего отца попадает в эту категорию.

Лицо Абигейл помрачнело, и она плотно сжала губы.

– Они не пустили меня посмотреть... – Она сглотнула. – Как я понимаю, был огонь?

– Да, и более того. – Фатима деликатно объяснила состояние тел.

– Мой Бог! – воскликнул Виктор. Он опрокинул бокал бренди. – Убийство! Значит, колдовство?

– Что это еще может быть? – прошептала Абигейл. – Бедный папа. Надеюсь, он не мучился. – Кажется, она снова готова была расплакаться, но прижала руку к оранжевой ленте у талии и продолжила ровным голосом: – Чем я могу помочь, агент?

– Инспектор Асим сказал, что вы с кем-то столкнулись?

Абигейл вздрогнула.

– Да. Я только добралась до дома. Когда зашла, было до странности тихо. Я еще не выбралась из гостиной, когда появился он. Мужчина в черной мантии.

Фатима занесла информацию в блокнот.

– Не из ваших слуг?

Абигейл покачала головой.

– Можете его описать?

Выражение лица девушки стало неловким.

– Не совсем. На нем была маска. – Она прикоснулась к лицу, будто представляя ее на себе. – Золотая. С символами. Помню, что он был высокий. Очень высокий! И его глаза. Я никогда не видела таких глубоких глаз.

– Это он сделал? – Фатима указала на перевязанную руку.

Абигейл покраснела.

– Нет. Я... ну, понимаете, я потеряла сознание. Как только увидела того ужасного мужчину. Глупая я гусыня, упала на свою же руку. Перси, умница, ее перевязал.

– Сделал что мог, – приподнялся худой юноша.

– Можете еще что-нибудь рассказать о том мужчине в золотой маске? – надавила Фатима.

– Я была в обмороке, пока меня не нашел Хамза, – с сожалением покачала головой Абигейл.

– Хотел бы я там быть, – выкрикнул разгоряченный Виктор. – Я бы показал этому дьяволу парочку приемчиков! – Он опрокинул еще один бокал и повернулся к Фатиме. – Я хочу знать, что вы с вашим инспектором делаете, чтобы задержать этого преступника! Разве вы не должны его преследовать?

Фатима смерила его бесстрастным взглядом. Хотя бы один такой попадался на каждом происшествии.

– Я не услышу ваше полное имя?

Он выпятил квадратный подбородок:

– Виктор Фицрой.

Будто это что-то значило.

– Прошу прощения за мои манеры, – примирительно произнесла Абигейл. – Это мои друзья. Вспыльчивый блондин – это Виктор. Мой доктор понарошку – Персиваль Монтгомери. – Мужчина с темными волосами ухмыльнулся сквозь короткие, но пышные усы. – А это Бетани и Дарлин Эджингтон, мои бывшие подруги по проказам. – Женщины кивнули, хоть кичливость в их карих глазах сохранялась. Сестры. Теперь Фатима заметила: одинаковые вздернутые носы, темно-русые волосы и худые, вытянутые лица.

– Мы все вернулись, когда Абби позвонила, – сказал Персиваль. – Бедный старик Уоррингтон. Пусть его душа покоится с миром.

Абигейл всхлипнула и промокнула глаза.

– Всего несколько вопросов. У вашего отца были враги?

– Враги? Кто бы захотел навредить моему отцу?

– Может, кто-нибудь из его сотрудников? Деловой соперник?

– Полагаю, подобная жуткая вещь могла произойти. Но я мало знаю о делах моего папы. Для таких вещей голова приспособлена у Александра.

– Александр?

– Мой брат. Он управляет коммерческими делами семьи. Он за границей.

Фатима торопливо добавила запись.

– Последний вопрос. Вы что-нибудь знаете о том, чем ваш отец занимался этим вечером?

Кто все эти люди?

– Тайное братство. Одна из папиных причуд. Меня не слишком-то посвящали.

– Есть какие-либо причины считать, что у братства могли быть враги?

– Не могу представить. Консервативные старики в глупых шляпах собирались, чтобы выпить и выкурить сигару. Кто их воспримет настолько серьезно, чтобы убить?

Фатиме хотелось указать, что кто-то именно так и поступил. Но она закрыла блокнот.

– Благодарю. Пусть память об отце остается в вашей жизни.

– Пожалуйста, агент, сделайте все, что можно, чтобы отдать этого убийцу под суд, – сказала Абигейл, в ее мокрых глазах стояла мольба. – Мой папа заслуживал большего.

Фатима кивнула, и они с Асимом покинули комнату. За дверью он окинул ее почтительным взглядом.

– Твой английский не хуже твоего костюма. Я только половину уловил. Что-нибудь выяснила?

– Кроме мужчины в маске? Немногое.

– Ну, будем работать с тем, что имеем. Мы послали весточку этому Александру. Допустим, он прибудет через несколько дней. К тому времени это дело попадет во все газеты. – Он тряхнул головой. – Бумажная работа будет невыносимой.

Она резко остановилась, когда кто-то завернул за угол, почти в них врезавшись. Юный полицейский. В руках он держал чашку, пытаясь не пролить ее содержимое и не справляясь с этим. При виде Фатимы на его лице появилось удивление, а затем облегчение, когда он заметил Асима.

– Инспектор! Ваш кофе! – Он протянул чашку, на вид полупустую. Асим принял ее с равнодушным лицом.

– Агент Фатима, – поприветствовал полицейский, уже вежливее, чем прежде. – Вас я тоже искал. Кое-кто хочет с вами встретиться. – Он повернулся. – Она прямо за мной шла. Надеюсь, я не... а, вот она!

Фатима увидела другую фигуру, несущуюся по коридору. Молодая женщина в черном плаще и длинной темной юбке, которая шуршала при каждом шаге. Когда она их заметила, ее лицо просияло под небесно-голубым хиджабом.

– Добрый вечер, – поздоровалась она, переводя дыхание. Она посмотрела на Асима, а потом повернулась к Фатиме. – Агент Фатима, я все-таки сумела вас поймать. Хвала Аллаху!

Фатима с сомнением ее разглядывала.

– Не уверена, что мы встречались...

– А! Где моя голова? – Женщина принялась рыться в коричневой кожаной сумке, переброшенной через плечо. После неловкой паузы она добыла нечто довольно неожиданное. Серебряный значок с ее портретом и словами «Министерство алхимии, заклинаний и сверхъестественных существей».

– Я агент Хадия, – сказала она. – Ваша новая напарница.

Фатиме показалось, что она почти слышит, как дергаются усы Асима.

Глава четвертая

Автоевнух в абиссинском кафе поставил на стол две белые фарфоровые чашки и удалился в жужжании шестеренок. Фатима заказала крепкий цветочный бленд из Эфиопии, быстро вытесняющий привычные турецкие смеси. Она отхлебнула. То, что надо, – ложка кофе, ложка сахара, как раз пены. Заведение скорее напоминало кафе, чем традиционную ахву, с его современной отделкой и клиентурой. К тому же кафе оставалось открытым всю ночь, и она часто сюда приходила в конце смены, чтобы расслабиться.

По крайней мере, так протекало большинство ее визитов.

Фатима отставила чашку, чтобы пробежаться по бумагам в лежащей перед ней папке. Во время неловкого и молчаливого возвращения из Гизы она уже их просматривала – минимум три раза. Или так, или пришлось бы поддерживать разговор. Теперь она читала вслух:

– Хадия Абдель Хафиз. Двадцать четыре года. Родилась в семье среднего достатка в Александрии. Изучала сравнительную теологическую алхимию в местном университете. Лучшая в своей группе. – Она сделала паузу, подняла глаза. – Два года преподавала в Египетском колледже для девушек в Америке?

Хадия, сжимавшая чашку с черным мятным чаем, оживилась, оправив свой китель, – похоже, она обрадовалась, что ей наконец позволили говорить. Фатима почти забыла, как выглядит министерская униформа для женщин, поскольку сама давно уже от нее отказалась. Помимо кителя на девушке был слишком уж выделяющийся небесно-синий головной платок. Приверженцы традиций и египтяне из глубинки все еще неодобрительно относились к цветастым или узорчатым хиджабам, даже в Каире. Очевидно, она хотела создать образ абсолютно современной женщины.

– Думала, мой диплом будет полезен в королевской миссии, – ответила Хадия.

– В Америке не слишком-то любят алхимию, – вскинула бровь Фатима.

– Миссия в Нью-Йорке, в Гарлеме. Еще работала с иммигрантами в Бруклине – цыганами, сицилийцами, евреями. Их всех подозревают в насаждении «чуждых традиций». – Крупный нос сморщился в отвращении.

Объяснений не требовалось. Американский антимагический закон был широко известен.

– Вернулась в Египет, где была принята в Академию министерства с первой попытки. Выпустилась в 1912 году, распределили в александрийское бюро. Но теперь вы здесь. В Каире. В качестве моей... напарницы. – Фатима закрыла папку, толкнула ее через стол. – Не каждый день новая напарница появляется на месте преступления со своим резюме.

Смуглые щеки Хадии вспыхнули румянцем, пальцы нервно сжали столешницу.

– Директор Амир планировал, чтобы мы встретились завтра. Но я и без того задержалась в министерстве, когда услышала о деле. Так что я поймала такси и решила представиться. Теперь вот думаю, что, может, и не лучшая была идея...

Фатима подождала, пока она умолкнет. Министерство настаивало, чтобы агенты брали напарников. Пока ей удавалось выкручиваться. Все знали, что она работает в одиночку. Уж точно Амир. Скорее всего, он планировал огорошить ее завтра, когда назначение будет официальным.

– Агент Хадия. – Женщина вскинулась, ее темно-карие глаза сосредоточились на Фатиме. – Мне кажется, здесь какая-то ошибка. Я не запрашивала напарницу. Ничего личного, просто я работаю одна. Уверена, они могут приписать вас к кому-нибудь другому. В александрийском бюро есть следовательница – агент Самия. Одна из лучших женщин в министерстве. Могу написать письмо, если хотите. – Вот. Даже сочувствие на лице получилось изобразить. В жестокости нет нужды.

Хадия замерла, что-то прикидывая, поставила чай на стол.

– Мне говорили, что вы поначалу можете не согласиться взять напарницу. Когда я выпустилась, меня распределили к агенту Самие. Я отказалась. Сказала ей, что хочу работать с вами.

Фатима остановилась посреди глотка.

– Вы отказались работать с агентом Самией? Прямо ей в лицо? – Агент Самия была одной из самых впечатляющих женщин, каких она когда-либо встречала. Ей просто невозможно было отказать.

– Она пожелала мне удачи. И вот я здесь.

– Но почему вы хотите работать со мной? У Самии гораздо больше опыта.

– Почему я хочу работать с самой юной следовательницей, которая выпустилась из академии в двадцать? – На лице Хадии проступило искреннее изумление. – Которую приписали к каирскому бюро? Которая стала специальным следователем всего за два года? Чьи дела изучают в академии?

Фатима хмыкнула. Вот так слава и портит жизнь.

– Думаю, вам стоит знать, что я не зря сегодня съездила в поместье Уортингтонов. – Хадия достала еще одну папку, открыла ее и положила на стол. Глаза Фатимы округлились. Зарисовки места преступления!

– Как вы?..

– У меня кузина в полиции. – Хадия усмехнулась, демонстрируя слегка выдвинутую верхнюю челюсть.

Фатима склонилась над рисунками, перебирая листы. К завтрашнему дню Асим пришлет всю информацию. Но он всегда зажимал зарисовки.

– Никогда не видела подобных ожогов, – заметила Хадия. – Какой-то алхимический реагент?

– Огонь слишком хорошо контролировали, – пробормотала Фатима. – Кто-то работал с магией.

– Вот это мне показалось интересным. – Хадия вытащила один из рисунков. На нем изображалась женщина. Она провела пальцем по широкому воротнику и серьгам. – Идолопоклонница, так ведь?

Фатима присмотрелась, ее глаза сузились. Удачное наблюдение. Появление джиннов и магия, затопившая мир, влияли на веру людей самым странным образом. Разумеется, некоторые из них обратились к древнейшим египетским религиям, память о которых въелась в самый ландшафт.

– Что вы о них знаете? – спросила Фатима.

– Больше полиции. Думаю, они пока не заметили.

Пока. Асим и его люди считали приверженцев старых религий маленькой группкой еретиков. Полиция не рассчитывала наткнуться на них в особняке британского лорда.

– Судя по флагу, – продолжила Хадия, – похоже, что лорд Уортингтон принадлежал к какому-то культу. Может, идолопоклонница была их жрицей. Там был мужчина со свернутой шеей. Жертвоприношение? Я слышала...

Фатима закрыла папку, прерывая ее монолог.

– Первое, чему вас должны были научить в академии, это не принимать уличные слухи за факты. Ни в одном из моих дел «идолопоклонники» не сворачивали людям шею. Так, может, нам стоит подождать, пока не найдем какие-нибудь улики, прежде чем рассуждать о человеческих жертвоприношениях.

– Простите. Я просто думала вслух. – Лицо Хадии покраснело.

Фатима достала из пиджака карманные часы. Больше двух ночи. Она встала.

– Уже поздно, агент Хадия. Плохое время для ясных мыслей. Давайте выспимся и продолжим утром. – «И, надеюсь, добьемся твоего перераспределения».

– Конечно. – Она собрала вещи и тоже встала. – Работать с вами большая честь, агент Фатима. – И они разошлись.

* * *

Фатима могла поехать на такси. Но от кафе до дома было недалеко. Кроме того, ей хотелось проветрить голову. Она не могла понять, почему слова Хадии вызвали у нее такое раздражение. Ей тысячу раз доводилось слышать подобные вещи. Именно поэтому она не стала говорить об ожерелье Асиму. Может, Фатиму бесило, что ей без предупреждения прислали напарницу.

«А может, ты выплеснула свою усталость на ясноглазую новенькую. Забияка». Она почти слышала попреки матери: «Ты посмотри на эту крутую следачку. Голову от земли не поднимает».

Фатима повернула за угол к своему дому: двенадцатиэтажной высотке из рыжего кирпича, с колоннами неофараонского стиля по бокам и скругленной башенкой фасада. У широких черных дверей с золочением стоял пожилой мужчина с поредевшими седыми волосами. Заметив его, следовательница скрыла раздражение на лице. У каждого дома в центре Каира был собственный баваб – швейцар, привратник и наблюдатель за всем на свете. Конкретно этот очень любил давать непрошенные советы и умел с необъяснимой точностью читать по лицам.

– Дядюшка Махмуд, – поздоровалась она, сопровождая своим шагам постукиванием трости.

Мужчина окинул ее взглядом, который мог бы принадлежать сфинксу. Казалось, его пронзительные глаза взвесили ее и осудили, прежде чем красно-коричневое лицо расплылось в улыбке.

– Капитан, – ответил он, используя прозвище, которое сам же и дал – из-за костюма. В его саадском акценте не было и намека на каирский выговор. В своей длинной галабее и сандалиях он будто прямиком из ее деревни вышел. – Валлахи, министерство тебя все дольше и дольше по ночам работать заставляет.

– Такая работа, дядюшка.

Баваб покачал головой:

– И ты даже не приходишь домой, чтобы вздремнуть после обеда, как цивилизованные люди, все время в движении, словно один из этих трамваев.

Фатиме хотелось спросить, когда он сам спит – учитывая, что она постоянно на него наткнется. Но это было бы грубо. Так что она стукнула себя по груди и поклонилась в благодарность:

– Спасибо за совет.

Это, похоже, удовлетворило Махмуда, и он открыл дверь.

– Видишь? Слушай стариков вроде меня. Некоторые приезжают и забывают обо всех приличиях, валлахи. Но ты хорошая саадка, с правильным воспитанием. Мы должны помнить в наших сердцах и головах, что мы саады. Проснись здоровой¹⁸.

Она вернула пожелание, прошла в вестибюль, игнорируя свой почтовый ящик, и шагнула в лифт.

– Девятый этаж, – скомандовала Фатима ожидающему автоевнуху.

Прислонившись к стенке, пока они поднимались, она ощутила, как наваливается на плечи усталость от сегодняшнего дня. К тому времени, когда агент вышла, она с трудом переставляла ноги и с нежностью думала о кровати.

¹⁸ Тесбах ала кейр. Егип. аналог «спокойной ночи».

Открыв дверь, она окунулась в темноту квартиры. Следовательно по памяти повесила котелок на крючок рядом с цветочным горшком. Фатима неуклюже нащупала рычаг газовой лампы. Домовладелец обещал перейти на алхимическое освещение или даже электричество. Но пока что она не видела, чтобы кто-нибудь начинал работы, несмотря на небольшое состояние, которое она платила за жилье. Она немного подкачала рычагом, и комнату залил тусклый свет лампы – достаточный, чтобы видеть.

– Рамзес? – Фатима воткнула трость в подставку. Куда подевался кот? Махмуд его кормил и сказал бы, если бы он потерялся. Она расстегнула пиджак. – Рамзес? Знаю, что поздно, но ты не злишь.

– О? – промурлыкал голос. – И что получит Рамзес, когда ты его найдешь?

Фатима напряглась, развернулась на каблуках и инстинктивно потянулась к поясу за джанбией – чтобы обнаружить, что кинжала там не было. Проклятье. Вторая рука схватилась за табельный револьвер, все еще лежавший в кобуре. Она вытащила оружие наполовину, прежде чем застыла, глядя на открывшуюся картину.

В марокканском кресле с высокой спинкой из темного дерева и кремовыми подушками – *ее* кресле – небрежно развалилась женщина в свободном черном платье. Она сидела, скрестив ноги. Темные пронизательные глаза на почти идеально овальном лице, очень короткие волосы, помимо кудрявого хохолка впереди. Каждый палец ее затянутой в перчатку руки заканчивался изогнутым когтем острого серебра, которыми она рассеянно поглаживала кота на коленях.

Прежде чем Фатима успела заговорить, женщина осторожно переложила Рамзеса на подушку. Кот недовольно мяукнул, но только разок моргнул желтыми глазами, а затем свернулся в серебристый клубок. Женщина в черном поднялась и двинулась навстречу Фатиме – ее ноги беззвучно ступали по деревянному полу. Походка была расслабленной, почти намеренно ленивой. Тем не менее передвигалась она с удивительной скоростью, несколько быстрых шагов и она уже возвышалась над Фатимой. Ее взгляд опустился на замерший в кобуре револьвер.

– Планируешь меня пристрелить, агент? – промурлыкала она. – А где же нож, который ты всегда с собой таскаешь?

Фатима разжала пальцы на рукоятке и выдохнула.

– Сегодня не брала с собой. Была под прикрытием. Он бы в глаза бросался.

Женщина гортанно засмеялась, провела серебряным когтем под подбородком Фатимы и вдоль ее галстука.

– Будто ты не бросаешься в глаза в этих своих костюмчиках. – Она схватилась за галстук и наматывала его на руку, пока они не прижались к друг другу. Фатима не могла разобрать, стук чьего сердца она чувствовала. – А я так люблю эти костюмчики.

Затем все так же стремительно она наклонилась и поцеловала Фатиму.

То был медленный, жадный поцелуй. Из тех, что говорили о нужде и желании, о том, от чего долго отказывались и о чем мечтали. Сначала Фатима сдерживалась, на мгновение ошеломленная, ее губы и язык двигались неловко и невпопад. Но голод жил и в ней. Он быстро пробудился, полный влечения, игриво подбирающий правильный темп, пока она не нашла нужный ритм.

Когда их губы разомкнулись, у Фатимы закружилась голова. Воздух звенел электричеством, она прерывисто дышала, пытаясь наполнить легкие.

– Сити, – сказала она между тяжелыми вдохами. – Что ты здесь делаешь?

Губы нубийки приоткрылись в улыбке львицы, она взмахнула длинными ресницами, и Фатима почувствовала, как внутри что-то затрепетало.

– Мне кажется, это довольно очевидно. – Она распустила галстук Фатимы и каким-то образом умудрилась расстегнуть ее рубашку своими изогнутыми когтями.

– Махмуд не говорил, что у меня гости.

Темное лицо Сити скорчилось в гримасе, пока она освобождала Фатиму от пиджака.

– Этот баваб милый, но слишком любопытный. Ты ведь не хотела бы, чтобы он рассказал всем соседям о поздних визитах какой-то язычницы, так ведь?

– Но как тогда?.. – Фатима оборвала вопрос, чтобы сбросить пиджак, пока Сити сосредоточилась на жилете. Ее глаза остановились на хлопковых занавесках балкона, колыхающихся на ветру. – Ты вообще дверь пользуешься?

– Нет, если у меня есть выбор.

Игривый толчок прижал Фатиму к стене. Ее всегда поражало, насколько сильной была Сити. Не то чтобы она так уж сопротивлялась. Когти пробежались по ее шее, вызывая дрожь. Она позволила им подняться вверх, мягко перебирая черные кудри.

– Тебе нужно помыть голову.

– А тебе отрезать свою. Когда ты вернулась? Я тебя несколько месяцев не видела.

– Соскучилась? – надула губы Сити.

Фатима обняла ее за талию, наслаждаясь знакомым чувством – и притянула к себе.

Сити усмехнулась, блеснули темные глаза:

– Думаю, это значит «да»!

– Знаешь, я планировала вернуться домой и завалиться спать. Я очень устала.

– О? Все еще уставшая?

Фатима ответила поцелуем и решила, что не так уж она на самом деле и утомлена.

* * *

Спустя некоторое время Фатима сидела на кровати посреди красно-золотых подушек и дамасских простыней в цвет. В простой белой галабее, она прижималась спиной к Сити, пока та расчесывала ее все еще влажные волосы.

– Не будешь смазывать скальп маслом, волосы пересохнут на этой жаре.

– У меня есть парикмахер, – огрызнулась Фатима.

Сити цыкнула, разливая масло по ее кудрявым волосам, а затем втерла его умелыми пальцами. Фатима счастливо вздохнула, чувствуя аромат легкой пряной сладости. Наверное, этого ей не хватало больше всего.

– Что за масло? – спросила она.

– Меня научили его делать мама и тетки. Помогает здоровью волос.

– Что в нем?

– Чуть того, чуть этого – старый нубийский секрет. Мы не раскрываем его чужакам.

Фатима вывернула голову к Сити, которая надела одну из своих галабей. Алая сорочка была ей так мала, что больше уже напоминала рубашку. Но Сити носила ее так, будто галабею сшили специально на нее.

– Мне кажется, я имею право знать. Папа говорит, что у нас в предках могла быть нубийка, прапрапрабабушка или вроде того.

Сити закатила глаза и повернула голову Фатимы назад.

– Ты всего лишь саадка с милыми губками. Возвращайся, когда будешь уверена. А-ай!

Фатима обернулась и обнаружила, что Рамзес запрыгнул на плечо Сити, вцепившись в нее когтями.

– Больно же! – Девушка шикнула на кота, и он спрыгнул на кровать. – Уверена, что он не джинн? Половина каирских котов, скорее всего, джинны, знаешь...

Фатима рассмеялась, проводя рукой по внутренней стороне подогнутой правой ноги Сити, разглядывая при этом левую. Они были длинными, как все ее конечности, – будто ее вытянули. И в тонусе, так что Фатима ощущала под кожей мускулы. Она считала себя в разумной степени спортивной. Но рядом с Сити ей казалось, что стоило бы проводить больше времени в гимнастическом зале.

– Рада тебя видеть, Сити. – Затем мягче: – Но что ты здесь делаешь?

– Хм-м? В Каире? Или в твоей кровати?

И то и другое, на самом деле. Фатима встретила ее прошлым летом, во время расследования. То, что началось несколькими ужинами, расцвело в... чем бы оно там ни было. Эти отношения были головокружительными, новыми и прекрасными. Затем они закончились вместе с летом, а Сити отправилась, чтобы... чем бы она там ни занималась. Пришло несколько писем с почтовыми штемпелями Луксора, Кены, Ком-Омбо. Фатима вернулась к бурной жизни агента министерства, успокаивая себя тем, что это было лишь короткой интрижкой. Теперь Сити вернулась. А вместе с ней и головокружение.

Фатима выпрямилась, повернулась. Нужно спрашивать прямо.

– Догадываюсь, что это не визит вежливости. В ином случае ты бы надела что-нибудь попроще. – Она указала на черное платье, поверх которого лежали кучкой серебряные когти.

Сити бесстрастно вернула взгляд, глаза, как черные камни. Все-таки что-то поддалось, и она вздохнула:

– Я вернулась в Каир сегодня, на дирижабле. И да, меня прислали передать послание. Из храма.

Храм. Еще одна сторона Сити. Она была последовательницей старой религии. Связала себя с Хатор, богиней любви и красоты, которой поклонялись в давно исчезнувшем Египте. Неверная, безо всяких вопросов. В ее голову вползла «идолопоклонница» Хадии, но она прогнала эту мысль.

– Что за послание в таком случае? – спросила следователь холоднее, чем намеревалась. Ведь не важно, что отчасти она пришла по делу – так ведь?

Сити нахмурилась от ее тона.

– Это насчет вчерашнего происшествия в Гизе.

Это было неожиданно.

– Откуда вы вообще об этом знаете? Всего несколько часов прошло. – Ее глаза сузились в понимании. – В полиции служит один из вашего... храма.

– С чего ты взяла, что только один? – спросила Сити. – Так или иначе, но две жертвы были последователями. Я их не слишком хорошо знала. Они из других храмов. Но мы слышали о том, как они умерли. У храма может быть информация. Решили, что лучше обратиться к тебе.

Естественно. Фатима была одной из немногих представителей власти, поддерживающих с ними контакт.

– Что за информация? Ты в этом замешана?

– Я? Нет! Я только прилетела. Почти ничего не знаю, кроме того, что Уортингтон – прозванный Английским Пашой – вел дела с храмами. Чтобы узнать больше, тебе придется спросить Мериру. Она хочет встретиться завтра.

Мерира. Жрица местного храма Хатор, знающая самые странные вещи.

– Значит, мы встретимся завтра. Еще что-нибудь?

– Да.

Сити подалась вперед и поцеловала ее, нежно, но с теплотой, которой хватило, чтобы отогнать вихрящийся в мыслях Фатимы холод. Она согревала, даже когда Сити отстранилась.

– Я скучала по тебе все эти месяцы, – сказала она, видимо, угадывая, что скрывается за глазами Фатимы. – Я правда планировала к тебе прийти, с посланием или без. Это все, о чем я могла думать. Это все, о чем я могла думать все это время. – Она опустила голову на колени Фатимы и прижавшись. – Обещай, что остаток ночи мы не будем говорить об убийствах, расследованиях и что бы там еще ни происходило. Всего на одну ночь, давай забудем о мире. И просто будем здесь.

Фатима провела рукой по замше ее волос, поигрывая с хохолком на лбу. С этим она могла справиться. В конце концов, мир будет ждать.

Разбудил ее призыв муэдзина к фаджру¹⁹.

Фатима моргнула, привыкая к темной комнате. Часы показывали пять утра. Она перекадилась и нащупала пустое место. Фатима приподнялась в кровати и поискала глазами, но в комнате больше никого не было. Ее взгляд переместился к балкону, откуда веяло ветерком предрассветного утра.

Похоже, Сити воспользовалась своим обычным выходом.

Как в старые времена. Даже сложенная записка лежала на подушке. Фатима виновато – зная, что не поднимется к молитве вовремя – снова улеглась и закрыла глаза. В ее колени мурлыкал Рамзес, а она свернулась вокруг него, пытаясь игнорировать пустоту рядом.

¹⁹ Утренняя молитва.

Глава пятая

– Доброе утро, дядюшка.

– Утра из роз²⁰, капитан, – ответил Махмуд. – Это новый?

Она опустила взгляд на свой наряд: темно-зеленый костюм с тонкими пурпурными полосками и того же цвета жилет. Фатима дополнила его розовым галстуком с нотками пурпура и белой рубашкой.

– В шкафу прятался. Мне казалось, что он немного... вызывающий.

Баваб поднял кустистые брови, придерживая дверь:

– Сегодня утром ты выглядишь лучше, капитан. Хвала Аллаху, что послал тебе сладкие сны и ночной отдых.

– Можно и так сказать. – Выйдя за дверь, она коснулась поля котелка и попрощалась. По правде говоря, Фатима чувствовала себя замечательно отдохнувшей, хотя проспала всего лишь пару часов. Она себя так не чувствовала с прошлого лета, с тех пор, как проводила время с... Сити.

Ее губ коснулась улыбка, и когда агент остановилась, чтобы ей начистили туфли, юноша в белой галабее и тюрбане не мог отвести с нее любопытных глаз. Фатима спрятала залившееся краской лицо за газетой, ее рука потянулась к карману пиджака – похлопывая записку Сити с приглашением на завтрак.

Запрыгнув в уличный трамвай, Фатима обнаружила, что он забит пассажирами: заводчанками в характерных голубых платьях и хиджабах; бизнесменами в костюмах по турецкой моде и красных фесках; государственными клерками в кафтанах поверх безукоризненно белых галабей, застегнутых на все пуговицы и с воротниками в правительственном стиле. Козлоголовый джинн в твидовом пиджаке и брюках сидел и читал газету, длинная шерсть на его подбородке подрыгивала каждый раз, когда он рассеянно жевал губами. Заметив заголовок, Фатима тут же бросилась проверять собственную газету.

«Шокирующая смерть Английского Паши» была на передовице, с соболезнованиями от делового сообщества, заявлением от правительства, торжественно обещающего, что мирный саммит пройдет, как планировалось, и последующим расследованием. Ничего об огне, который сжигал лишь плоть, трупы со свернутой шеей или таинственном человеке в золотой маске. Остальная часть первой страницы посвящалась спекуляциям о сближении между германским кайзером и османским султаном, обычным военным тревогам, а также отчету об еще одной дерзкой аванюре Сорока леопардиц. Может, Асиму все же удалось скрыть информацию от прессы.

Следователь спрятала газету и вышла из трамвая у перекрестка. Печально известный трафик Каира снова нанес удар: авария включала зализанный серебристый автомобиль и перевернутый фургончик с арбузами, запряженный осликом. Рядом стояли два водителя, они кричали друг на друга, тыкали пальцами и размахивали руками. Ослик игнорировал обоих, пытаясь подобрать арбуз зубами.

Фатима двинулась к главной улице, виляя по боковым аллеям к своей цели. Для непосвященных «Мекка» была сонной нубийской столовой, но сумела привлечь завсегдаев. Каждый столик был занят, а стулья едва оставляли место, чтобы протиснуться. Декор подражал традиционному нубийскому жилищу, с желтыми оконными рамами на синих стенах и полом из зелено-коричневой плитки.

²⁰ Сабах аль-вард – арабы желают друг другу «Утра или вечера добра», «Сабах (масса) аль-хейр», но если хотят сделать приветствие более эмоциональным, то добавляют названия цветов: розы, жасмин и т. д.

Едва она оказалась внутри, как ее громогласно поприветствовал седовласый мужчина. Дядя Тофик, сын владелицы. Он забросал Фатиму вопросами. Почему так давно не показывалась? Как семья? Разве она не хотела съездить к матери? Ее погнали на кухню – где в воздухе разносились запахи тмина и чеснока. Сестры Тофика были ничуть не менее темпераментными и любопытными. Она выдерживала бурю вопросов, пока не оказалась перед собственницей «Мекки», мадам Азизой – сестрой бабушки Сити. Величавая матрона восседала в кресле, словно мероитская²¹ королева, обозревающая свои владения. Она вернула приветствие Фатиме и окинула ее внимательным взглядом из-под традиционного черного хиджаба.

– Милая трость, – проскрипела она, стукнув по полу деревянным посохом. – Но моя мне больше нравится. Пришла повидаться с племянницей?

– Сити – то есть Абла – попросила встретиться здесь. – Фатима настолько привыкла к прозвищу, что иногда забывала использовать настоящее имя Сити.

– Абла. Не сидится девчонке на месте. Как ветер, что дует тут и там. Слишком много взяла от отца.

Фатима не ответила. Сити редко говорила о своем отце – которого она не знала. Насколько понимала Фатима, был какой-то скандал.

– В моей деревне рассказывали историю, – продолжила мадам Азиза, – о женщине, легкой как перышко. Она была подобна ветру – и ее муж не мог удержать женщину на месте. Так что он читал стихи, а она останавливалась, чтобы послушать. Ты умеешь читать стихи?

Фатима открыла рот, пытаясь придумать ответ – и была спасена Сити, спустившейся по ступеням. Она сменила костюм для ночных вылазок на наряд в своем обычном стиле: нубийское платье с золотыми и зелеными принтами, подвязанное у колен поверх обтягивающих белых бриджей, заправленных в высокие, коричневые ботинки. Сити запустила целый вихрь болтовни, пока надевала хиджаб, а затем схватила Фатиму за руку.

– Йа Алла! Если мы не сбежим сейчас, они заставят меня обслуживать столик все утро! Фатима кое-как попрощалась, пока ее чуть не волоком вытаскивали из кухни.

– Твоя тетя, она знает... о нас?

– Тетя Азиза? Ей девяносто. Сомневаюсь, что у нее в голове все на месте.

Фатима оглянулась через плечо и наткнулась на внимательный взгляд. Они недооценивали старуху.

– Мне казалось, мы будем завтракать?

– Нет времени. Мерира хочет встретиться прямо сейчас, – покачала головой Сити.

Сейчас? Фатима надеялась сесть и поговорить. Поповавшаяся на глаза миска с фулом²² напомнила ей, что она голодна.

– Мне нужно поесть.

В ответ Сити взяла у дяди Тофика два пакета, один из которых отдала Фатиме. Свеже-испеченный кабед²³ с мишем²⁴. Сити уже жадно вгрызалась в хлеб с сыром. Фатима слегка поворчала: она бы предпочла бобовое рагу. Они вышли на главную улицу, где еще разбирались с аварией, и Сити остановила экипаж. Фатима рухнула на мягкое сиденье, когда они рванули вперед.

– Я уже договорилась о смене во второй половине дня, – жаловалась Сити. Обычно в Каире она останавливалась в ресторане тетушки и работала официанткой. – Что, моя ленивая кухня думает, я и ее смену отработаю? – Она вздохнула, затем бросила виноватый взгляд. –

²¹ Мероэ – столица царства Куш (IX–VII вв. до н. э.) на территории современного Судана (Нубии).

²² Фул медамес – национальное блюдо многих арабских стран. Сваренные на медленном огне бобы.

²³ Нубийский дрожжевой хлеб из кукурузной муки.

²⁴ Традиционный египетский сыр.

Малеш²⁵, я даже доброго утра тебе не пожелала как следует. – Ее пальцы пробежались по галстуку Фатимы. – И не похвалила твой потрясающий костюм!

– Ничего, – ответила Фатима, заканчивая завтрак. – Каждый раз, как приезжаю домой, мои тетушки тут же запрягают меня в работу. В последний раз меня утащили на свадьбу кузена.

– Попробуй сходить на нубийскую свадьбу. Они могут тянуться около недели. И хна...

– Тут без особой разницы. У меня есть тетя, которая занимается всей этой хной. Но я была ее *помощницей*, сколько себя помню. Мне кажется, она всегда считала меня своей ученицей. В общем, мы полночи провели, раскрашивая невесту.

Сити вытерла пятно миша с губы Фатимы:

– Тебе еще на мне предстоит попрактиковаться. – Она подмигнула и отвернулась, выглядывая из экипажа. – Этот город еще больше разросся, пока меня не было?

Фатима посмотрела вслед за ее взглядом туда, где утреннее солнце сияло над Каиром: мешанина высоких современных зданий и заводов. Новые постройки поднимались каждый день, стальные каркасы, словно кости, ожидающие кожу, среди улиц, забитых экипажами, трамваями и паровыми машинами. Небо тоже не пустовало, по нему носились скоростные трамваи, оставляя за собой потрескивающие электрические разряды. Еще выше нависал воздушным китом синий дирижабль – шесть пропеллеров толкали его к горизонту.

– Спасибо, Джахиз, – сказали они, как по сигналу. И от всего сердца.

Экипаж добрался до Старого Каира. Здесь дороги были узкими и вымощенными брусчаткой. По обеим сторонам высились масджиды, архитектура, охватывающая целые эпохи Каира – от Фатимидов до Османов.

Сити просигналила экипажу остановиться, настаивая, что заплатит сама. Они вышли на оживленный тротуар у площади аль-Хусейна и влились в толпу, движущуюся к каменным воротам с антрвольтами²⁶, украшенными геометрическими узорами. На другой стороне располагался базар Хан-аль-Халили.

Сук²⁷ строился столетиями, хаотично и безо всякого планирования. Витрины магазинов с пестрыми дверями тянулись по узким улочкам, их превосходили количеством только лотки, которые втискивали в любой свободный угол: кофейни и ремонтные киоски, книжные магазинчики и торговцы алхимическими благовониями, бутики шелка и полки, уставленные механическими деталями. Разносились утренние крики продавцов, в то время как иные шепотом соблазняли прохожих обещаниями. В дополнение к перекрикиваниям, от сотни запахов – парфюмов, специй, брызжущего жиром мяса – голова шла кругом.

– А вот по этому я скучала, – сказала Сити, хозяйски прогуливаясь по суку. Она провела Фатиму вокруг гигантских цилиндров воздухоплавательных моторов и мимо юношей с паровыми кубами под высоким давлением, из которых наливали чай в изящные фарфоровые чашки. – Здесь можно найти практически что угодно. А ты знала, что, по слухам, где-то на базаре живет ангел? Говорят, она творит чудеса.

Фатима пригнулась, проскальзывая под бронзовыми фонарями, после чего свернула в другую аллею. Ангел? В Хане? Ангелы появились через некоторое время после джиннов. Или, скорее, существа, именующие себя ангелами. Коптская церковь постановила, что они не могут быть ангелами, утверждая, что все небесные создания обитают в Раю с Богом. Улемы²⁸ тоже отреагировали скептически, настаивая, что у истинных ангелов нет свободной воли. В любом случае загадочные создания не стали проливать свет на свое происхождение. То, что один из

²⁵ Малеш (*араб.*) – ну да ладно, ничего, не важно. Часто используется как извинение.

²⁶ Часть плоскости стены между дугой арки и расположенным над ней карнизом, либо пространство между дугами соседних арок в аркаде.

²⁷ Арабский синоним персидского «базара».

²⁸ Знатоки богословия, историко-религиозного предания и этических норм ислама.

них выбрал базар в качестве резиденции, было очень странным. Но, опять же, а что в них не было странным?

– Мне ангелов хватило, – ответила Фатима. Сити хмыкнула, соглашаясь. Они встретились, когда Фатима работала над делом, включавшим ангела по имени Творец, который очень очень серьезно съехал с катушек. Они обе старались как можно меньше о нем говорить.

Сити остановилась у конца небольшого переулочка напротив магазина с двумя дверями. Черный каллиграфический шрифт обозначал первую как аптеку, что подтверждали бушели сушеных листьев и редких трав, украшающих фасад. На истертом дереве второй двери небесно-голубой краской был нарисован большой глаз, окруженный золотыми звездами и красными свечами. Над рисунком разворачивалась вытравленная белым надпись: «Дом Владычицы звезд».

Когда они вошли в поблекшую синюю комнату, открывающаяся дверь задела колокольчики. За столом сидела старая женщина, передвигавшая фигурки по игровой доске, ее оппонентом выступал пустой стул напротив. Услышав, что они вошли, старуха подняла голову и беззвучно их поприветствовала – жестом показав, чтобы вели себя тихо.

Половину прямоугольной комнаты отделяла занавесь из красных и черных бусин, за ней, у стола, сидело три фигуры. Одной из них была Мерира, в черном себлехе со звездами и длинном хиджабе, увешанном монетками и красными помпонами. Женщины напротив носили зеленые платья, смесь парижского и каирского стиля – очень распространенная мода в эти дни, их лица скрывали вуали. Представительницы высшего общества пришли с визитом к гадалке в переулках Хана. Все три говорили еле слышно: что-то о больном отце, магнате перевозок на дирижаблях и наследстве.

Видимо, предсказание Мериры оказалось не слишком удачным, и пара затеяла громкую перебранку. После нескольких бесплодных попыток вмешаться, Мерира рассерженно прикрикнула. От налетевшего порыва ветра застучали бусины занавеси, затрепетал огонь в позолоченных газовых лампах на цепях. Фатима прижала котелок, чтобы его не сорвало потоком воздуха. Сити зевнула, изучая ногти. Одежда старухи всколыхнулась, но она не отрывала взгляда от игровой доски.

Ветер утих, но предполагаемый эффект сохранился. Две богатые женщины остановили перебранку и не сводили глаз с Мериры, которая разрешила их протесты быстрым «Цыц!». Когда обе наконец ушли, то оставили непристойную сумму денег вместе со своей благодарностью.

Из-за занавески Мерира появилась, выглядя уставшей, но стоило ей увидеть Сити и Фатиму, как лицо гадалки расплылось в широкой улыбке, и она приветственно их расцеловала. Жрица напускала на себя ауру матроны, усиливаемую возрастом, заботливыми глазами и пухлыми щеками. Но все это было лишь ролью, как и работа гадалкой. Фатиму не обманывала эта маска. За вечно улыбающимися губами таился изворотливый ум, знавший все, что происходило в городе, – как на свету, так и в тенях.

– Клиентура у вас улучшилась, – заметила Фатима.

Мерира закатила глаза:

– Даже богатые хотят знать свою судьбу. А счета нужно оплачивать. – Она положила щедрую пачку купюр на столик рядом со старухой. – И спасибо тебе, Миния, что вовремя остановила, когда я собиралась удавить эту парочку!

Воздух над пустым стулом пошел рябью, откуда появилась нечеловечески высокая женщина с мраморной аквамариновой кожей и яркими нефритовыми глазами. Ее эфемерное тело было таким же прозрачным, как ее легкое платье, развевающееся, словно на легком ветерке. Джанн. Одна из элементарных джинний. Это объясняло произошедшее. Джанн переставила фигуру на доске, что заставило старуху охнуть и прикусить свою руку.

– Ас-салям алейкум, агент Фатима, – поздоровалась джанн гулким голосом. – Рада снова вас видеть несмотря на обстоятельства.

– Ва-алейкум ас-салям, Миния, – ответила Фатима. Джанн поклонялась Хатор. Джинны, в конце концов, могли принадлежать к любой религии или вообще быть неверующими. Она обернулась к Мерире, которая сняла хиджаб и теперь накладывала черную сурьму на медовую кожу под глазами. – Подозреваю, что «обстоятельства» как-то связаны с прошлой ночью? У вас есть информация?

– Не только у меня. Проходи. – Жрица провела их мимо другой занавески из бусин, на этот раз синих и золотых, по узкому коридору. Быстрый стук в определенном ритме – и дверь перед ними распахнулась. Они ступили в храм Хатор.

Освещенное яркими фонарями святилище было обставлено столами красного дерева и мягкими стульями. Красочные росписи на стенах изображали богов с головами животных или в сияющих коронах. В центре храма стояла черная гранитная статуя сидящей женщины, чью голову венчали изогнутые рога с диском между ними. Хатор. Владычица звезд. Величественная богиня Древнего Египта, низведенная до маленькой группки почитателей в темных переулках Хан-аль-Халили.

Те, кто решал поклоняться забытым богам, делали это втайне. Хоть министерство не было уверено насчет конкретных цифр, предполагалось, что их количество исчислялось в тысячах – и продолжало расти. Сегодня в храме была только одна посетительница: юная девушка в просвечивающей белой рясе. Она поклонилась Мерире, снявшей себлех, под которым скрывалось золотое плиссированное платье. Девушка забрала верхнее одеяние и помогла жрице надеть многоярусный парик. Сити отошла в сторону помолиться у второй гранитной статуи в виде женщины с львиной головой. Хатор, перекинувшаяся в Госпожу Мести и Владычицу Войны – богиню Сехмет.

Фатима наблюдала на расстоянии. Она терпимо относилась к другим религиям. Но верила в Аллаха и что Пророк его – да пребудет над Ним мир – был его Посланником. Даже после всего того, с чем она встречалась по работе, все это казалось странным. Когда Сити закончила молитву, она вернулась к ней, и Фатима переступила с ноги на ногу под ее понимающим взглядом. Они изо всех сил старались не говорить о вере.

– Мерира там, – все, что она сказала, направляя Фатиму в другую часть зала. Жрица Хатор уже сидела на широком багровом диване с ножками в виде звериных лап. Рядом с ней устроилась черная кошка с золотыми серьгами в носу и ушах и ошейнике из лазурита. С ней был еще один человек.

У длинного столика кофейного цвета, напротив Мериры, сидел мужчина. Фатима никогда раньше не видела мужчину в этом храме. Она считала, что все последователи Хатор – женщины. Но когда она увидела его лицо, то засомневалась, человек ли он. Кожа незнакомца была совершенно серой, со слабым оливковым оттенком, словно изначальный цвет выгорел на солнце. У него не было волос. Ни на круглом черепе, ни даже бровей. Несмотря на это, странная кожа не казалась гладкой. Наоборот, выглядела грубой, и Фатиме подумалось, что она будет шершавой на ощупь.

– Агент Фатима, – представила Мерира, – это...

– Можете называть меня лордом Собеком, – перебил мужчина. Его голос напоминал рычание. А его зубы! Он их затачивал? – Хозяин Вод, – продолжил он. – Гневный. Владыка Файюма. Защитник Государства. Генерал Королевской армии.

Повисла тишина. Мерира удерживала невозмутимое лицо. Юная служительница отвела взгляд в сторону. Сити вздохнула, выдвинула стул и пригласила Фатиму сесть:

– Это, эм, Ахмад.

Мужчина поморщился, но резко кивнул.

– Ахмад – верховный жрец культа Собека, – пояснила Мерира.

Имя встало на свое место в голове Фатимы. Собек. Бог с головой крокодила из старого египетского пантеона. Она оглядела мужчину, одетого в темно-коричневую рясу с обтрепанными полами. Не сказать чтобы наряд подходил верховному жрецу, но *ничто* крокодилу в нем определенно было. Теперь, когда она присмотрелась внимательней, то заметила, что глаза, которые она ошибочно посчитала черными, на самом деле были глубокого, пронзительно зеленого цвета. Как у нильского крокодила.

– Двое наших погибли во вчерашней трагедии, – сказала Мерира.

– Мужчина и женщина. Вы их знали? – Фатима повернулась к ней.

Мерира кивнула, раскладывая колоду черных карт Таро на столе. Фатима не понимала, зачем бы жрице Хатор понадобился подобный инструмент. Предсказания по картам Таро, скорее всего, придумали в Европе и не практиковали при фараонах. Но она сама носила английский костюм. Так что не ей критиковать.

– Мужчина был верховным жрецом культа Анубиса. – Мерира перевернула карту с черным шакалом, держащим косу жнеца. – Женщина была верховной жрицей Нефтиды. – Она перевернула другую карту – сидящая женщина с посохом.

Нефтида. Богиня похорон, насколько помнила Фатима.

– Нефтида, – сказал Ахмад, – была моей божественной супругой. Женой Собека.

Фатима поморщилась:

– Мне казалось, что Нефтида – сестра-жена Сета.

Сити слегка покачала головой. Слишком поздно. Широкие ноздри Ахмада раздулись, и он заскрежетал острыми зубами.

– Почему все раболепно следуют текстам тысячелетней давности? – вспыхнул он. – Боги могут меняться. Расходиться. Пробовать что-нибудь новое. Кроме того, Сет был мудаком. Не знал, как правильно себя с ней вести. Как преклоняться перед ней.

Фатима была озадачена. Они о богах говорили или о людях?

Гнев покинул глаза Ахмада, и он достал из рясы фото женщины.

– Нефтида. Любовь моя. Моя богиня.

Женщина на фотографии была юной и довольно симпатичной – со счастливой улыбкой на лице. Большой контраст с обгоревшими останками, которые Фатима видела прошлой ночью.

– Пусть Аллах одарит вас терпением, – сказала она. – Могу я узнать ее человеческое имя?

– Эстер, – мягко ответил он, пряча фото. – Эстер Седарус.

Коптское имя. Христианка. Или была когда-то.

– Что она делала в имени Паши прошлой ночью? – спросила Фатима, обращаясь к Мерире. – Лорд Уортингтон вступил в один из ваших храмов?

– Совсем наоборот. – Мерира перевернула следующую карту. На ней изображался старый бородатый мужчина с зажженным фонарем и в пурпурной мантии. – Отшельник ищет истину. – Она перевернула еще одну, и брови Фатимы взмыли. На ней была копия флага из поместья лорда Уортингтона: две накладывающиеся пирамиды, образующие гексаграмму, и пожирающий свой хвост огненный змей вокруг них, а сверху скимитар с полумесяцем рогами вниз.

Фатима понятия не имела, как жрица повернула свой фокус, и ее не особенно это волновало.

– Достаточно, Мерира. Я хочу знать все, что знаете вы. Хватит дешевых трюков. Просто рассказывайте.

Жрица разочарованно откинулась назад. Она любила драматические эффекты.

– Герметическое Братство аль-Джахиза. – Мерира постучала пальцем по карте с флагом. – Гексаграмма, алхимический символ, представляющий великие элементы. – Она коснулась четырех знаков зодиака и всевидящего ока, пока объясняла. – Воздух, огонь, земля, вода и дух. Солнце и луна для множества неизвестных миров. Внизу меч: честь, защищающая пра-

ведность, чистоту, баланс жизни и смерти. Под ним полумесяц – свет мудрости перед ликом тьмы. – Указательный палец обвел огненного змея. – Нескончаемый и вечный поиск. *Quaerite veritatem*. Ищи Истину.

Фатима была озадачена. Со времен возвращения джиннов Египет запрудили эзотерики и спиритуалисты – полчища людей в странных шляпах. Но поклонники аль-Джахиза?

– Никогда о таком не слышала.

– Я тоже, – ответила Мерира, – пока они не предложили присоединиться. Лорд Алистер Уортингтон основал Герметическое Братство аль-Джахиза где-то в конце восьмидесятых.

– Примерно через десять лет после разгрома британцев у Тель-эль-Кибира²⁹, – отметила Фатима. – Лорд Уортингтон сыграл важную роль в переговорах о мире и независимости.

– За что получил специальные привилегии, – продолжила Мерира, – стал так называемым Английским Пашой. Скорее всего, он ими воспользовался, когда основывал тайное братство. Они годами охотились за любыми следами аль-Джахиза. Говорят, у них есть хранилище реликвий.

Фатима вспомнила ритуальный зал в поместье – похоже, посвященный аль-Джахизу.

– Все это выглядит надуманным, так ведь? – спросила Мерира. – Я была уверена, что у них какой-то зловещий план, когда Уортингтон обратился к главам храмов. – Ее рука опустилась на карту Отшельника. – Но все, что я увидела, – это искренний человек в поисках высшего смысла. Он действительно верил, что находится в священном поиске. Что тайны аль-Джахиза принесут миру благополучие.

– Наш великий и благородный европейский спаситель, – сухо заметила Сити.

– Ну да. Это тоже.

– Я по-прежнему не понимаю, как вы в этом замешаны, – сказала Фатима. – Если бы я создала группу, посвященную аль-Джахизу, ваши люди вряд ли бы оказались в верхних строчках списка. Без обид.

– Мы и не были, – ответила Мерира. – Братство в основном состояло из англичан – из компании Уортингтона. Но он убедил себя, что ключом в обретении секретов аль-Джахиза были, как он выразился: «более чистокровные нильские аборигены в наших рядах, чей разум сможет работать подобно моему».

Фатима поморщилась. Мерира пожалала плечами.

– Он пытался привлечь других египтян, состоятельных союзников. Но те немногие, с кем он поделился идеей – как копты, так и мусульмане, – его проигнорировали. Он даже к суданцам обращался.

Фатима попыталась представить, как лорд пытается завербовать кого-нибудь из Махдистской Революционной Народной Республики Судан в оккультное братство. Скорей всего, ему пришлось выдержать трехчасовой отказ, содержащий суфийское учение, а потом еще два часа марксистской риторики.

– Те, кто был близок к лорду Уортингтону, предупреждали, что если он будет продолжать в том же духе, то может стать парией, – сказала Мерира. – Мы, с другой стороны? Для нас это давно пройденный этап.

– Вы были единственными, кто мог принять его предложение.

– Даже богатые люди иногда садятся за стол с нищими, – заметил Ахмад.

Фраза звучала как одна из поговорок ее матери. Станный мужчина достал пачку «Нефертари», сунул сигарету в рот и собрался уже щелкнуть зажигалкой в виде серебряного скарабея, но тут Мерира громко прочистила горло. Он понял намек, вздохнул и спрятал сигарету. Верховная жрица Хатор прищурилась на Фатиму.

²⁹ Битва у Тель-эль-Кибера состоялась в 1882 году. В нашем мире английские войска победили египетских повстанцев.

– Вижу выражение твоего лица, следовательно. Ты думаешь, что нас использовали. Какой-то богатый англичанин появляется со своим вздорным культом, насмевающимся над нашей культурой, а у нас даже не хватает достоинства сказать ему «нет» – будто старый проводник предлагает нести сумки за небольшой бакшиш.

– Не совсем так. Но вас использовали.

– Мы тоже его использовали, – парировала Мерира. – Мы запросили высокую цену за свое присутствие. Наши культы должны начать действовать по-другому. Перестать прятаться в задних комнатах. Встречаться втайне. Деньги Уортингтона помогли бы построить и открыть настоящий храм. Место, чтобы поклоняться в открытую, где нас не будут изводить и преследовать. Зачем, по-твоему, Сити была в разъездах?

Голова Фатимы повернулась к Сити, которая отвела глаза. Фатима вернула взгляд к Мерире:

– Я здесь не для того, чтобы учить, как управлять храмом. Но мы говорим об убийстве. Рано или поздно присутствие ваших людей обнаружится. И вы окажетесь на всеобщем обозрении – но не так, как вам хотелось бы. Не мне говорить, как быстро начнут указывать пальцем в вашу сторону.

Ахмад проворчал что-то о безмозглой нетерпимости, а лицо Мериры окаменело.

– Именно поэтому я рассказываю все, что могу. Я окажу любую посильную помощь. Клянусь богиней.

– Хорошо, – сказала Фатима. – Тогда скажите, у братства были враги?

– Не знаю. Мы только недавно начали с ними работать.

– Что насчет других храмов? Я слышала, вы соперничаете.

– Соперничаем, да, но за прихожан, – округлила глаза Мерира. – Или по поводу теологических интерпретаций. Но убивать двух верующих? Верховные жрецы и жрицы каждый месяц встречаются за чашкой кофе. Мы проводим межхрамовые мероприятия. Что там далеко ходить, Собек и Сет живут в одной квартире.

Фатима посмотрела на Ахмада, на что тот пожал плечами:

– Так я встретился с Нефтидой. Кроме того, знаете, как тяжело найти недорогую квартиру в центре Каира? – Вообще-то, Фатима знала. Так что не стала продолжать.

– Мы слышали насчет тел, – сказала Мерира. – Странные ожоги. Миния? Что думаешь? После упоминания имени джанн поднялся ветер, и она материализовалась.

Фатима вздрогнула. Джинния была здесь все это время?

– Вы что-нибудь знаете об этих ожогах?

Лоб джанн нахмурился в задумчивости. Ее лицо было не совсем человеческим – и не только из-за почти прозрачной мраморной кожи. Ее глаза – такие же мраморные – казались слишком большими, рот слишком широким, а линия подбородка слишком четко очерченной. То было бессмертное лицо, несущее отпечаток вечности.

– Я не видела мертвых лично, – гулко ответила джанн. – Но слышала их описание: огонь, пожирающий плоть, но не касающийся всего остального. – Она пошла рябью, видимо, в растерянности. – Не могу сказать с уверенностью, но чувствую руку своих кузенов.

Джинния взмахнула длинными тонкими пальцами над столом. Одна из карт Таро медленно перевернулась, чтобы показать охваченный пламенем меч.

– Воплотившись, тела их состоят из бездымного огня, – нараспев произнесла Миния. – Ифриты.

У Фатимы перехватило дыхание. Ифриты! Представители элементалей. Создания огня. Эти джинны считались слишком взрывоопасными и держались в стороне от смертных или других джиннов. На самом деле никто даже *не видел* ифритов за сорок лет, с тех пор как аль-Джахиз открыл Каф.

– Но зачем ифриту могло понадобиться убить лорда Уортингтона? – спросила она.

Джанн вздохнула, как ветер в ветвях деревьев.

– Возможно, эти смертные пытались заключить с ифритом договор. Подобные попытки редко заканчивались... без последствий.

– У кого бы хватило мозгов, чтобы предложить ифриту договор? – пробормотала Сити.

«Кто-то играет с силами, которые не понимает, – подумала Фатима. – Одна из величайших бед эпохи. И такие вещи редко заканчивались... без последствий».

– Еще вопрос. Вы что-нибудь знаете о человеке в маске и черной мантии?

– Каком еще человеке? – спросил Ахмад. В его горле заклокотало рычание.

– Дочь лорда Уортингтона прошлой ночью столкнулась с мужчиной, одетым в черное, – пояснила Фатима, которую он нервировал. – В золотой маске. – Зубы Ахмада сжались, но он промолчал. Фатима запомнила его реакцию на будущее.

– Прости, но больше ничем не могу помочь, следовательно, – покачала головой Мерира.

– Вы уже помогли. Сделаю все, что могу, чтобы вас в это не вмешивали.

– Сделай все, что можешь, чтобы узнать, кто стоит за этим зверством, – сказал Ахмад.

Фатима нахмурилась. Было это просьбой или требованием?

– Я всегда раскрываю свои дела.

Казалось, что пристальный взгляд темно-зеленых глаз мог распознавать правду.

– Нефтида не заслуживала такого конца, – сказал он надломленным голосом. – Убийца должен быть наказан. Человек или джинн, он должен предстать перед богами, чтобы его душу взвесили и осудили за это преступление!

* * *

Фатима вышла из Дома Владычицы звезд в подворотню Хан-аль-Халили. Сити появилась мгновением позже.

– Он серьезно?

– Кто? Ты про Ахмада? – нахмурилась Сити.

– Владыка Собек, – сухо ответила Фатима. – Он действительно думает, что он бог-крокодил?

– Ну, не *тот самый* Собек. Скорее, он считает себя избранным Собеком в мире смертных. Человеком с прямой связью с погребенным богом, часть которого теперь живет в нем.

Погребенные боги. Хотя бы это Фатима понимала о древних религиях. Они верили, что боги никогда на самом деле не уходили, но вместо этого покоились в глубинах египетской земли, захороненные, – не мертвые, но погребенные в колоссальных саркофагах, подобно фараонам. Приверженцы этой веры считали, что чем больше людей присоединится к поклонению, тем больше древних богов поднимется из бессмертной спячки, чтобы коснуться мира смертных – даруя верующим частицу своей силы. Наступит день, утверждали они, когда достаточно людей произнесут их имена и принесут жертвы в их священных храмах, и тогда боги пробудятся от вечного сна, чтобы занять свое законное место истинных владык этой земли. Мысль, признавалась себе Фатима, которая временами бросала ее в дрожь.

– Ты в порядке? – спросила Сити.

Фатима выбросила из головы картинку с заплесневелыми, иссохшими богами, затынутыми в рогожу и увенчанными сияющими коронами с головами животных, поднимающимися из глубин Египта – и ответила на вопрос:

– Ты ищешь место для этого вашего великого храма? Ты этим занималась все эти месяцы? И не сказала мне?

Сити прислонилась спиной к стене:

– Я говорила, что уезжаю по работе. Ты никогда не спрашивала о подробностях. И непохоже было, что тебе интересно. Мы не особенно разговариваем о таких вещах.

Тоже верно, признала Фатима. И все же.

– Эта попытка открыть публичный храм. Не слишком хорошая идея.

– Мне казалось, ты никого не хочешь учить.

– Я не учу. Просто честно высказываю свое мнение.

– И в чем тогда заключается твое «честное» непоучение? – Сити сложила руки на груди.

– Страна все еще привыкает к джиннам и магии. Теперь вы хотите им сказать, что под их ногами захоронены древние боги – и вы пытаетесь их пробудить? Люди не готовы.

– Сколько им понадобится, чтобы подготовиться? Год? Десять? – В голосе Сити появилось напряжение.

– Столько, сколько нужно. – Фатима слышала, как поднимается ее собственный голос. – Пока люди вас не примут.

– Как ты приняла меня? Тебе не кажется, что мы и так достаточно скрываем? – Сити склонила голову набок.

На секунду они затихли, вперившись друг в друга взглядами. Затем их лица медленно расслабились.

– Мы только что поссорились? – спросила Сити, на ее лице появилась улыбка. – Мне кажется, мы только что поссорились!

– Мы ссорились, – согласилась Фатима. От этого понимания ее раздражение растаяло. Просто чудо, что это случилось впервые.

– Можешь извиниться передо мной сегодня вечером... – начала Сити.

– Я должна извиниться? – округлила глаза Фатима.

– Извиниться *передо мной*, пригласив в «Пятачок». Его не закрыли, так ведь?

– «Пятачок» всегда на месте.

– Значит, выходит, у нас свидание, следовательно. Надень что-нибудь стильное.

Когда Сити направилась назад к Дому, Фатима фыркнула вслед. Она всегда одевалась стильно.

Глава шестая

Министерство алхимии, заклинаний и сверхъестественных существ находилось в центральной части Каира. Когда его основали в 1885 году, штаб перенесли в складские помещения в Булаке³⁰. На нынешнее место он переехал в 1900-м – одна из новых построек архитекторов-джиннов.

Приближаясь к зданию, Фатима разглядывала его очертания: длинная прямоугольная структура, увенчанная стеклянным куполом. По фасаду на всех пяти этажах выстраивались ряды окон в форме колоколов, и каждое из них было оснащено механическим экраном из черных и золотых десятиконечных звезд и ромбов, которые постоянно сдвигались в разные геометрические узоры. Пройдя сквозь стеклянные двери, она поприветствовала охранника – юношу, чья униформа всегда висела мешком на его долговязой фигуре. Однажды она познакомила его с портным. Не сбавляя ходу, агент пересекла мраморный пол, – где эмблема министерства – средневековый символ алхимии на двенадцатиконечной звезде – была выложена мозаикой из красного, синего и золотого камня.

Она бросила быстрый взгляд вверх, где под стеклянным куполом вращались гигантские железные шестерни и сферы, словно модель Солнечной системы. На самом деле это был мозг здания: механический шедевр, созданный джинном. Копии поменьше позволяли трамваям на канатных дорогах передвигаться без водителя, на автопилоте. Этот автомат управлял всем министерством. Здание было живым. Фатима коснулась пола котелка в приветствии.

Ее трость остановила закрывающиеся двери переполненного лифта, позволяя следователю проскользнуть внутрь. Извинившись перед другими пассажирами, она назвала свой этаж и сверилась с карманными часами. Было все еще утро, но ненадолго. В ее голове тут же прозвучал мамин голос: «Время – золото». Лифт остановился на четвертом этаже, и она выбралась, проходя мимо агентов по пути к своему офису – людей в черном с красными фесками. Она поглубже натянула котелок, избегая их взглядов.

– Агент Фатима, – позвал ее кто-то.

Следователь сжала зубы. Как бы не так. Повернувшись, Фатима увидела высокого широкоплечего мужчину в наглаженной министерской униформе с сияющими серебряными пуговицами. Над квадратной челюстью просияла улыбка, и она немного расслабилась:

– Доброе утро, агент Хамед.

– Погоди, разве еще утро? – Мужчина бросил озадаченный взгляд на настенные часы.

– Что, ты теперь и шутить умеешь?

Он усмехнулся сквозь короткие темные усы и отхлебнул из чашки чая.

Они с Хамедом вместе выпустились из академии в 1908-м. Не то чтобы они тогда дружили. Он был старше, больше и постоянно хвастался тем, что вышел из семьи полицейских – она всегда избегала людей подобного типа. Но прошлым летом они случайно восстановили отношения. Оказалось, он не так уж и плох. Несколько консервативный и негибкий – как его накрахмаленная белая рубашка без воротника, – но неплохой, когда лучше его узнаешь.

– Работаешь допоздна, – заметил он. Затем добавил шепотом: – Слышал, ты была в Гизе, работаешь над делом Английского Паши. В бумагах пишут, там был пожар. Но если ты на деле?..

– Сам знаешь, Хамед, бумагам не стоит доверять, – упрекнула Фатима.

Видя, что она больше ничего не скажет, Хамед выглядел разочарованным.

– Ладно. Но секреты в этом офисе хранятся просто отвратительно. Чем дольше будешь молчать, тем замысловатее будут слухи.

³⁰ Один из районов Каира.

Фатима нахмурилась. Мужчины так любят сплетничать.

– Прошу, скажи, что вы не устроили ставки.

– О, ставки уже начались. Но не по поводу дела. Бьемся об заклад, сколько тебе понадобится времени, чтобы избавиться от новой напарницы.

Фатима со свистом набрала воздух. Хадия! Из-за возвращения Сити и утренней встречи она совершенно забыла! Ее глаза просканировали офис.

– Где она? Ей уже выделили стол?

Хамед прикусил губы, безуспешно пытаясь скрыть улыбку. Приподняв чашку, он указал на дверь ее кабинета.

– Там с ней Онси сейчас. Он вводит ее в...

Фатима развернулась на каблуках, больше его не слушая. Дверь в ее кабинет была широко распахнута, и она прошествовала внутрь. Ей выделили помещение, когда назначили специальным следователем. Кабинет был большим, с окнами, выходящими на Нил, здесь хватало места для стола и другой мебели, включая гардероб – где она держала запасные костюмы. Никогда нельзя быть слишком осторожной. Теперь в кабинете стоял второй стол. За ним сидела Хадия. Увидев Фатиму, она тут же поднялась.

– Доброе утро, агент Фатима, – поздоровался мужской голос.

Фатима перевела взгляд на приземистого мужчину. Агент Онси. Напарник Хамеда. На его коричневом лице, как обычно, сияла улыбка.

– Я как раз говорил с агентом Хадией. А вы знали, что мы вместе учились в академии? Я даже... – Он остановился, щурясь сквозь очки в серебряной проволочной оправе. – Агент Фатима, у вас все в порядке?

– Когда я пришла, стол уже стоял, – выпалила Хадия.

Фатима развернулась и вышла, не сказав ни слова. Она смутно ощущала взгляды людей, пока шагала к кабинету директора Амира. Агент постучала в его дверь и дождалась, пока ее пригласят.

На первый взгляд Амир совсем не походил на директора. Седеющие волосы, сонные глаза и осунувшееся лицо создавали впечатление перегруженного работой бюрократа. На нем была потертая, мятая униформа, а на покрытом папками и документами столе царил хаос. Но он руководил крупнейшим отделением министерства свыше десяти лет. Большинство в его положении не продержались и половины этого срока. Сейчас он стоял, сосредоточившись на перелистывании большой книги, словно пытался что-то найти.

– Я подозревал, что мы увидимся, – сказал он. – Удивительно, что это заняло так много времени. Садись.

Фатима уселась на узкий, неудобный стул. Ее глаза наткнулись на фото юного Амира, стоящее на столе, на фотографии он был в устаревшей министерской форме и с улыбкой на лице. Трудно поверить, что когда-то он был молод – или улыбался.

– Предполагаю, ты повстречалась с агентом Хадией.

– Мы встретились ночью, – ответила Фатима.

– Она заявила в поместье Уортингтона? Впечатляет.

Можно и так сказать.

– Не думаю, что мы сработаемся.

– О? – Амир рассеянно исследовал стеллаж. Он доставал книги с полок, открывал и тряс их. Фатима собралась с духом. Директор славился умением сбивать людей с толку.

– Я прекрасно справлялась с работой специального следователя без напарницы. Мои результаты говорят сами за себя. Поэтому я не понимаю, зачем она нужна мне сейчас. Я знаю, что министерство поощряет агентов работать в паре. Некоторым людям это подходит, но не всем. Мне кажется, агент Хадия заслуживает достойного наставника, и я не уверена, что смогу выполнять эту роль. – Вот. Коротко и по существу.

Амир не стал отвечать сразу, вытряхивая последнюю книгу. С недовольным хмыканьем он вернулся к столу и устроился в потрепанном кресле. Он был долговязым мужчиной, и когда он устремил на нее свои полужакрытые глаза, ей показалась, что над ней навис гриф.

– Спроси, сколько людей, прямо здесь, в Каире, болеют от сахара в крови, – сказал он.

– Я не... – моргнула Фатима.

– Нет, давай. Спроси меня.

– Сколько людей в Каире болеют от сахара в крови?

– Йа Аллах! Понятия не имею! У меня ужасная память на цифры!

– Вы только что *приказали* вас спросить.

– А знаешь, кто хорошо ладит с цифрами? – продолжал он. – Моя жена. Статистик в Министерстве здравоохранения. Составила отчет о болезни от сахара в крови и о том, что в Каире настоящая эпидемия. Согласно ее вероятностной модели я могу болеть от сахара в крови и даже не знать об этом.

Он подался вперед.

– Так вот, знаешь, что она сделала? Она выбросила все сладости в нашем доме. Дошло до того, что я начал прятать сладкое в тайниках. На последний мавлид³¹ я купил несколько леденцовых лошадок и оставил их в кабинете. Я посчитал, что она будет следить за кунжутными конфетами или малбаном – не за детскими конфетками. Но выяснилось, что она отыскала даже их, так что теперь мне даже нечего погрызть.

Фатима устала на начальника. Он это сделал. Он совершенно сбил ее с толку.

– Раздражает? Конечно. Взрослый мужчина должен есть столько сладостей, сколько ему заблагорассудится! – Он вздохнул, и его лицо расслабилось. – Но моя жена делает это для моего же блага. Как я могу на нее сердиться? Ты понимаешь, о чем я говорю?

Фатима покачала головой. Кто бы его вообще понял?

– Тебе назначили напарницу ради твоего же блага, агент, – рявкнул Амир. – Независимо от того, считаешь ты, что она тебе нужна или нет. Ты достойно поработала. Но твои дела все опаснее. Гули. Джинны. То жуткое происшествие с ангелом. Для одинокого следователя это небезопасно. Министерство хочет, чтобы агенты работали в паре и прикрывали друг другу спину.

– Но, директор, – запротестовала Фатима, – я часто работаю с каирской полицией. Они...

– Этого недостаточно, – покачал головой Амир. – Ты же не все время с полицией работаешь. И они не министерство. Слушай, я редко на тебя давлю. – Он указал на ее костюм. – Я хоть слово сказал о вопиющем несоблюдении министерской формы?

– Как минимум раз в месяц!

– Правда? – нахмурился он. – Ну, непохоже, что ты обращаешь на меня внимание, но на этот раз тебе придется. Приказ пришел с самого верха. Комиссия министерства хочет видеть агента Хадию здесь, в Каире. И они хотят, чтобы она была с тобой.

Комиссия? Фатима была сбита с толку. Вмешались высшие чины?

– Почему? Что в этом такого важного?

Амир наклонился ниже.

– Сколько у нас женщин-агентов? Я могу пересчитать на пальцах одной руки. Агент Самия в Александрии. Агент Наваль в Луксоре. Потом ты. И ты куда моложе, чем они. Агент Хадия – первая женщина, которую мы завербовали после тебя. Несколько месяцев назад женщины получили право голоса. Возможно, мы скоро увидим женщин в парламенте. Ходят слухи о женщинах, вступающих в полицию. Министерству нельзя отставать! Во всяком случае, не с этим Египетским феминистским сестринством, которое за всеми следит, а потом пишет в газеты!

³¹ Празднование дня рождения пророка Мухаммеда.

Так вот в чем дело. Фатима предлагала новые подходы набора женщин *годы* назад, и ее почти всегда игнорировали. Теперь министерство играло в догонялки. А она с Хадией превратилась в своего рода пиар-кампанию.

– Честно говоря, я удивлен. Мне казалось, ты обрадуешься, если среди нас будет больше женщин. Ты знаешь, я всегда тебя поддерживал. Ты знаешь, что я подписался на La Modernite с самого его появления?

Фатима молча застонала. La Modernite был египетским журналом, в котором появлялись знаменитые мыслители, среди них женщины, ставшие ранними феминистками. Амир любил напоминать ей о своем более либеральном прошлом – постоянно.

– Если министерство хочет нанять больше женщин, – сказала Фатима, – значит, оно должно работать над наймом большего количества женщин. Чем больше, тем лучше. Но это не означает, что я хочу напарницу.

Амир пожал плечами и откинулся на спинку кресла.

– А я что угодно готов сейчас отдать за конфету. Мы не всегда получаем, что хотим, так ведь?

К тому времени, когда Фатима вернулась в офис, Онси уже ушел. Хадия продолжала стоять, нервно дергая за темно-синий хиджаб, в ее глазах мерцала надежда. Фатима закрыла дверь, повесила котелок на настенный крючок и упала в кресло за своим столом.

– Можете сесть, агент Хадия.

– Это не я предложила поставить здесь стол, – сказала она, присаживаясь.

– Я знаю. Думаю, Амир пытался донести свое решение.

Вышвырнуть ее? Мужики и их сплетни! Они на седьмом небе будут, если единственные две женщины в бюро устроят галдеж. Но, с другой стороны, Фатима пыталась добиться ее пере-назначения. Но это не то же самое. Так ведь? Она пристально посмотрела на Хадия, вспоминая собственное назначение в этот офис. Как бы она себя почувствовала, если бы ей отказала единственная женщина-агент? Ее лицо покраснело, и она снова услышала голос мамы, которая бранила смущенную девочку, упавшую лицом в землю.

Фатима откашлялась:

– Агент Хадия. Возможно, я неверно высказалась прошлой ночью. У меня никогда не было напарницы. – Слово прозвучало странно. – Так что это будет новым опытом для нас обеих. Но, думаю, мы сумеем разобраться.

– Спасибо! – ахнула Хадия. – То есть это чудесно! То есть я вне себя от радости...

Фатима подняла руку.

– Понадобится время. Так что давайте пока не будем торопиться, хорошо?

Хадия оборвала свои восклицания и серьезно кивнула.

– Не торопиться. Я могу не торопиться.

Ну, во всяком случае, это начало. Ее глаза опустились на стол Хадии, к печатной машинке среди стопок папок. Проследив за взглядом, новоявленная напарница схватила документ и подошла к ней.

– Я начала печатать отчет по делу. Мне показалось, вы захотите немедленно им заняться. К тому же мне нравится работать с документацией. Надеюсь, я не превысила полномочия?

Фатима взяла лист бумаги. Она *любит* работать с документами? Это шутка? У всех свои хобби, наверное. Может, у этой истории с напарницей есть свои преимущества. Она вспомнила, как Асим посылал новичков за кофе. Нет, это будет слишком. Она пробежалась по документу.

– Совсем не превысили. Откуда вы все это взяли?

– Полиция. Три раза пришлось звонить, чтобы получить информацию с курьером-авто-евнухом.

Фатима ухмыльнулась. Три раза? О, Асим будет в восторге.

– Я просмотрела их находки, – продолжала Хадия. – Полиция опознала большинство жертв из списка гостей, найденного у лорда Уортингтона. Во всяком случае, фамилии.

Фатима всмотрелась в список... Далтон, Темплтон, Портендорф, Бернли. Английские фамилии.

– Личности двух тел не установлены.

– Женщина и мужчина в шкуре, – предположила Фатима.

Хадия кивнула:

– Судя по их одежде, могу поспорить, что они не англичане.

– И выиграете. Придвиньте стул, агент Хадия. Я расскажу, почему задержалась утром.

Следующие двадцать минут Фатима рассказывала о том, что обнаружила: личности безымянных мужчины и женщины; Братство аль-Джахиза; и догадку джанн по поводу таинственного огня. Когда она закончила, Хадия охнула.

– Ифрит, – выдохнула она. – И Аллах создал джиннов из огня, свободного от дыма.

Фатима была знакома с аятом, одним из многих, где упоминались джинны.

– Вы все это за одно утро узнали? От информантов среди идоло... – Хадия замерла, ее щеки покраснели. – То есть приверженцев старой религии?

Фатима не называла имен. Мериру. Точно не Сити. Но она назвала источник.

– Я работала с ними раньше. Странный народ, но доверять им можно. Они точно не сжигают людей. – Хадия покраснела еще сильнее.

– Но ничто из этого не раскрывает дела, – продолжала Фатима. – Чего братство хотело от ифрита? Огонь не убил нашего приятеля с вывернутой головой, так кто, или что, это сделал? И еще остается человек в золотой маске.

Хадия записывала в блокнот.

– Такое ощущение, что у нас еще больше вопросов.

– Оно будет сохраняться до самого конца. Во всяком случае, у нас есть зацепки. – Глаза Фатимы вернулись к стопке папок. – Давайте посмотрим, что еще нам прислал Асим. – Хадия встала, поворачиваясь, чтобы передать документы. – И, агент, – окликнула Фатима, закатывая рукава, – добро пожаловать в министерство.

Хадия просияла.

Глава седьмая

Когда Фатима добралась до улицы Мухаммеда Али, было уже пол-одиннадцатого вечера. Один из самых живых районов Каира наполняли обрывки музыки, а клиенты ныряли в заведения с кричащими вывесками. Электрический уд³² переливался зелеными алхимическими лампами, а над другим заведением сиял красный силуэт танцовщицы кабаре. Желанная передышка после сегодняшнего дня.

Им понадобились несколько часов, чтобы перебрать все документы на лорда Уортингтона: его бизнес, персонал, финансовые транзакции. Компания Уортингтона выросла из торговли и строительных контрактов – поскольку даже в мире магии и джиннов вам нужны обыденные вещи, вроде инвесторов и капитала. А когда убивают богатых людей, следовательно практически неизбежно возвращается к их капиталу. Но они остались с пустыми руками. К вечеру Фатима решила закругляться и отправила Хадию домой. Оставалось только ждать, что люди Асима нароют к понедельнику. Все это подпортило ей настроение, и Фатима еще сильнее ждала ночи.

Она свернула с бульвара на одну из темных улочек. Здесь их было меньше, чем в Хане, но все-таки заблудиться несложно. Фатима прошла под аркой у плохо освещенного скверика и спустилась по ступенькам к почти невидимой двери. Затем постучала тростью в определенном порядке: три быстрых стука, два медленных, три быстрых. В верхней части двери открылось окошко, в нем показались глаза с изменчивыми пурпурными зрачками.

– Потерялась?

– Ищу жасминовый чай, – ответила она.

– Сколько сахара?

– Совсем чуть-чуть.

Окошко захлопнулось, и в двери появился здоровенный джинн в черном фраке. Он взмахнул рукой, блеснули пурпурные зрачки:

– Добро пожаловать в «Жасмин».

Фатима прошла внутрь, и ее захлестнуло маленьким штормом какофонии музыки и кутежа.

«Жасмин» не указывался ни в одном путеводителе. За его стенами никто даже этого названия не произносил. Все называли его «Пятачок».

Посетители общались или смеялись, пока автоевнухи в смокингах и красных фесках убирали со столов пустые бокалы. В «Пятачке» выпивка лилась рекой. В основном пиво, любимый египетский алкоголь. Но пили и вино, и новомодное шипучее шампанское с зачарованными эликсирами, которое, вполне буквально, поднимало тебя над землей.

Но никто не приходил сюда только за алкоголем. Его можно без труда добыть где угодно в Каире, даже иностранные марки. Уникальным «Жасмин» делала его клиентура. За одним столиком две женщины в парижских платьях курили тонкие сигареты в длинных черепаховых мундштуках – светские львицы решили спуститься на дно. Между ними сидел высокий молочно-белый джинн с неестественно красивым лицом, он затягивался кальяном и выдыхал вращающиеся серебряные кольца. На площадке с грацией танцоров кабаре кружились юноши с манерами уличных бандитов – в паре с аристократичного вида женщинами, которых они никогда бы не встретили в другом месте, ни днем ни ночью. Часть мужчин танцевали друг с другом. Все окружение двигалось под завораживающую музыку с приподнятой сцены.

³² Арабская лютня.

Пробираясь сквозь толпу, Фатима профланировала до бара. Напитки разливал невысокий джинн-бармен с шестью руками. Она поймала стакан, проехавший по стойке, и подняла его, чтобы сделать небольшой глоток.

– У тебя такое лицо, будто что-то серьезное пьешь, – прокомментировал кто-то на английском, – хотя это всего лишь сарсапарель!³³ – Она повернулась и увидела немолодого мужчину в коричневом костюме, который сидел через несколько стульев.

– Сарсапарель с мятой и чаем, – поправила она. – Попробуй как-нибудь.

Мужчина фыркнул:

– Я люблю, чтоб выпивка была *выпивкой!* – Его коричневое лицо расплылось в улыбке. –

Как дела, Фатима?

– Нормально, Бенни. Давно не виделись, – улыбнулась она в ответ.

– А будто только что! – Он пересел ближе, положив рядом корнет.

Бенни был родом из Америки, как большинство музыкантов в «Жасмине», – из места под названием Новый Орлеан. Люди стекались в Каир отовсюду. Кто-то искал работу или хотел увидеть механические чудеса и джиннов. Бенни и другие люди сбежали от Джима Кроу³⁴. Они привезли с собой надежды, мечты и фантастическую музыку.

– Ты сегодня играешь? – спросила Фатима.

– Каждую ночь.

Их внимание привлекла труба на сцене. Мужчина играл, откинувшись назад, движения его пальцев сливались в пятно, заставляя инструмент издавать пронзительные стоны и вскрики, словно любовники поздней ночью или ссора ранним утром. Позади него группа присоединилась к тираде в многообразной гармонии кларнетов и тромбонов.

У Бенни не было названия тому, что они делали. Он говорил, что это новоорлеанский звук. Но он утверждал, что однажды эта музыка станет самой крутой во всем мире. Фатима охотно верила. Когда она впервые услышала эту гипнотическую, прекрасную музыку, ее словно накрыло волной. Синкопированные ритмы и мелодии поднимались по спине, заставляли двигаться, жить, быть свободной.

– Банки умеет дудеть!

Фатима повернулась и заметила, что вокруг нее расселись другие люди. Щекастого мужчину в голубом костюме звали Альфредом, по кличке Лягух – он играл на тромбоне. Коротышку с тонкими губами и в красной феске, сжимающего футляр с кларнетом, – Бигсом. Худой парень в золотом костюме и шляпе в цвет, который произнес последнюю фразу, играл на пианино. Она не была уверена насчет его настоящего имени, поскольку он отзывался только на Манса Муса³⁵.

– Да, есть такое, – кивнул Бенни. – Но слышал и лучше.

– И кого именно?! – вскричал Манса Муса.

– Я трех назвать могу. Но достаточно и одного.

– А ну давай.

– Бадди Болден³⁶.

Манса Муса застонал:

– Почему каждый раз, как мы говорим о музыке, ты вспоминаешь Бадди Болдена?

– Если бы ты хоть раз его услышал, – квакнул Альфред, – ты бы не спрашивал.

Все остальные закивали.

³³ Корневое пиво на основе смилакса.

³⁴ Законы Джима Кроу – неофициальное название законов о расовой сегрегации в некоторых штатах США с 1890 по 1964 год.

³⁵ Правитель средневекового государства Мали, в регионе Западного Судана.

³⁶ Легендарный новоорлеанский джазмен, один из основоположников джаза.

– Помню, видел раз, как играет Бадди, – продолжил Бенни. – Вот, что я тебе скажу, Фатима, – это было нечто. Он играл так громко, что его труба сдула весь первый ряд. Нет, говорю тебе, это правда! Люди кубарем катились! Одна женщина, она вообще прям из зала выкатилась! Продолжала катиться всю субботнюю ночь, и никто ее найти не мог, пока она не докатилась до церкви воскресным утром!

Манса Муса вскинул руки, и группа взорвалась смехом. Фатима улыбнулась.

– Ну, Бадди больше нет, – вставил Альфред. – Оставили его, Джима Кроу и старый Новый Орлеан позади. – Он поднял стакан. – За Короля Болдена. Им не отнять твою магию.

Остальные подняли стаканы, поддерживая тост. Когда аль-Джахиз вернул в мир волшебство, это произошло не только в Египте. Оно появилось повсюду. Во всем мире. В Америке возвращение магии встретили гонениями. Бенни и остальные до сих пор шептались с широко распахнутыми глазами о чарошее по имени Роберт Чарльз³⁷, который чуть не поставил Новый Орлеан на колени. Они утверждали, что Бадди Болден своей музыкой творил волшебство иного рода, и дорого заплатил за этот дар.

– Иногда я скучаю по дому, – вздохнул Альфред. – Но точно не по Джиму Кроу.

– Аминь! – добавил Бенни. – В Каире нет Джима Кроу!

Хор «Да, это точно!» поддержал его со всех сторон.

– Не знаю как-чего, – вмешался Манса Муса, взбалтывая содержимое стакана. – Ко мне ничего относится, потому как я не отсюда. А вот другим ребятам, черным, как мы, повезло меньше. Видал, как их выставляли из разных мест, и не раз. Даже плевали на них. Пощечины давали на улицах. И кто живет в трущобах? Бу-ку³⁸ лица, как у нас. Все, как дома.

Фатима не могла отрицать его слов. У Египта хватало своих проблем. То, что аль-Джахиз был суданцем, немного улучшило ситуацию. Предпринимались даже попытки принять закон против дискриминации. Но укоренившиеся предрассудки трудно побороть.

– Фигня, – проворчал Бенни. – Дома Фатима бы катала с Джимом Кроу. Половина здесь не пройдет тест с бумажным пакетом.

– Многие даже за окторона³⁹ не сойдут, – сказал Альфред. – Черт, даже за кватерона.

– Но они этого не знают, – хмыкнул Манса Муса.

– Некоторые октороны и кватероны тоже не знают, – съязвил Бенни.

Снова раздался смех, а Фатима зачарованно слушала их разговор. Она многое от них почерпнула для своего английского. Даже выучила ритм их речи и словоизменения. Но просторечия от нее иногда ускользали. Что за штука такая – окторон?

– Вот почему я наряжаюсь, куда бы ни шел, – поделился Манса Муса. – Люди к тебе относятся как надо, если ты в костюмчике. Как оно, Фат? Четкий прикид сегодня!

Фатима, как обычно, щелкнула по котелку. Она выбрала яркий винный цвет с парчовой жилеткой. Темно-оливковый галстук держал на месте зажим с серебряным шариком поверх полосатой рубашки с воротником-стойкой. Он был прав. Люди действительно относятся к тебе иначе, когда ты в costume.

– Все в курсе, что это я научил Фатиму одеваться? – спросил Манса Муса.

– Но у тебя все костюмы золотые. – Фатима смотрела на него без выражения.

Бенни залился лающим смехом, вслед за ним затряс щеками Альфред, хлопая по стойке.

– Вам, ребят, – оскорбился Манса Муса, – надо следить, как вы говорите с королем! – Он взял псевдоним после того, как услышал о малийском императоре, который ехал на хадж через Египет, рассыпая вокруг столько золота, что хватило бы обрушить местные рынки – во

³⁷ В нашем мире прославился тем, что при попытке незаконного задержания застрелил насмерть четырех полицейских, двух гражданских и ранил еще двадцать человек. Из-за него в Новом Орлеане были массовые расовые волнения, инициированные группой белых линчевателей.

³⁸ Воо-соо – сленг, от *франц.* beaucoup: много, большое количество.

³⁹ Одна восьмая негритянской крови.

всяком случае, так утверждали истории. Свои номера Манса заканчивал душем фальшивых золотых монет, которые люди разбирали как сокровище.

– Ого! – воскликнул Бенни, глядя в зал. – А вот и беда нагринула!

Фатима проследила его взгляд до высокой фигуры у входа. Сити. И Бенни был прав. Она выглядела настоящей бедой – в длинном красном вечернем платье с кружевами и шифоном, ниспадавшим до ног. Под газовым верхом был лиф с сеткой бисера, поблескивающей в приглушенном свете, талию охватывал такой же бисерный пояс.

Взгляд нубийки наткнулся на Фатиму, и она отправилась в медленное дефиле, сопровождаемая восхищенными взглядами. Ее встретил хор приветствий. Бенни с друзьями относился к Фатиме как к своей, но Сити совсем другое дело – женщина, которую следует осыпать комплиментами и обмениваться колкостями. Когда утих шум, она скользнула на стул перед Фатимой и протянула руку, чтобы подергать ее за галстук.

– Забавно тебя здесь встретить.

Фатима бросила взгляд на золотую диадему, угнездившуюся в коротком парике, который сегодня надела Сити, – на ней была выгравирована львица.

– Выглядишь...

– Как пламенный гнев богини, воплотившийся на Земле?

– Я собиралась сказать «прекрасно».

– Сойдет и так. – Она поймала напиток, запущенный барменом, и опустошила стакан одним глотком. Переверла взгляд на стакан Фатимы. – Сарсапарель? С мятой?

– И чаем.

– Мы здесь, чтобы отрываться, – цыкнула Сити. – Нарушать правила.

– Я уже практически преступница.

– Не пойми неправильно, но эти твои ясные карие глазоньки выглядят усталыми. Длинный день в службе «Охотников за жутью»?

«Охотников за жутью?»

– Знаешь, как скучно изучать финансовые отчеты транснационального бизнеса с десятками дочерних компаний?

– Нет. И не хочу знать. Никогда.

– Даже вместе с Хадией это заняло несколько часов.

– Хадией?

– Моя новая... напарница. – Слово по-прежнему звучало странно.

– Напарница? – Глаза Сити вспыхнули. – Новая леди в команде «Охотников за жутью»?

Симпатичная, как ты? С фетишем на костюмы и язычников? Чего ж ты ее не привела?

Фатима попыталась представить Хадия в «Пятачке» и не преуспела.

– Мне кажется, она нарушает даже меньше правил, чем я. Вся такая светлая и энергичная. Мне пришлось силком ее из офиса выставлять. Зато любит печатать отчеты.

– Агент Фатима и энергичная леди-напарница. Дождаться не могу нашей встречи.

Фатима замерла посреди глотка. Встречи? Сити рассмеялась, прикрывая рот.

– Расслабься. Но тебе придется сообразить, как ей объяснить, что она постоянно натывается на меня в твоей компании. Я довольно запоминающаяся девушка.

– Значит, ты собираешься еще долго здесь оставаться?

Сити ответила, прикончив еще один стакан, что ответом вовсе не являлось.

Воздух обожгло внезапным грохотом барабанов, к которым присоединились удары ладоней по дарбукам⁴⁰. Для того чтобы новоорлеанская музыка смешалась с местной, много времени не понадобилось, – словно родня воссоединилась. Получился яркий стиль, бьющийся

⁴⁰ Дарбука – арабский барабан.

вместе с сердцем Каира, выплескивающийся из подпольных притонов на улицы города. Звуки взбудоражили ринувшуюся на танцплощадку толпу.

К девушкам придвинулся Манса Муса, предлагая нубийке руку:

– Король проводит тебя стильно.

– Боюсь, этот танец зарезервирован. Йа Алла! – ответил она, обнимая Фатиму.

Фатима поднялась, беспомощно пожала плечами и щелкнула по котелку в качестве извинения Мусе. Он рассмеялся и щелкнул по золотой шляпе в ответ. Подруги ступили на площадку как раз, когда зазвучала труба. Сити повернулась, а Фатима сделала шаг вперед, ловя ее за талию, притягивая к себе и отыскивая общий ритм. Пара обменялась понимающими улыбками, позволяя движениям говорить за себя. Фатима считала, что если это не магия, то магии и вовсе не существует.

* * *

Несколькими часами позже они брели по переулкам рядом с улицей Мухаммеда Али. Фатима постукивала на каждом шагу тростью, под руку с приплясывающей Сити, словно в голове у той продолжали играть трубы и барабаны. Они или алкоголь.

– Куда теперь? – невнятно спросила она.

– Я думаю, – посмотрела на нее Фатима, – что для твоей семьи ты сейчас будешь немного слишком.

– Я сплю в комнате тетушки Азизы. Она мало что замечает.

– Я в этом не уверена. Давай лучше ко мне.

– Будто я собиралась куда-то еще, – подмигнула Сити.

– Но тебе придется воспользоваться парадной дверью. Не люблю забираться в окна.

– Собираешься познакомить меня с тем пронырливым бавабом? Он *всегда* у дверей.

Махмуд *всегда* оказывался у дверей.

– Пусть думает, что хочет. Я плачу за аренду.

– Нам не обязательно прямо сейчас идти, – хихикнула Сити. – Я все еще в платье под этой штучкой. – Она указала на свой темный кафтан.

Фатима с сомнением прищурилась. Она и раньше с трудом переживала ночные гулянки с Сити.

– Как насчет пойти домой? Я заварю чаю, мы поболтаем. Сегодня пятница. Можешь остаться ночевать.

– Да ты романтик. – Сити поцеловала ее в ухо. – Может, еще стихами меня соблазнить собираешься?

– Ты любишь стихи? – подняла бровь Фатима.

– Только старенькие. Могу наизусть прочитывать Маджнуна⁴¹.

– Впечатляет. Любишь персидские истории о любви?

– Нет ничего круче трагической и неразделенной любви. Еще немного из Антара⁴² помню.

– Это объясняет слова твоей тети. Она полагает, что я должна читать тебе стихи.

– Тебе это тетушка Азиза сказала?

– Айва. Сказала, я так могу завоевать твое сердце.

– Коварная старушка, – пробормотала Сити.

⁴¹ «Лейли и Маджнун» – трагическая история любви, очень популярная на Востоке. Стихи по ее мотивам писали многие поэты, но самые знаменитые создал Низами Генджеви в XII веке.

⁴² Антара ибн Шаддад – доисламский воин и поэт.

– Она говорит, что ты слишком похожа на отца. И что поэтому ты так любишь бродяжничать. – От наступившей тишины Фатиме немедленно захотелось забрать свои слова назад.

– Ну, – сказала Сити после долгой паузы, расслабляя руки. – Тетушка любит поговорить.

– Извини. – Про себя Фатима проклинала свой болтливый рот. – Мне не стоило...

Сити махнула рукой, будто отменяя извинения – или отсутствующего отца.

– Думаю, немного чая и сплетен вполне сгодятся. – Она постучала пальцем под глазом. –

Но он тоже с нами идет?

– Что?

Фатима повернулась было назад, но Сити прищелкнула языком:

– Ну не так же явно!

Она ограничилась тем, что скосила глаза, поймав темную фигуру боковым зрением. За ними следили.

– Сколько он за нами идет? – прошипела Фатима.

– Не уверена. Скорее всего, от самого «Пятачка».

Фатима обвела улицу взглядом. В этих переулках таилось много теней.

– Мы ведь тоже так встретились.

– Ты меня обокрала, чтобы привлечь внимание. Потому что ты со странностями. Он, скорее всего, вор.

– Или маньяк-убийца. Который охотится на девушек в ночном городе!

– Не повезло ему.

– Не повезло, – почти прорычала Сити.

Парочка завернула за угол, проходя мимо заостренной арки и вниз по ступеням, ведущим в тени. Затем они разошлись, занимая позиции по разным сторонам. Фатима зажала набалдашник трости, обнажая меч на несколько дюймов. Люди всегда предпочитали болезненный путь, чтобы выяснить, что трость у нее не только для украшения. Сити стояла, подавшись вперед, оскалив зубы и в полной готовности наброситься.

В тишине раздались шаги их преследователя. Он заколебался, прежде чем спуститься по лестнице и войти в тени. Фигура в темном плаще и капюшоне проплывала прямо между ними.

«Дилетант», – подумала Фатима. Она выждала, пока он пройдет чуть дальше, затем вытащила меч, позволяя звуку обнажаемой стали разнестись по переулку. Он развернулся как раз вовремя, чтобы плоскость клинка опустилась на его колени. Раздался вой боли, и ноги преследователя подогнулись. Голос оборвался, когда Сити бросилась на неизвестного, отбрасывая его назад со звучным ударом. Она прижимала его грудь коленом, пока он пытался вдохнуть.

– Не тех женщин выбрал для охоты? Ты маньяк или кто ты такой? Говори!

Мужчина извивался, бился в своем плаще и булькал.

– Не думаю, что он сможет заговорить, если ты будешь так его зажимать, – заметила Фатима.

– Его проблема. Не моя. – Она сильнее нажала коленом, и мужчина вскрикнул.

Фатима нагнулась, отбрасывая капюшон.

– Слушай, друг, ты бы лучше... – Она остановилась, увидев его лицо. Лысый, кожа бледно-серого цвета. И без бровей.

– Ахмад? – спросила Сити, поднимая колено.

Он охнул, а затем слабо пролепетал:

– Можете меня называть лордом Собеком. Гневным. Защ...

– Ахмад!

– Да? – Он вздрогнул, облизывая розовым языком слишком острые зубы.

– Что ты здесь делаешь, Ахмад? – Сити прыгнула и недоуменно пожала плечами.

Станный мужчина поднялся на ноги. Его темно-зеленые глаза уставились на Фатиму.

– Я искал вас. Видел, как вы зашли в то место. Потом Сити. Подумал, когда-нибудь вы да выйдете.

– Вы за мной следили? Давно? – нахмурилась Фатима.

– От вашей квартиры. – Он отступил, когда она сделала шаг вперед. – У меня была хорошая причина!

– Чтобы меня преследовать?

– Я хотел видеть, как вы расследуете дело! – Фатима сделала паузу, которой он воспользовался, чтобы продолжать говорить. – Я думал, что министерство будет работать днем и ночью, чтобы поймать убийцу Эстер. Вместо этого вы развлекаетесь, будто ее смерть ничего не значит!

– Не нужно мне говорить, как выполнять свою работу. – Фатима была захвачена врасплох. – У меня тоже есть своя жизнь.

– Есть жизнь? – На месте, где должны были находиться брови, поднялась кожа. – Сегодня я ходил в полицию, чтобы опознать Эстер. Чтобы ее семья могла узнать. – Его лицо исказилось. – Тело настолько обгорело, я даже лица ее не смог увидеть. Я не смог...

Гнев Фатимы ослабел. У него не было права за ней следить. Но она понимала горе.

– Ахмад, – мягко сказала Сити. – Мне жаль, что тебе приходится через это проходить. Но то, что ты крадешься за нами во тьме, тебе ничем не поможет. Почему ты просто не пришел к Фатиме и не поговорил?

– Ждал подходящего случая. – Он пожал плечами. – Не хотелось выглядеть... жутким.

– Этот корабль уже ушел, Ахмад! – вздохнула Сити.

– Министерство делает все, что в его силах, – сказала ему Фатима. – Мы расследуем каждую зацепку.

– Мне кажется, одну я вам нашел. Зацепку. – Темные глаза Ахмада вспыхнули. Он встретил их озадаченные взгляды. – Я проведу. Вам стоит самим увидеть.

* * *

Фатима украдкой бросала взгляды на сидящего напротив в автоматической карете Ахмада. Мужчина достал серебряную зажигалку-скарабея, чтобы закурить третью сигарету «Нефертари», пуская дым в окно. Он еще больше походил на крокодила: словно его лицо удлинилось.

– Разве его нос утром не был короче? – прошептала она.

Расположившаяся рядом Сити присмотрелась. Ее голос стал четче, и она казалась трезвей и более собранной.

– Он давно уже такой. Что бы ни происходило, похоже, процесс ускорился.

– Что это за магия? – спросила Фатима.

– Понятия не имею. Не мой храм.

– Похоже на какую-то метаморфозу. Ты, надеюсь, ничем таким не увлекаешься?

– Не переживай. Хатор не превратит меня в золотую корову, если ты об этом.

– А Сехмет?

– Не могу же я раскрыть все свои секреты, – сверкнула львиной улыбкой Сити. – Но Леди всегда рядом.

Фатима попыталась представить свирепую богиню внутри женщины, выглядывающую сквозь ее глаза. Однако, немного поразмыслив, она решила, что это не тот образ, который ей хотелось бы вызывать в воображении. Вместо этого она вернулась к попыткам вычислить их местоположение. Где-то за пределами города. Они ехали почти полчаса, и проводник так и не поделился, куда они направляются.

– Ты правда думаешь, что это хорошая идея?

– Я думаю, что стоит хотя бы глянуть, – ответила Сити.

– Что, если ты была права поначалу? Что, если он маньяк-убийца? Он себя богом-крокодилком считает.

– Думаешь, он везет нас скормить своим крокодильным миньонам? – притворилась серьезной Сити.

– Надеюсь, ты и дальше сможешь шутить, когда нас съедят заживо.

– Собек не любит смертную плоть, – вмешался Ахмад. – Но у него прекрасный слух.

Сити расхохоталась, а слегка смущенная Фатима вернулась к окну. Карета свернула с главной дороги к старым заводским районам, где поднимались обшарпанные здания.

– Здесь выходим, – сказал Ахмад, отбрасывая сигаретный бычок.

Фатима поморщилась, когда они ступили на грязную дорогу и ее коньячные туфли присыпало пылью. Они приехали в старый заводской район Каира, построенный после появления джиннов. Люди хлынули из деревень в надежде на хороший заработок в большом городе. Со временем заводы закрылись – переехали в новые производственные узлы, вроде Хелуана или Гелиополиса. Но многие люди остались, заполонив трущобы вокруг гниющих останков индустрии.

– Сюда. – Ахмад шел впереди. Они последовали за ним, спотыкаясь на покрытой рытвинами земле. То, что здесь считалось домами, едва можно было посчитать лачугами: халабуды из кирпича, известняка, даже глины. В некоторых из них горел слабый огонь, а временами лампы люминесцентного алхимического газа.

– Легко забыть, что такие места существуют, – пробормотала Сити, рассматривая старуху с ведрами.

– У прогресса свои недостатки, – добавила Фатима, когда мимо пробежало несколько взбудораженных юнцов.

– Что все эти люди делают в такое-то время?

Фатима думала о том же. В подобных местах активность не прекращалась никогда, у них были даже собственные поздние развлечения. Но эти люди слонялись вокруг, как посреди дня. Она присмотрелась внимательнее. Не слонялись. Большинство двигалось в том же направлении, куда шли они, к огромному старому заводу, построенному в центре трущоб.

Фатима догнала Ахмада:

– Куда вы нас ведете?

В ответ он остановил прохожего: мальчика не больше двенадцати лет в галабее не по размеру. Тот сморщил курносый нос и открыл было рот, чтобы запротестовать, но замер, когда увидел лицо Ахмада.

– Немного твоего времени, – прохрипел мужчина. – И кое-что за беспокойство.

Глаза мальчишки расширились, а пальцы быстро выхватили монету из ладони Ахмада.

– Храни вас Аллах, паша. То есть джинн.

Фатима ухмыльнулась. Понятная ошибка.

– Расскажи леди, куда идешь, – сказал Ахмад.

– Чтобы увидеть человека в черном! – выпалил мальчик. – Человека в золотой маске!

Фатима уставилась на Ахмада, потом на мальчика.

– Что за человек в золотой маске?

– Говорят, называть его имя к беде! – отпрянул пацан. – Но он творит чудеса! Валлахи, я их своими глазами видел!

Фатима хотела еще надавить, но Ахмад отпустил парня, который тут же сбежал.

– Что происходит? – потребовала ответа она.

– Когда вы рассказали о загадочном мужчине в поместье Уортингтона, я вспомнил о слухах. О разговорах о человеке в черном, который посещает подобные места.

– И вам не пришло в голову поделиться?

– Я хотел удостовериться. Я до сегодняшнего дня считал это уличной байкой.

– Ничего такого не слышала, – с сомнением протянула Сити.

– Ты была в разъездах. И храм Хатор посещают состоятельные прихожане, в то время как верующие Собека живут среди тех, кому повезло меньше.

– У нас вовсе не состоятельные... – начала спорить Сити, но Фатима ее оборвала. Неподходящее время. Кроме того, они добрались до старого завода. От здания мало что осталось, кроме разваливающегося остова, у него не хватало крыши и двух стен. В открывшемся пространстве десятки людей собирались в толпу. Фатима проводила их восторженные взгляды до верхней части стены, откуда вещала фигура.

Фатима была ошеломлена.

Он оказался именно таким, как описывала Абигейл Уортингтон – высоким и закутанным в черную мантию. Он был не один. Справа стоял мужчина в черной рубаше и бриджах. Он оставался неподвижным, а слова высокого человека отдавались эхом в ночи.

– ...Я узнал, что мои люди потеряны, – громыхал он. – Каир превратился в центр упадка, где копят богатства, в то время как многие брошены в нужде. Где богатеи, что подает милостыню? Где врач, что лечит? Где надежда, обещанная прогрессом?

Из толпы раздались крики одобрения и просьбы продолжать. Фатима протолкалась мимо Ахмада, желая получить лучший обзор.

– Когда я пришел впервые, я жил среди таких, как вы, – продолжал мужчина. – Тех, кого отвергло общество. Теперь я вернулся, не к могущественным, но к слабым. Чтобы заполнить уши, готовые слушать! Чтобы научить тех, кто хочет учиться! Чтобы выправить то, что выросло кривым!

Еще крики одобрения. Фатима добралась до передней части толпы, вытягивая шею, чтобы лучше рассмотреть оратора. Она склонилась к пожилому мужчине сбоку от нее.

– Дядя, кто это?

– Это он! – ответил старик, не сводя глаз с высокого мужчины. – Тот, кто вернулся!

– Кто? – потребовала она. – Кто вернулся?

На этот раз старик на нее посмотрел, на бородатом лице застыло удивление от ее невежества.

– Говорят, мы не должны произносить его имени, но он Великий Учитель, Изобретатель, Хозяин Джиннов. – Он прошептал в благоговении: – Аль-Джахиз!

Фатима потрясенно уставилась на собеседника. перевела взгляд на Сити, которая тоже выглядела оторопелой.

– На улицах Каира, – хмуро кивнул Ахмад, – в забытых нами местах люди говорят, что аль-Джахиз вернулся. Таинственный человек в золотой маске. Точно, как тот, что сбежал с места, где убили братство аль-Джахиза. Как думаете, каковы шансы?

Вместо ответа Фатима снова уставилась на мужчину на стене. Тот стоял, заложив руки за спину, упиваясь восторгом толпы. Он обзирал людей, а затем посмотрел прямо туда, где была Фатима. На мгновение их взгляды встретились, и ее бросило в дрожь. Лицо мужчины скрывала золотая маска. Однако даже на таком расстоянии она видела его глаза – силу, скрытую в них. Какую-то секунду они друг друга рассматривали. Затем он поднял руку и указал вниз. Неподвижная фигура рядом с ним вскинула голову, словно ожила, – чтобы броситься со стены на землю.

Фатима ахнула. Он мог погибнуть, упав с такой высоты, – по меньшей мере четыре этажа. Или сломать половину костей в теле. Но они приземлились на полуприсед, ботинки подняли облака пыли.

Фатима моргнула. «Погоди, они?» Со стены спрыгнул один мужчина. Она была уверена. Но теперь их стало двое! Одинаковых! В тех же масках: черных и в виде человеческих лиц. Они переглянулись и бросились вперед, стройные тела двигались подобно шакалам.

– Фатима!

Предупреждение Сити достигло ее ушей, когда одна из фигур приблизилась вплотную. Фатиме едва хватило времени, чтобы поднять трость, блокируя кулак, и отскочить назад, когда тот напал снова. Раздался рык, и мимо нее пронеслась Сити, целя в атакующего. Но к драке присоединился его товарищ, отвешивая пинки, которые ей пришлось отбивать.

Фатима споткнулась, когда толпа отступила от сражающихся. Мужчина двигался быстро – невероятно быстро. Не было никакой возможности извлечь меч, он не давал ей шанса. Фатиме пришлось использовать трость, чтобы парировать его атаки. Нужно быстрее что-нибудь придумать, иначе...

Размытым пятном он преодолел ее защиту, и в бок Фатимы врезался кулак. Обжигающее копьё боли чуть не заставило ее сложиться вдвое. Но даже на это не хватило времени, поскольку ладонь нападающего ударила агента в грудь. Казалось, ее огрели камнем. Ноги следователя оторвались от земли, и она тяжело рухнула на спину. Аллах! Больно! Везде! Оглушенная, она посмотрела вверх, чтобы увидеть, как он приближается с изяществом кота, преследующего мышь. Фатима панически пыталась выхватить клинок, высвободив его как раз в тот момент, когда противник опустил с заведенным кулаком.

– Назад! Или...

Прежде чем она успела закончить, он бросился на меч. Лезвие скользнуло сквозь рубашку и кожу, погружаясь в его грудь. Он остановился, изучая оружие, которое, скорее всего, пробило легкое. Скоро он будет сплевывать кровь в свою маску. Проклятье! Она этого не хотела! Мужчина поднял взгляд и уставился на нее немигающими глазами – черное на черном, без намека на белок. Затем он двинулся вперед, пропуская меч сквозь себя. Глаза Фатимы расширились в неверии. На серебристом лезвии не было крови. Вместо этого ей показалось, что она увидела едва заметный черный туман, словно песчинки. Он толкнул себя ближе, пока их лица едва не касались – и не сводил взгляда нечеловеческих глаз.

Прозвучал резкий голос, и ее противник отпрянул. На месте, где должна была появиться рана, формировался черный туман. Фатима смотрела, как он бежит к своему близнецу, с которым сражалась Сити. Атакующие соприкоснулись – и в мгновение стали одним. В невероятном прыжке он взмыл в воздух, приземлившись на стену рядом с человеком в золотой маске. Фатима поднялась на ноги, игнорируя колющую боль в груди, прижала ладонью бок и устремила взор на оратора. Что здесь вообще происходит?

Сити, однако, размышлениям предаваться не стала.

С ревом львицы она сдернула свой парик и запустила его в стоящих наверху. Затем она сама прыгнула на стену – зацепившись чем-то острым и металлическим. Фатима узнала перчатки с серебряными когтями. Она их повсюду с собой таскает? Взрыкивая, Сити принялась взбираться, все еще в платье, но уже босиком. Не только Ахмада одарили странным волшебством. У Сити были собственные чары: магия, делающая ее быстрее, сильнее. Она в секунды преодолела треть стены, влекомая гневом и чистым упрямством. Глядя на ее подъем, Фатима снова задумалась о богине, живущей в ее подруге. Затем стена взорвалась огнем.

Когда красное, как кровь, пламя осветило ночь, Фатима отскочила назад, чувствуя жар на своей коже. Сити спрыгнула. Она должна была упасть переломанной грудой костей, но как-то умудрилась приземлиться на четвереньки – грациозной кошкой. Прежде чем кто-либо из них успел вымолвить слово, огонь потух. Обе фигуры на стене исчезли вместе с ним.

– Труссы! – прокричала Сити. – Я почти его достала!

– Ты в порядке? – Фатима заковыляла к подруге.

– Меня даже не задело. – Сити согнула пальцы с дымящимися когтями. Затем ее сердитые глаза округлились в тревоге. – Ты ранена!

Фатима крикнула от боли, когда Сити взяла ее под руку, чтобы поддержать.

– Пропустила удар в бок. Думаю, он мог, – она выдохнула, говорить было больно, – сломать ребро.

– Они сильнее, чем выглядели. – Сити обняла ее за талию, позволяя опереться. Фатима кивнула. Она вспомнила труп со свернутой шеей. *Нечеловеческая* сила.

– Не думаю, что они собирались вас ранить, – сказал Ахмад. Во время боя он отступил вместе с толпой и теперь вернулся. Жрец посмотрел на Фатиму и исправился. – Во всяком случае, не смертельно.

– А ты вообще был бесполезен! – вызверилась Сити. – Было бы очень мило хоть как-то помочь!

– Мне показалось, вы справляетесь, – совершенно по-крокодилу поморщился он. – Кроме того, я думаю, они хотели оставить послание, не более того.

– И что же это за послание? – пробрюзжала Сити.

Ахмад указал на стену. Кирпичи были обожжены, но в некоторых местах камень остался нетронутым, складываясь в текст, написанный сверху вниз.

– Ладно, – признала Сити. – Это послание.

Когда Фатима прочитала слова, она почувствовала, как сжимаются ее зубы вместе с желудком:

**УЗРИТЕ ЖЕ, Я АЛЬ-ДЖАХИЗ.
И Я ВЕРНУЛСЯ.**

Глава восьмая

В отличие от большинства государственных учреждений министерство не закрывалось по пятницам. В нем оставались дежурная бригада и штатный состав автоевнухов, управляемых разумным зданием. Когда Фатима вошла в офис вместе с Хадией, она практически не обратила внимание на пустоту или странную тишину. В своей голове она все еще переваривала прошлую ночь.

– Обычно я провожу пятницу с кузинами, – поделилась Хадия. – Но я рада, что вы позвонили.

Фатима осознала, что она не просила Хадью приходить – скорее потребовала. Это было грубо. Но это говорило о том, насколько она взвинчена. Этим утром она твердо решила отправиться на работу. Даже выбрала консервативный костюм – синий с темно-бордовым галстуком и крепкими коричневыми туфлями. Игры в денди могут подождать. Ну, помимо золотой заколки для галстука и запонок из того же набора. Не говоря о котелке и трости. Может фиолетовая рубашка в полоску считаться за дендизм?

Как бы там ни было, она собиралась подойти к делу со всей серьезностью. Трудно признать, но Ахмад оказался прав. Ей стоило отработать подозреваемого в маске. Вместо этого она отодвинула расследование на задний план, дожидаясь результатов Асима. Отчасти причиной тому была Сити – чье возвращение повлияло на нее больше, чем ей хотелось признать. Но город не стоит на месте только потому, что она решила взять выходной.

– Будьте начеку, – сказала Фатима, когда они подошли к лифту. – Лучший совет, который я могу дать агенту. – Хадия была в министерском кителе, длинных темных юбках и с сумкой, переброшенной через плечо. Хиджаб, однако, был темно-зеленого цвета. Она что, пыталась подобрать одежду в тон прошлого костюма Фатимы? – Но спасибо, что пришли. В деле появились новые зацепки.

– Само собой. Хотя мне интересно узнать, что за новые зацепки появились между вчерашним вечером и сегодняшним утром? – Двери лифта разъехались, и они вошли внутрь.

– Больше, чем вы можете предположить, – ответила Фатима. – Подвал.

Лифт начал спускаться, и она обернулась, тут же наткнувшись на полный предвкушения взгляд Хадии. Аккуратно выбирая слова, она рассказала о произошедшем ночью – разумеется, исключая Сити и называя Ахмада «информатором». Пока Фатима говорила, она позволила руке прижаться к ребрам. Сити дотащила ее домой, перевязала рану, а затем свернулась вокруг нее на кровати, напевая песню, погрузившую ее в глубокий сон. Когда она проснулась, нубийка, разумеется, уже исчезла. Как и боль. Осталось только слабое жжение. Странно. Может, она зря переживала и ребро не треснуло, а удар прошел вскользь. Когда она закончила, Хадия шумно выдохнула, словно это она вела рассказ.

– Ваша ночь определенно была более волнующей, чем моя. Аль-Джахиз! Вернулся!

– Останови лифт, – скомандовала Фатима, и кабина, покачиваясь, зависла. Она уперлась взглядом в Хадью и строго произнесла: – Этот человек в черном. Кем бы он ни был, он может оказаться замешан в массовом убийстве. Он может оказаться преступником. Но он *не* аль-Джахиз. Значительная часть нашей работы заключается в отшелушивании иллюзий. Не попадитесь в одну из них.

– Вы правы, – дергано кивнула Хадия. – Конечно.

Фатима приказала лифту продолжить движение.

– Но вы думаете, что здесь есть связь, – предположила Хадия. – В городе появился человек, который утверждает, что он аль-Джахиз, и оставляет огненные визитки. Члены посвященного ему братства найдены сожженными заживо.

– И некто, подходящий под описание, был замечен на месте преступления, – добавила Фатима.

– Но почему этот... самозванец... на вас напал?

Фатима над этим размышляла, но до сих пор не нашла хорошего ответа.

– Может, я выделялась.

– Что насчет ифрита? Вы его видели?

– Не совсем. Видела странно движущийся огонь, но и все.

– Зачем тогда мы едем в подвал? – Хадия выглядела сконфуженной.

– Потому что там находится библиотека.

– Точно. И мы направляемся в библиотеку, потому что?..

– Потому что там все книги. – Фатима уставилась на нее своим самым невыразительным взглядом. Двери лифта разъехались, и она вышла, оставляя Хадию с озадаченным выражением на лице, которое вскоре сменилось священным трепетом.

В министерстве размещалась одна из крупнейших библиотек города. Она занимала почти всю нижнюю часть здания – целых два этажа книг и манускриптов, охватывающих столетия, из всех частей мира. Насколько она понимала, некоторые даже не из этого мира. Они стояли на настенных полках, почти дотягивающихся до высокого потолка – до верхних полок можно было добраться с помощью лестницы, скользящей по рельсам. Другие полки аккуратно тянулись по обеим сторонам зала. На втором уровне в центре хранились более редкие работы. В задней части помещения раскачивался туда-сюда колоссальный маятник, сделанный из железного троса с огромным золотым диском в виде солнца, покрытым геометрическими узорами. На вершине древних часов был циферблат-полумесяц со знаками зодиака вместо цифр.

– Ух ты! – разинула рот Хадия.

– Вы еще хранилище не видели, – ухмыльнулась Фатима, продолжая идти.

– Погодите? – Хадия бросилась вдогонку. – У нас есть хранилище? Что там хранится?

Фатима не ответила. Некоторые вещи новобранцам лучше узнавать самостоятельно. Она вывела их в пространство в центре этажа, где были расставлены длинные столы для чтения с подносчиками книг. Перед одним из них стоял единственный обитатель библиотеки.

Загрос служил в министерстве библиотекарем: мариид размером с носорога, если бы тот стоял на задних лапах, одетый в вышитую лилиями мантию цвета индиго с длинными рукавами – Фатима полагала, что это халат. В отличие от носорога, кожа джинна была цвета лаванды, а четыре золотых завитых рога покрывали аметистовые полоски. Но его характер мало отличался от носорогов. Загрос фанатично оберегал библиотеку и был печально знаменит тем, что запрещал агентам доступ за малейший проступок. Большинство жаловались, что он придиричивый, неприятный и легко выходит из себя. Фатима считала иначе. На самом деле джинн попросту был невероятным снобом.

В подтверждение ее мнения им понадобилось трижды позвать библиотекаря, прежде чем он соизволил опустить на посетительниц взгляд. В сонных глазах за серебряными очками застыла смесь скуки и недовольства.

– Библиотека закрыта, – лениво крикнул он. – Возвращайтесь в рабочие часы. – Загрос поднял украшенную кольцами руку с наманикюренными когтями, отмахиваясь от них, как от детей.

– Библиотека открыта по пятницам, – напомнила Фатима.

Заостренные уши джинна дернулись, и он что-то пробурчал на фарси, прежде чем вернуться к арабскому:

– Ну, похоже, ты в чем-то да разбираешься. Рад за тебя! Но я занят, так что без разницы. – Он указал на стол, где под листами спектрального стекла лежали обрывки пожелтевшего папируса. В пергаменте оставались прорехи, а еще несколько фрагментов лежали в маленьком ящике.

– Это мероитский? – спросила она, разглядывая свиток. – Второе столетие? Загрос обернулся и поджал фиолетовые губы, прежде чем медленно протянуть: – Третье. Но мероитский, да.

Фатима наклонилась вперед, делая вид, что заинтересовалась. Когда джинн был в плохом настроении, апелляция к его врожденной библиофилии могла помочь. Особым штрихом стало перепутанное столетие. Поскольку исправлять других являлось смыслом жизни подобных типов.

– Я думала, что мероитский не поддается расшифровке. Потерянный нубийский язык.

– Он продолжает оставаться непостижимым, – признал Загрос. Он указал на обрывки пергамента между закрепленными стеклами, светящимися нефритовым светом. Там, где касались его когти, символы менялись и превращались в арабские. – Мы знаем, что это означает «дверь». Это – «птица». Но что получается, если их соединить вместе?

Фатима чуть не предложила «дверь-птицу», но библиотекарь не был известен своим чувством юмора.

– Расшифровка слов не помогла нам понять *язык*, – сетовал он. – Две разные задачи, понимаешь. Я работаю над теорией, что синтаксис может блокироваться магией, специально затрудняя понимание. Весьма хитроумно.

Фатима бросила взгляд на Хадию, подталкивая ее в сторону джинна. Напарница быстро поняла, что от нее требуется:

– Где эта книга... нашлась? – спросила она.

– В гробнице Аманишакете!⁴³ – ответил Загрос с пылающими от возбуждения золотыми глазами. – Одна из знаменитых Кандакия!⁴⁴ Возможно, это поминальная песня: плач к богам или философия загробной жизни. Мы ее одолжили у Судана. Она все это время пылилась в их коллекции, пока суфии занимались всякой радикальной нумерологией в священной геометрии. Некоторым только дай почитать Маркса... – Он осекся и посмотрел на них так, словно заново увидел... – Приятно слышать, что кто-то еще интересуется алфавитно-слоговым письмом. Чем я могу сегодня помочь, агенты?

– Мы ищем работы об аль-Джахизе, – сказала Фатима.

– Их не так уж мало, – поднял бровь джинн.

– Лучшие биографии и свидетельства очевидцев.

Загрос задумчиво постучал пальцем по бивням, изгибающимся вверх изо рта. Их острия были покрыты серебром, и с них свисали крошечные колокольчики, позвякивающие от его прикосновений.

– Самые популярные исторические биографии написал Гитани. Еще есть литературные работы Махфуза и Хуссейна. Религиозные интерпретации суданских факиров... – Он повернулся, бормоча на ходу, и скрылся в глубине библиотеки.

Фатима и Хадия следовали за ним. Джинн двигался быстрее, чем можно было подумать, глядя на его габариты, и они успевали ориентироваться только по развевающейся мантии, скрывающейся за углами, и звону колокольчиков.

– Быстро он пластинку сменил, – прошептала Хадия. Она вскрикнула, с трудом поймав брошенный Загросом толстый том.

– Джинны во многом похожи на нас, – сказала Фатима и перехватила летящую в нее книгу, не сбавляя шага. – Им просто приятно знать, что их увлечения интересуют кого-то еще.

– Как моя кузина, которая коллекционирует механических птиц, – заметила Хадия. – Но зачем мы это делаем? – Она поймала вторую книгу поверх первой и удовлетворенно улыбнулась.

⁴³ Царица Куша в конце I века до н. э.

⁴⁴ Титул правящих цариц Куша.

– Как вы сказали раньше, – ответила Фатима, между делом поймав еще два тома, – в городе появился человек, утверждающий, что он аль-Джахиз. Человек, присутствовавший на месте убийства Братства, посвященного его памяти. Аль-Джахиз – та самая ниточка, что связывает эти события.

– Вы считаете, что кто бы ни притворился аль-Джахизом, его личность, скорее всего, основывается на книгах вроде этих. Братство лорда Уортингтона занималось тем же. Мы не создаем профиль аль-Джахиза, мы создаем образ того, каким его запомнили люди.

Фатима должна была признать, что новенькая хороша. Раздался еще один вскрик, когда к ним полетел новый толстый том, заставив Хадию уронить свою стопку. Но в ловле книг ей еще надо потренироваться.

Несколько часов спустя они сидели среди стопок книг, разложенных по всему столу, – единственным звуком был постоянный свист рассекаемого воздуха от маятника. Библиотекарь предоставил им больше материала, чем они могли обработать. Напарницы начали с популярных вещей, чтобы затем перейти к менее известным. Хадия не сумела уговорить Загроса, чтобы он разрешил принести печатную машинку – которую он называл раздражающим и какофоническим приспособлением – а потому делала записи ручкой. Все же у нее получилось написать несколько страниц. Добравшись до конца, Хадия остановилась, чтобы дать отдохнуть руке.

– Мне кажется, у меня свело запястье, – поморщилась она.

– Прочитайте, что мы нашли. – Фатима закрыла книгу и свои уставшие глаза.

Хадия перебирала листы, пока не отыскала начало записей.

– Аль-Джахиз. Ну, для начала, никто на самом деле не знает его имени.

На этом сошлись все книги и свидетельства. Аль-Джахиз не являлось настоящим именем, скорее псевдонимом. О самом знаменитом человеке в современной истории не знали даже такой простой вещи, как его имя.

– Неизвестно, взял он его сам или ему присвоили это прозвище, – продолжала Хадия. – В любом случае большинство писателей соглашаются, что именно это является источником споров по поводу его происхождения и школ мысли, которые появились после его исчезновения. Школа темпоралистов утверждает, что он путешественник во времени и является тем же человеком, что аль-Джахиз из Басры девятого столетия.

– Абу Усман Амр ибн Бахр аль-Кинани аль-Басри, – продекларировала Фатима.

– По прозвищу аль-Джахиз, – кивнула Хадия. – Пучеглазый. Не слишком лестно. Сегодня большинство думают, что у него был дефект роговицы. О его ранней жизни известно мало, но ему приписывают авторство двух сотен книг – если верить историям – обо всем, от зоологии до философии. Темпоралисты утверждают, что два аль-Джахиза на самом деле один человек. Однако ничто в информации о средневековом аль-Джахизе не указывает на то, что он был изобретателем. Наверное, они спутали его с аль-Джазари⁴⁵ из тринадцатого века. На эту ошибку указывали, но темпоралисты довольно упрямые, некоторые даже говорили, что сначала аль-Джахиз вернулся под именем аль-Джазари. Они даже его биографию толком не знают! Первый аль-Джахиз, скорее всего, был абиссинцем. Все соглашаются, что современный аль-Джахиз из Судана. И никто не упоминает, что он был пучеглазым. Так что причина этого прозвища остается загадкой.

– Люди умеют подбирать факты, которые подходят к их теориям, – ответила Фатима. Темпорализм пользовался популярностью среди механиков и людей, склонных к науке. Каждый несколько месяцев министерство расследовало дело, где один из них пытался построить машину времени, используя нелегализованную магию и нестабильную алхимию. Последний

⁴⁵ Абу аль-Из ибн Исмаил ибн аль-Раззаз аль-Джазари – механик-изобретатель, математик и астроном, которого называют да Винчи исламского мира.

такой изобретатель попробовал ее собрать в жилом доме. Во времени он не попутешествовал, зато сумел переместить половину своего этажа на десять кварталов – прямо на дневной трафик.

– Потом еще есть трансмиграционисты, – читала Хадия. – Школа возникла вокруг тех суфиев, которые использовали концепцию танасух⁴⁶ в спорах о метемпсихозе. Они утверждают, что современный аль-Джахиз – реинкарнация первого. Но эта теория считается еретической, ее осудили улемы и даже большинство суфиев. Основная часть ее последователей сегодня – буддисты и индуисты. В Бенгалии даже фестиваль проводится.

Еретические или нет, идеи о перерождении аль-Джахиза распространились широко, и не только среди неортодоксальных суфиев. Несмотря на то что над теорией насмеялись, называя ее деревенскими предрассудками, можно без труда найти каирцев, которые с ней соглашались.

– Существует еще около десятка теорий его происхождения. – Хадия подняла несколько листов. – Суданские суфии считают, что он глашатай Махди. Часть коптов называют его предвестником Армагеддона. Ни у кого из них нет оснований для этих утверждений.

– Им и не нужно. Загадочность аль-Джахиза открывает простор для интерпретаций.

– Люди определяют его так, как им хочется, – подхватила Хадия. – Так что самозванцу...

– ...не обязательно выбирать конкретный образ, – закончила Фатима. Толпа прошлой ночью. В том человеке в золотой маске они видели аль-Джахиза. Даже если у каждого из них было о нем свое представление, это не играло никакой роли. Аль-Джахиз настолько окутан мифами и сплетнями, что он может оказаться каким угодно.

– Это опасно.

– Потому министерство серьезно относится к людям, называющими себя аль-Джахизами. Он не первый. Но от них всегда проблемы из-за того, что они разжигают в толпе. Люди хотят и готовы верить. Даже когда самозванцы полубезумны.

– А этот как? Полубезумен?

Вспоминая его глаза, Фатима покачала головой. Сила – да. Но в них не было ничего безумного.

– Итак, мы знаем, чего мы не знаем об аль-Джахизе. Как насчет того, что мы знаем?

Хадия снова перелистала свои записи, вынимая следующую страницу.

– Считается, что впервые аль-Джахиз упоминается аль-Хаджем Омаром Талом, завоевателем и основателем Тукулерской империи. В 1832 году он был бродячим мистиком. На обратном пути из хаджа он встретил Ибрагим-пашу⁴⁷, тогда главнокомандующего в сирийской кампании. Омар Тал исцелил от недуга сына будущего паши, после чего совершил знаменитое пророчество о появлении человека, который потрясет мир. Он называл его Хозяином Джиннов.

Фатима вспомнила, что говорил старик из толпы. Хозяин Джиннов – один из знаменитых титулов аль-Джахиза.

– Предполагается, что где-то в это время человек, которому предстояло стать аль-Джахизом, служил в суданском полку, сформированном из солдат-рабов. Некоторые даже утверждают, что его отправили с батальоном в Мексику, чтобы подавить восстание против Наполеона III в 1860-х. Но это похоже на очередные слухи. Поскольку к тому моменту он уже не был в египетской армии. Впервые он появляется с титулом «аль-Джахиз» в 1837-м, в Судане, выступая против рабства в компании загадочного высокого человека – которого сейчас большинство людей считают джинном.

– Тысяча восемьсот тридцать седьмой, – отозвалась эхом Фатима. Она подняла книгу, перелистывая к отрывку, который хотела перечитать. – В том же году произошла стычка на египетско-абиссинской границе, после того, как сборщики налогов похитили эфиопского копт-

⁴⁶ Учение о переселении духа в некоторых исламских течениях.

⁴⁷ Губернатор Каира, правитель Египта. Приемный сын, соправитель и приемник Мухаммеда Али.

ского священника из Судана. Абиссинцы с легкостью победили местный египетский гарнизон и освободили священника. Выжившие утверждали, чтобы абиссинцы использовали «колдовское оружие».

– Аль-Джахиз исчезает из всех записей на тридцать два года, – продолжила Хадия. – Затем, в 1869-м, неожиданно прибывает в Каир. Начинает учить алхимии и тому, что называет «потерянным искусством», осуществляя первые «великие чудеса». У его тайных уличных школ начинают появляться последователи.

– Затем, в 1872-м, Исмаил-паша⁴⁸ аннексирует абиссинскую территорию, начиная войну, – прочитала Фатима.

– Которую мы снова проиграли, – добавила Хадия. – Всего за два дня! На этот раз люди обратили внимание на солдатские рассказы о магии. В то время аль-Джахиз исчез, сейчас считается, что он был в Абиссинии, следуя по стопам Пророка – да пребудет над Ним мир. Скорее всего, он и был источником их оружия.

– Что абиссинцы ни в коем случае не признают, – проворчала Фатима. Она не могла понять, почему монархия оставалась такой скрытной. Они подписали мирный договор, и уже несколько десятилетий между странами не было никаких боевых действий. Но опять же, абиссинские правители позволяли живым львам разгуливать по своим дворцам – и, по имеющимся сведениям, эти львы умели разговаривать. Так что, может, это и не самый странный аспект монархии.

Хадия листала свои записи, пока не нашла нужное место.

– После войны в 1872 году Исмаил-паша узнал об аль-Джахизе и арестовал его за предательство. Однако аль-Джахиз заинтересовал его своими учениями. Хедив помещает его во дворец Абдин, чтобы он мог проводить эксперименты. Именно там аль-Джахиз создает большую часть своих машин и пишет множество книг. Там происходит «это».

Книга Фатиме не понадобилась. Каждый первогодка в министерстве знал эту историю. Как аль-Джахиз построил великую машину из алхимии и магии. Как весь дворец был охвачен светом, из-за которого камни деформировались и переливались. В то время люди называли это работой суданского чародея хедива. Сегодня это событие вспоминают, как создание канала в Каф, ослабление барьеров между множеством реальностей, навсегда изменившее мир.

– Никто не знает, зачем он это сделал, – читала Хадия. – Любопытство, озорство, злой умысел. Но это открытие так и не сумели воссоздать.

Фатима придержала язык, ее глаза устремились к хранилищу за раскачивающимся маятником. Это было не совсем правдой. Великая формула аль-Джахиза – Теория пересекающихся сфер – однажды была воссоздана с помощью машины, построенной ангелом Творцом. Он называл ее Часами Миров. Творец желал использовать свое изобретение, чтобы уничтожить этот мир, но вместо этого они с Сити уничтожили машину. Отчеты по делу для большинства оставались засекреченными. А то, что осталось от часов, теперь находилось всего в нескольких футах от них, в хранилище, где министерство скрывало самые ценные секреты.

– В течение следующих нескольких месяцев, – продолжила Хадия, – по всему Каиру начинают появляться небольшие группы джиннов. Как и в других местах. В основном они скрываются, но хедив чувствует, что происходит нечто грандиозное, и начинает движение к большей независимости от Османской Порты. Просит аль-Джахиза изготовить для него магическое оружие. Но тот не соглашается. Разгневанный отказом, Исмаил-паша посылает солдат конфисковать его изобретения. Когда они прибывают, аль-Джахиз уже исчез. – Она подняла насмешливый взгляд. – Всего лишь с дюжину версий того, как это произошло.

Это было преуменьшением. Аль-Джахиз ослепил солдат хедива, после чего прошел сквозь их ряды, пока они вслепую размахивали руками. Он превратил их в клубы дыма. Нет,

⁴⁸ Сын Ибрагим-паши, правитель Египта.

он превратил их в крылатых баранов, что унесли суданца прочь. А может, он улетел на спине джинна? Нет, то был механический джинн. Колесница, запряженная джиннами. Или златокрылая птица-рух.

И так далее.

Единственное, что было известно наверняка, – в 1873 году аль-Джахиз исчез, захватив большую часть своих машин и трудов.

– У меня есть кузен, считающий себя авгуром, – поделилась Хадия. – Он клянется, что аль-Джахиз сбежал с помощью огромного устройства, состоявшего из бесконечного множества вращающихся колес. И что даже сейчас он путешествует между мирами, сопровождаемый магией. Но, думается мне, все это не важно. Ведь то, что затрагивает нас сегодня, в основном произошло после его побега.

– Айва, – согласилась Фатима. В течение десяти лет после исчезновения аль-Джахиза начался рост национально-освободительного движения, поскольку Исмаил-паша погряз в долгах и все больше отдавал контроль европейским государствам. Джинны преимущественно скрывались за кулисами, но тоже участвовали в тех событиях. Однако лишь в 82-м в Тель-эль-Кебуре они смогли заявить о себе в открытую – когда магия джиннов объединилась с освободительным пылом, чтобы изгнать британцев из Египта и сбросить их в море. Теперь эта дата отмечается как Явление. Что бы ни произошло с аль-Джахизом, именно они создали этот новый мир.

– Я просто подсчитала, – поморщилась Хадия. – В 1830-х аль-Джахизу было около двадцати. Значит, к тому времени, как он исчез, ему было за шестьдесят. Тому, кто претендует на его имя, должно быть сколько – сотня лет?

– Человек, которого я вчера видела, точно на сотню не выглядел, – поддержала Фатима.

– Хотелось бы, чтобы люди обратили на это внимание. Было бы здорово, если бы нашлись его ранние последователи, которые могут выступить против самозванца.

– Без шансов, – покачала головой Фатима. Последователи аль-Джахиза исчезли вскоре после него, предположительно, чтобы спрятать наиболее секретные труды мистика. Самым молодым из них, если они еще живы, сейчас около семидесяти лет. Министерство искало их десятилетиями, но так никого и не обнаружило.

– Что насчет его спутника? – спросила Хадия. – Который раздваивался? Эта часть истории мне непонятна.

– Сама еще не разобралась, – ответила Фатима. Она снова потеряла свои ребра. – Не знаю, чем был тот человек. Или как он сделал то, что сделал. Там действовали какие-то чары.

– Так в чем связь с лордом Уоррингтоном? – задумчиво кивнула Хадия.

Фатима постучала пальцами по обложке книги. Она обдумывала этот вопрос, пока они составляли профиль.

– Лорд Уоррингтон был настолько одержим аль-Джахизом, что даже создал посвященное ему братство. Насколько я понимаю, они охотились за каждым клочком его одежды, личными вещами – чем угодно. Как за святыми реликвиями. Он был одержим аль-Джахизом до такой степени, что хотел им владеть, быть его частью, а может, и стать им.

– Думаете, самозванец был членом братства Уоррингтона? – округлила глаза Хадия.

– Ничего лучше я не придумала. Кто-то вжился в роль аль-Джахиза. Кто-то, знавший о братстве лорда Уоррингтона. Даже о том, когда братство собиралось вместе. И где. Кто-то, кто мог проникнуть в поместье невидимым и незамеченным. Слишком много частей мозаики совпадает.

– Но почему?

– Может, недовольный сотрудник. – Фатима захлопнула книгу. – Кто-то, желавший убрать Английского Пашу со своей дороги. Или член братства, который слишком далеко зашел в своей игре в аль-Джахиза.

– Звучит правдоподобно. Но не объясняет предположительного ифрита.

– Нет, – признала Фатима, вспоминая странный огонь. – Но будем решать по одной загадке за раз.

Их разговор прервал Загрос, вышедший из башни над ними.

– Вы обе должны понимать, – протянул он, – что вежливые люди соблюдают тишину ради других посетителей.

Фатима обвела взглядом пустой читальный зал.

– Мы единственные посетители.

– Значит, вам стоит утихнуть ради собственного блага.

Напарницы обменялись взглядами. Похоже, срок заработанной симпатии истек.

– Складывается, однако, впечатление, что сегодня я не только библиотекарь, но и посыльный. – Джинн протянул маленькую запечатанную трубку, брезгливо удерживая ее между когтями большим и указательным пальцами. – Это доставил автокурьер. Он не сумел пробраться дальше приемной, так что я был вынужден подниматься целый лестничный пролет – поскольку эти лифты не способны вынести вес моего цветущего тела – и затем еще спускаться назад. Только чтобы выяснить, что послание даже не для меня. Разве не замечательная история?

Фатима приняла письмо с благодарностями, хотя библиотекарь уже удалился.

– Он всегда такой? – Хадия продолжала смотреть вслед Загросу.

– Нет. Иногда у него по-настоящему плохое настроение. – Она прочитала записку. – Похоже, у нас появилась причина выйти сегодня в поле. Были когда-нибудь в Ситэ-Жарден?⁴⁹

– Ни у кого из моих знакомых нет таких денег, – покачала головой Хадия.

– Значит, считайте это возможностью совершить визит. Мы только что получили наводку. Кто-то в этом районе обладает информацией о Братстве аль-Джахиза и может ею с нами поделиться. Давайте сначала пообедаем. Проголодались?

– Умираю от голода! – Хадия почти застонала. – Но, эм-м. – Она указала на циферблат со знаками зодиака. – Думаете, нам хватит времени для ас-салята?⁵⁰ Сегодня пятница. Есть масджиды, открытые для женщин. Это по дороге, мне кажется. И проповедь не длинная.

Фатима посмотрела на часы, чувствуя себя немного виноватой за нетерпеливость.

– Или мы можем просто помолиться здесь, – предложила Хадия. – Главное, сохранять дин⁵¹.

– Нет, – сказала Фатима. Новая напарница, новые уступки. – Ничего страшного. Я не против. – Как раз и голову можно прочистить. – Только у меня нет хиджаба. Одни котелки.

Хадия порылась в сумке и достала синий головной платок.

– Будьте начеку!

⁴⁹ Город-сад (*франц.*).

⁵⁰ То же, что намаз. Обязательные молитвы.

⁵¹ Многозначный исламский термин, чаще всего переводится как «вера» или «религия».

Глава девятая

Ситэ-Жарден всегда вызывал диссонанс. В одно мгновение ты посреди суэты центра Каира – с его магазинами и ресторанами, все еще открытыми для местных по пятницам, и трамваями, переполненными туристами. Но стоит пересечь пару улиц – и оказываешься в месте, где не гудят клаксоны автомобилей, не трещат электролинии воздушных трамваев, не слышно криков уличных торговцев и споров о политике. Только щебетание птиц и шорох ветвей деревьев с густыми кронами.

Ситэ-Жарден построил джинн-архитектор. Он жил в этом мире еще до появления аль-Джахиза и однажды уплыл с армией Наполеона, чтобы увидеть Париж. После Явления джинн вернулся в Египет и уговорил новое правительство поручить ему проектирование квартала, который, по его утверждению, мог показать, что Каир – интернациональный город. В результате получился район, чью современность подчеркивало вдохновение, почерпнутое из мира природы. Здания – в основном посольства – украшали орнаменты из листьев или переплетающихся лоз. Каждый из домов был особняком: многоэтажные виллы с арками и колоннами в виде связок камыша, окруженные лесом деревьев и кустов. Фонари с электрическими лампами накаливания выстраивались вдоль дорог, подобно саженцам, увенчанным сферами цветного стекла.

Фатима любовалась экологической роскошью и покоем. Молитва оказалась хорошей идеей. Она вспомнила, как девочкой оставалась по пятницам дома, пока отец и родственники-мужчины уходили в масджид. Сегодняшняя возможность разделить такой поход с другой женщиной... бодрила. И молитва всегда прочищала ей голову: «Может, тебе стоит завести привычку делать это почаще». Она заглушила наставления матери, прислушавшись вместо этого к Хадие.

– ...так я ему сказала, что, даже если пятничные молитвы для женщин не обязательны, это не значит, что я не могу их посещать. За детьми я не присматриваю. – Она делилась мыслями о женщинах и вере с тех пор, как они вышли из масджида, почти не умолкая, даже когда они обедали на ходу – говяжьих тефтели-кюфта на палочке и лепешки балади. – Я слышала, что в Китае есть масджида только для женщин. Представляете? Может, нам тоже стоит попробовать? Как думаете, поднять этот вопрос на встрече ЕФС?

– Вы участница Египетского феминистского сестринства? – спросила Фатима. Они проводили глазами прокатившийся мимо автомобиль: роскошная черная машина с шестью колесами и подножками цвета слоновой кости.

– Провела лето в Александрии на митинге в поддержку права женщин на голосование. – Она сложила пальцы в знак победы суфражистского движения. – У меня кузина в каирском отделении. Собираемся встречаться на следующей неделе.

– У вас много кузин. – Фатима уже счет потеряла.

– У нас очень большая семья. Хотите сходить? На встречу ЕФС? Мы всегда стараемся привлечь женщин из разных профессий, чтобы показать – мы не только на заводах работаем. – Затем она поспешно добавила: – Я не к тому, что работать на заводе плохо.

По поводу работы на заводе Фатима могла перечислить много плохого: низкая оплата, небезопасные станки, домогающиеся мужчины-начальники, часто ведущие себя как тюремщики. Но она понимала, о чем говорит Хадия.

– Я подумаю, – уклончиво ответила она. Фатима жертвовала деньги ЕФС и в целом поддерживала их движение. Но у кого есть время на политику? Хадия собиралась продолжить – должно быть, заготовила вербовочную речь, – когда к ним присоединилась еще одна женщина.

– Приятный денек для прогулки, – сказала Сити в качестве приветствия.

Фатима вздрогнула от внезапного появления подруги. Сегодня Сити облачилась в укороченный солнечно-желтый кафтан, изумительно сочитавшийся с ее кожей, синие бриджи и высокие кожаные ботинки на шнуровке.

– Три раза звонила тебе на работу, пока не отправила посыльного евнуха, – продолжала Сити светским тоном, шагая бок о бок с агентами.

– Была далеко от телефона, – ответила Фатима. – Не ожидала, что у тебя так быстро что-нибудь появится. И не думала, что на тебя натолкнусь. – Она надеялась, что выражение ее лица в полной мере передает послание «какого черта ты творишь?»

Прошлым вечером по дороге домой они спланировали приблизительный курс действий. Происходящее, похоже, концентрировалось вокруг загадочного тайного общества лорда Уоррингтона. Фатиме предстояло отправиться в офис и освежить знания об аль-Джахизе. Однако эта встреча в план не входила.

– Никогда меня не недооценивай, – подмигнула Сити. Она повернулась к Хадие. – Ты, наверное, ее напарница. Новая леди из Охотников за жутью! У министерства будет шикарная статья от ЕФС.

Наблюдающая за беседой Хадия по вполне понятным причинам выглядела сбитой с толку.

– Это Сити, – сказала Фатима. – Она... – По неизвестным причинам слова связали язык в узел.

– Одна из информаторов агента Фатимы, – без запинки подхватила Сити.

– О! Да, разумеется. Я агент Хадия.

– Рада познакомиться, агент Хадия, – отозвалась Сити, пожимая протянутую руку.

– Как вы встретились с агентом Фатимой?

– Мы тесно сотрудничали, – лукаво улыбнулась Сити. Она подалась вперед и прошептала: – Знаешь, я ведь идолопоклонница.

Глаза Хадии расширились, напоминая темные сливы, и она застыла, все еще удерживая руку Сити. Фатиме хотелось надвинуть котелок на лицо. Почему у этой женщины такой характер? Когда к Хадие вернулся голос, она сумела только выдать: – Я думала, что «идолопоклонница» – оскорбительное слово.

– Только когда *ты* его используешь. – Сити отпустила руку. – Но мы постоянно друг друга так называем. – Заметив растерянность Хадии, она пожала плечами. – Это между идолопоклонниками. Ты не поймешь.

– Чего мы не понимаем, – вмешалась Фатима, – это почему ты здесь. Мы не об этом договаривались.

– Мы ни о чем не договаривались, – невозмутимо отмахнулась Сити. – Я говорила, что свяжусь со своими людьми и найду тебе имя – что я и сделала. Мы не обсуждали, где я должна или не должна появляться. Мне кажется, у меня есть право здесь находиться. Двое из убитых были из моей общины. Мы следим за своими.

Фатима знала, что протестовать бесполезно. Стоило Сити что-нибудь решить – и переубедить ее было невозможно. Фатима могла объявить это расследование министерским делом и приказать ей уйти. Но эта женщина плохо реагировала на приказы властей.

Установилась неловкая тишина. Хадия, шагавшая между ними, бросала взгляды в обе стороны, пока не набралась храбрости для продолжения разговора:

– Можно спросить, из какого вы, эм, *храма*?

– Хатор, – ответила Сити. – Но я скорее склоняюсь к Сехмет.

– Сехмет. Мы изучали Древний и Эллинский Египет на теологической алхимии. Если я правильно помню, она была богиней битвы?

– Глаз Ра. Когда человечество собралось восстать против Ра, его дочь Хатор не слишком обрадовалась. В своем гневе она преобразилась в Сехмет – яростную львицу. Потом начала ломать.

– Разве она чуть было не разнесла мир? – поморщилась Хадия.

– Богиня *по-настоящему* уходит с головой в работу. К счастью для человечества, Тот одурачил ее пивом, которое она посчитала кровью. Уложил ее спать. Проснулась она в настроении получше.

Фатима почти слышала аят, который Хадия, скорее всего, декламировала про себя. К ее чести, новенькая сохранила самообладание.

– Так чем вы занимаетесь в храме?

– Слежу за всякими штуками. Чиню всякие штуки. Собираю всякие штуки. – Сити сверкнула хищной улыбкой. – Иногда, если повезет, ломаю всякие штуки.

– Мы пришли, – сказала Фатима, страстно желая завершить этот разговор. Они стояли перед белым трехэтажным домом. Красная треугольная крыша в западном стиле, но с каменным фасадом в стиле машрабии. Если судить по окнам, в доме была по меньшей мере дюжина комнат – или больше.

– Крутой домик, – заметила Сити.

– Как ты нашла эту, – Фатима сверилась с адресом в записке, еще раз посмотрела на имя, – Набилю эль-Мансур? Погоди, она имеет отношение к Мансурам – владельцам сталелитейных заводов?

– Родственница, – подтвердила Сити. – Хотя они сейчас везде руки запустили. Мерира разослала информацию по храмам. Моя верховная жрица, – объяснила она Хадие. – В любом случае пришла любопытная наводка. От знакомой, которая работает в «Аль-Масри».

– Газете? – спросила Хадия. – Журналистка?

– Лучше. Секретарша. Редактора. Из культа Исиды. Заносчивые ребята, но мы неплохо уживаемся. В любом случае вы заметили, как скупко пишут о смерти лорда Уортингтона?

– У них это выглядит так, будто пожар был всего лишь несчастным случаем. – Фатима уже проверила сегодня газету. – Ничего о тайном братстве. Странно.

– Намеренно, – ответила Сити. – Секретарша говорит, что утром после смерти Уортингтона, когда она пришла на работу, печатники были в бешенстве. Им пришлось выбросить весь тираж утреннего материала и перепечатать заголовки – по приказу, который пришел в четыре утра. В тот день она приняла звонок для редактора. Она периодически подслушивает, чтобы храмы оставались в курсе событий. Звонившая поблагодарила редактора за то, что он придержал статью, которая могла подорвать репутацию Английского Паши. Сильно надавила, чтобы тот продолжал в том же духе.

Фатима думала, что это работа Асима. Но все оказалось куда интереснее.

– Дай угадаю. Звонила Набиля эль-Мансур.

– Ты начинаешь понимать, – подмигнула Сити. – Еще секретарша передала, что семья эль-Мансур – крупный финансовый спонсор городских газет. Могу поспорить, что она не только туда звонила.

– Вот тебе и свободная пресса, – пробурчала Хадия.

– Статья, которая могла подорвать репутацию Английского Паши, – повторила Фатима. – Например, о смерти на собрании собственного оккультного общества.

– Я поместила эту причину в верхние строчки списка, – согласилась Сити. – Мерира сказала, что до того, как он обратился к храмам для своего маленького клуба, он пытался заинтересовать людей из класса повыше. Мансуры подходят.

Фатиме тоже так казалось. Они прошли по усаженной деревьями дорожке к парадной двери – на ее черной поверхности были вырезаны сомкнутые друг с другом звезды. Чтобы им открыли, понадобилось дважды постучать бронзовым молотком. Служанка, молодая девушка

в белом, смотрела на троицу пустыми глазами, пока Фатима не показала значок, после чего та ринулась за хозяйкой.

Когда Набиля эль-Мансур подошла к двери, она оказалась совсем не похожа на сложившийся в голове Фатимы образ. Она была невысокой, но на удивление плотной – не полной, но крепкой, в современной шелковой галабее с золотой каймой, контрастом которой служил торопливо повязанный черный традиционный хиджаб. Пусть она была немолода и на лице хватало морщин, глаза сохраняли жесткость. Наморщив ястребиный нос, она окинула их оценивающим взглядом, на какой способны только патриции.

– Ну? – спросила она, нетерпеливо цокнув языком.

– Ас-салям алейкум, мадам Набиля. Я агент Фатима, а это агент Хадия. Мы из Министерства алхимии, заклинаний и сверхъестественных существей.

Мадам Набиля внимательно рассмотрела их значки, затем уставилась на агентов ореховыми глазами, похожими на совиные.

– Что министерству от меня нужно?

– Мы хотели задать несколько вопросов о лорде Уортингтоне.

– Он мертв. Это изменилось?

Значит, по-простому она не хочет.

– Он умер в компании определенного братства, о котором, мы полагаем, вам известно.

Это привлекло ее внимание. Губы Набили сжались, а блеск в глазах стал острее. Через мгновение ее лицо расслабилось, и она поправила хиджаб.

– Очень хорошо, заходите. – Ее взгляд переметнулся на Сити. – Но вашей абде⁵² придется подождать снаружи.

Фатима застыла, а за ее спиной Хадия сделала шумный вдох. Это обращение было достаточно распространенным – унижение нубийцев и любых других людей с черной кожей. Не слишком деликатное напоминание о недавнем прошлом. Но Каир гордился тем, что идет в ногу со временем. И к тем, кто использовал подобные слова, относились неодобрительно. Во всяком случае, на людях.

– Она не моя... служанка, – сказала Фатима, не в силах толком объяснить присутствие нубийки.

– Кем бы она ни была, пусть ждет здесь. Абидам в моем доме не место.

Фатима открыла уже рот в приступе гнева, но ее перебила Сити.

– Я не против, – небрежно сказала она. – В любом случае не думаю, что я туда хочу. – Она задумалась. – Знаете, что забавно? Моя семья живет у Нила тысячи лет. Точно дольше, чем потомки каких-то там мамлюков – таких зазнавшихся и чванливых, что забыли, что появились здесь только недавно. В качестве *рабов*. – Она сделала ударение на последнем слове, после чего беззаботно зашагала прочь.

– Как грубо, – поморщилась ей вслед мадам Набиля. – Абид. Аллах не одарил их кожу светом. – Качая головой, она повела их внутрь.

Фатима бросила взгляд на Сити и последовала за хозяйкой, позволив служанке закрыть за ними дверь.

– Раньше у меня были абида, – продолжала мадам Набиля. – Ужасные ворюги. Валлахи, по утрам приходилось следить за женщинами, когда они пекли хлеб, иначе они могли стащить пакеты муки. Когда я их поймала, сразу выгнала и больше никогда не возьму.

Фатима изучала дом: стены с золочеными цветочными орнаментами, мраморные полы, покрытые роскошными коврами, огромная бронзовая люстра с сотнями сияющих сфер алхи-

⁵² Абид, абда – раб, рабыня, на Среднем Востоке и в Северной Африке широко употреблялось арабами по отношению к черным.

мического газа и богато украшенная мебель с бархатными подушками. И эта отвратительно богатая женщина жаловалась на кражу муки?

– Мы здесь не ради ваших политических взглядов, – оборвала ее разглагольствования Фатима.

– Ты не одобряешь мои слова. Неудивительно. Твои нос и губы напоминают абидов. И кожа. Я-то думала, что эль-Шаарави – состоятельная и уважаемая семья на юге.

– Не те Шаарави, – ответила Фатима. – Вы ошиблись.

– Ну хотя бы ты похожа на чистокровку. – Оценивающий взгляд женщины переместился на Хадю.

– Среди Его знамений – Сотворение небес и земли и различие ваших языков и цветов. Воистину в этом – знамения для обладающих знанием⁵³, – холодно ответила та. Закончив аят, она улыбнулась: – Перед лицом Аллаха наша *кровь* ничто. Добродетель в поступках, не в цвете кожи.

Лицо мадам Набили вытянулось, она явно не привыкла получать отповеди, особенно от людей вдвое ее моложе. Их провели через комнату с панорамными картинами, включая изображение парящего над крепостью Саладина дирижабля.

– Вы помешали моей гидротерапии, – пробурчала мадам Набия. Она приподняла полу галабеи, чтобы подняться по винтовой лестнице с перилами в виде лозы. – Так что вам придется говорить, пока я буду париться.

Наверху она повела их в большую ванную комнату, где полы и стены были выложены зеленой плиткой, перемежающейся желтыми восьмиконечными звездами. У большого серебряного ящика стояло несколько служанок – снова женщины в белом.

Пока Фатима и Хадия устраивались на скамейке, две служанки помогли хозяйке разоблачиться. Еще две крутили ручку серебряного ящика, который разошелся по стыку, проходящему посередине. Внутри оказался небольшой стульчик, куда опустилась мадам Набия. Ящик снова сомкнулся, оставив снаружи только ее голову, торчавшую из дырки наверху. Коробка принялась гудеть и шипеть, а вокруг головы мадам Набили начал подниматься пар со сладким травяным ароматом. Фатима принялась. Кардамон? Она заварку туда добавила?

– Богатые люди странные, – прошептала Хадия.

Это было правдой во все времена.

– Так, – сказала мадам Набия. – Чего вы хотите?

– Информацию о лорде Уортингтоне, – ответила Фатима. – Вы были знакомы?

– С Алистером? – Она нахмурилась. – Да, были. Ничего предосудительного. Он дружил с моим мужем, почившим много лет назад. По большей части у нас были деловые отношения. Хотя он почему-то думал, что может доверять мне так же, как моему мужу. Окциденталистам, по моему опыту, всегда нужен кто-нибудь, кому они могут довериться.

– Он рассказывал вам о Братстве аль-Джахиза?

– Великий проект Алистера. – Она скорчила гримасу. – Он все уши мужу прожужжал по поводу аль-Джахиза. Надоедал и забрасывал вопросами, будто мы что-то знаем об этом безумце. После кончины мужа он пытался меня завербовать. Я отказалась, конечно! Предупредила, что он превратится в парию, если все это всплывет. Но он был упрямым.

– Что вы знаете о братстве? – спросила Фатима.

– Немного. – Мадам Набия прикрыла глаза, пока служанка утирала пот с ее лба. – Они охотились за секретами аль-Джахиза и проводили странные ритуалы. Алистер считал, что эти секреты могут привести к новой эре – будто у нас мало забот.

– *Quærite veritatem*, – процитировала Фатима.

⁵³ Коран 30:22.

– Ты видела тот безобразный герб? – фыркнула мадам Набиля. – Мне кажется, он и правда во все это верил. Сомневаюсь, что это можно сказать о половине его братства.

– Если они не разделяли его идей, то зачем вступили?

– Положение и рост. Для амбициозных людей братство стало возможностью сблизиться с Алистером. Единственной возможностью после того, как он уехал из Британии и осел в Гизе. Они могли даже выпросить средства на свои проекты. Для многих это оказалось удачной ставкой. Хотя большинство попусту потратило время.

– Почему?

– Алистер практически перестал заниматься компанией. Он слишком сконцентрировался на Братстве.

– Кто в таком случае ею управляет? – спросила Хадия.

– Думаю, его сын, Александр.

– Почему вы связались с газетами по поводу статей о лорде Уортингтоне?

– Откуда вы?.. – Глаза мадам Набили расширились. Она вздохнула. – Ну, у меня тот же ответ. Александр Уортингтон.

– Вы говорите, что сын лорда Уортингтона попросил вас скрыть детали смерти отца?

– Он запаниковал, – щелкнула языком мадам Набиля. – Умолял с ними договориться.

– И вы оказали ему услугу?

– Я не рассчитываю, что вы поймете бремя социального положения. Лорд Уортингтон был уважаемым членом египетского общества. Английским Пашой. Будучи наследником состояния Уортингтона, Александр знал, смерть отца в подобной... компрометирующей ситуации может поставить в неловкое положение не только его семью. Его гибель может повредить акциям и коммерческой деятельности Уортингтонов. Не говоря уж о том, что имя Уортингтона жизненно важно для мирного саммита. В интересах каждого было замять это дело.

– Вы не можете его вечно замалчивать, – вмешалась Хадия.

– Девочка, – усмехнулась мадам Набиля, – замалчивать вечно и не нужно. Достаточно выдавать информацию по капле, чтобы у всех была возможность к ней подготовиться. Затем, когда всплывет большая история, ее влияние будет ослаблено, и вскоре о ней забудут.

Фатима понимала логику подобного подхода. В Каире каждый день что-нибудь случилось, и даже такую историю можно похоронить, если пройдет достаточно времени.

– Это правда? – спросила мадам Набиля. – О том, как умер Алистер?

– Мы не считаем, что это несчастный случай. – Фатима ограничилась короткой фразой. Женщина прошептала молитву.

– Я предупреждала его о тех, с кем он сблизился. В конце концов, он связался со всякой рванью. Не только простолюдинами, но даже идолопоклонниками! Можете представить? Если за всем этим скрывается рука шакала, ищите среди них. Можете не сомневаться!

– У него были враги?

– Деловые конкуренты. Никто из них не способен на подобную низость.

– Что насчет членов его Братства?

– Вряд ли. Их число никогда не превышало двадцати. И все они погибли вместе с ним.

«Все они, – подумала Фатима. – О ее теории можно забыть».

– Ужасное дело, – сетовала мадам Набиля. – Неудивительно, что Александр выглядел таким расстроенным. Я уже думала, что он на колени встанет, когда просил моей помощи. Как недостойно.

– Выглядел расстроенным? – Фатима нахмурилась. – Александр Уортингтон лично вас просил? В утро гибели его отца? Он в Каире?

– Да, – удивленно моргнула мадам Набиля. – Он только вернулся в страну, а здесь такие ужасные новости.

Фатима обменялась взглядами с Хадией. Это были новые сведения.

– Последний вопрос. Александр был частью Братства?

– Аллах его знает, – пожалала плечами женщина. – Но, учитывая убеждения его отца, мне трудно представить, что были другие варианты.

Фатима задумалась. Вполне возможно, что один член Братства аль-Джахиза все-таки выжил.

Мадам Набилия не посчитала нужным прервать свою гидротерапию, чтобы их проводить.

– Неприятная женщина, – проворчала Хадия.

– Как говорила моя мама, большие деньги всегда оказываются в руках плохих людей. Хорошая работа. С аятом. Думаю, после этого она стала сговорчивее.

– Я об этом даже не думала, – пробормотала Хадия. – Просто не удержалась из-за ее расизма.

– Таких много, – заверила Фатима.

– Когда я жила в Америке, там все вертелось вокруг цвета. Где можно есть. Где можно ездить. Где жить или спать. Когда я вернулась в Египет, то поверить не могла, что раньше этого не замечала. С моими друзьями, моей семьей. В александрийском ЕФС нет сотрудниц темнее меня. На наших протестах нубийские и суданские женщины маршировали в задних рядах. Цитаты из Писания помогают в подобных спорах. – Она вздохнула. – Может, мы не так уж отличаемся от Америки.

Фатиме не нужно было путешествовать, чтобы это понимать. Ей тоже довелось пережить немало оскорблений. Куда меньше, чем Сити, но ей хватало. Магия и джинны далеко не все изменили.

Служанка распахнула перед ними входную дверь, выпуская агентов наружу. На улице их поджидала Сити. Она подозрительно принюхалась:

– Почему вы пахнете чаем?

– Давайте поймаем экипаж, – сказала Фатима. – Я расскажу по дороге.

Чтобы найти экипаж, им пришлось выбраться из Ситэ-Жарден – так что Фатима все рассказала на ходу. К моменту, когда они поймали такси, девушки уже обменивались идеями.

– Александр Уортингтон в Каире, – пробормотала Сити. – А его сестра утверждала обратное?

– Сказала, что он за границей.

– Зачем ей было врать? – спросила Хадия.

– Самой хотелось бы знать, – проворчала Фатима.

– Думаешь, он как-то со всем этим связан? – поинтересовалась Сити. – Может, нанял Золотую Маску, чтобы тот прикончил отца? Вероломно. Даже для англичанина.

– А может, он просто самозванец, – ответила Фатима.

– Какая... сложная интрига! – шумно вздохнула Хадия.

– Наш друг прошлой ночью слишком хорошо говорил. У англичан обычно ужасный арабский. Наследник Уортингтона, который притворяется аль-Джахизом в Каире, – это *слишком* сложная интрига.

Фатима тоже так думала. К тому же это не объясняло возможное присутствие ифрита. Или человека, с которым они сражались прошлой ночью, – если он был человеком. Ей нужны зацепки.

– Ты права, – признала она. Лучше не заниматься пустыми домыслами.

Вскоре они подъехали к министерству. Когда они выбрались из экипажа, Фатима отвела Сити в сторону:

– Насчет того, что случилось раньше... с мадам Набилей.

– Думаешь, меня первый раз называют абдой? – Сити отмахнулась, будто отгоняя невоспитанных детей. – Оскорбляют мою семью, называя нас «стадом вонючих абид»? Или коммен-

тируют мой цвет кожи? Губы и нос? Мужчины, которые предлагают мне стать их маленькой гарией?⁵⁴ Поверь, это не редкость.

– Это не значит, что она была права.

– Защитница моей чести. – Сити улыбнулась. – Я сейчас сомлею. – Она перевела взгляд за плечо Фатимы. – Хотя нам придется подождать.

Фатима обернулась и увидела, как из министерства выходит знакомая фигура в униформе цвета хаки.

– Инспектор, – поприветствовала она. – Еще один неожиданный визит.

– Агент, – ответил Асим. Затем повернулся к Хадие: – То есть агенты. – Он посмотрел на Сити, но та отвернулась. – Звонил в твой офис. Тебя не было, так что решил заскочить. Тебя видел только джинн в библиотеке. Он меня, по-моему, пять раз оскорбил, только чтобы сказать, что ты уехала.

– Прости, что тебе пришлось это пережить, – насмешливо ответила Фатима.

И Асим хмыкнул, разгладил усы.

– Вы обе знаете, что пахнете чаем? Как бы там ни было, я тебя искал, чтобы узнать насчет прошлой ночи. О встрече с аль-Джахизом. – Он произнес имя с сарказмом. Утром Фатима первым делом позвонила инспектору. У полиции больше людей для прочесывания улиц, чем у министерства.

– И?

– Мы его нашли! Во всяком случае, информацию о нем. Похоже, ты была права. Он как минимум неделю слоняется по Каиру. Может, дольше. Не знаю, как мы его пропустили. Но стоило наострить уши, как мы услышали сплетни на улице.

– Что-нибудь о его личности?

– Нет, – покачал головой Асим. – Но мы выяснили, где он появится в следующий раз. В воскресенье вечером. Думаю сходить с парочкой друзей. – Его усы дернулись. – Хочешь с нами?

⁵⁴ Черная рабыня, наложница.

Глава десятая

Следующие два дня они посвятили планированию.

Асим получил ордер на арест, перечислив каждое обвинение и уголовную статью, которые могли сойти ему с рук – и еще несколько, которые, скорее всего, не могли. Фатима согласовывала действия в предстоящей операции. У полиции были люди. Но если уж министерство тоже участвовало, ей нужно было кое-что сделать.

А именно: удерживать людей Асима под контролем. У каирской полиции сложилась репутация. Фатима хотела схватить самозванца, а не устраивать бунт. Так что никакого огнестрельного оружия. На этом собрании, скорее всего, будет много бедных людей, стариков, даже детей. Последнее, что им нужно, – это пули. Амир позволил ей собрать специальный отряд агентов. Хамид был первым, кого она выбрала. Он помог найти еще четырех – людей, умевших сохранять хладнокровие, и чьи размеры заставляли других подумать дважды, прежде чем нападать.

Сложнее всего оказалось уговорить Хадию остаться в офисе. Новичку не место в подобной операции. Если все пойдет наперекосяк, никто не мог гарантировать безопасность. Напарница ничего не хотела слышать. Фатиме пришлось зачитать министерский устав и объяснить, что она больше поможет, если займется логистикой в полицейском участке. Онси тоже будет с ней. Каждый должен заниматься тем, что у него лучше всего получается.

Единственной загвоздкой стала возможность встречи с Александром Уортингтоном. К досаде Фатимы, у нее не было оснований для ордера. Несмотря на утверждение мадам Набили, что он находился в городе в ночь убийства отца, судя по документам, англичанин прибыл на дирижабле днем позже. В то время как предполагаемого аль-Джахиза видели по меньшей мере неделей ранее. Разумеется, документы можно подделать. Он мог даже кого-то нанять, чтобы сыграть роль самозванца. Фатима предложила вызвать его для допроса, чтобы прояснить ситуацию. Но Асима уже успело предупредить начальство – получившее нагоняй от политиков и бизнесменов. Наследник Уортингтона оплакивал смерть отца, утверждали они, и готовился к его похоронам по каким-то английским традициям. Он не подозреваемый. И задать вопросы ему можно позже.

– Если громко стучать в ворота таких людей, они спускают своих псов, – сказал инспектор. – Давай поймем самозванца. Если в деле замешан Уортингтон, человек, притворяющийся аль-Джахизом, скорее всего, окажется мелким мошенником. Или хуже того – театральным актером. Я умею раскалывать и тех и других. Они сдадут своего нанимателя.

Фатима посчитала, что это разумно. К воскресной ночи она была на взводе.

Следователь сидела в полицейском фургоне из кортежа громыхавших по улицам Каира машин. Хамид устроился прямо напротив в наглаженной министерской униформе – серебряные пуговицы сияли, а на штанах идеальные стрелки. Он выглядел иллюстрацией из учебного руководства – вплоть до красной фески. Единственной выбивавшейся деталью были его ботинки: черная армейская модель с толстой подошвой. Остальные трое мужчин в фургоне – все с широкими плечами и толстыми шеями – носили такие же.

Фатима подумывала надеть униформу. Около десяти секунд. Костюмы гораздо удобнее. Сегодня она выбрала угольно-серый: строгий, без обычного ее щегольства. Ну, помимо костяных пуговиц на пиджаке и жилете. И, возможно, кобальтовый галстук с мандариновыми полосками был слишком эффектным. Зато туфли обычного черного цвета, пусть и лаковые. Они предназначались для бега и прыжков. Она подготовилась. Просто со стилем.

– Большая толпа будет? – спросил Хамид. Его руки небрежно обхватили дубинку, лежащую на коленях.

– Если судить по тому, что я видела в пятницу.

– Они правда думают, что это он? – спросил другой агент. – Аль-Джахиз?

– Некоторые. Другим, думаю, просто интересно. – По городу не расклеивали постеров с рекламой сегодняшнего собрания. Ни слова в газетах. Но узнать о нем можно было где угодно – из надписей на стенах глухих переулков или перешептываний в нелегальных притонах. Временами Каир казался монетой с двумя разными аверсами.

– Я слышал, – вступил в разговор третий агент, – что он творит чудеса. – Судя по выражению лица, он ожидал, что она подтвердит или опровергнет эти слухи.

– Я никаких чудес не видела.

– Но ведь был ифрит? – вмешался четвертый. В его голосе слышалась надежда, что пугало. Никто не должен *надеяться* на встречу с ифритом.

– Я видела только трюки с огнем, – отрезала Фатима.

Повисла неловкая тишина, затем в разговор снова вступил Хамид:

– Не важно, кем он себя называет или какие магические фокусы исполняет. Мы агенты министерства. Ничего, с чем мы не можем справиться.

– Что насчет второго? – снова спросил скептик. – Который, по вашим словам, может раздваиваться?

– Будем надеяться, что вы сможете с ним справиться вчетвером. – Фатима поморщилась, вспомнив их встречу. – Или с ними.

– Вот для чего нам эти штуки. – Хамид поднял дубинку – длиной почти с его руку, с выпуклым навершием. Он нажал на рычажок у основания, и навершие покрылось синими потрескивающими молниями. Остальные разразились криками, вздымая собственные дубинки. Один даже начал стучать себя в грудь кулаком. «Мужчины, – решила Фатима, навверное, в сотый раз, – такие странные существа».

Когда полицейский фургон остановился, Фатима выпрыгнула первой, приземлившись на неровную землю в облаке пыли. Она поправила котелок тростью и оглянулась. Под светом полной луны, висящей на черном холсте неба, вокруг расстился Город Мертвых.

Эль-Карафа, Кладбище, как большинство называли старый некрополь, прильнуло к подножию холмов. Когда-то здесь добывали известняк, и вершины холмов до сих пор выглядели изломанными и изрытыми. Кладбище расположилось в долине между ними: плотная сеть гробниц и мавзолеев, построенных за последние 1200 лет. Здесь хоронили семьи египетских правителей – военных командиров, султанов-мамлюков, были даже османские паши. Их гробницы выглядели как дворцы в миниатюре и превратились в достопримечательность, в некоторых даже открыли суфийские школы. В эль-Карафе собирались ищущие мудрость и те, кто следил за его сохранностью.

Но это было давным-давно.

В последние годы османского правления зажиточные обитатели кладбища перебрались в более привлекательные районы Каира. Быстрая урбанизация, последовавшая за появлением джиннов, только ускорила процесс, в ходе которого каирский средний класс переезжал в новые постройки с современными удобствами. Приток в город фермеров, крестьян и иммигрантов означал появление новых жителей некрополя – в основном нищих. Мавзолеи пришли в упадок, многие обрушились – от некоторых остались только обломки. Здесь не было водопровода, газа, паровых машин или даже дорог. Тем не менее люди приспособились, обустроили скромные жилища, некоторые даже поселились в гробницах. Казалось, место, созданное для мертвых, помимо воли притягивало к себе живых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.